

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

1 (25) / 2024

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

№ 1 (25) ISSN 2713-2811
Вологда 2024

Издается с июня 2018 года
Выходит 4 раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
В. Н. Некрасов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Дата выхода в свет: 29.03.2024

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2024

© ВоГУ, 2024

VILE of the FPS of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Online scientific and practical
journal of private and public law

№ 1 (25) ISSN 2713-2811
Vologda 2024

Published since June 2018

Published four times a year

Founders:

VILE of the FPS of Russia (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia),

VoSU (Vologda State University)

Editor-in-Chief:

Vasilii N. Nekrasov

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Date of publication: March 29, 2024

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration Number EI No. FS77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE of the FPS of Russia, 2024

© VoSU, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Некрасов В. Н. – врио начальника ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук (главный редактор);

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Воронина Н. П. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Городов О. А. – профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мионов А. В. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Самович Ю. В. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Санташов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Углицких Д. В. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Уторова Т. Н. – директор Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

Фархутдинов И. З. – ведущий сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL

Vasilii N. Nekrasov – Acting Head of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law) (Editor-in-Chief);

Pavel V. Golodov – Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, (Deputy Editor-in-Chief);

Ol'ga Yu. Krukova – Senior Researcher of the Sub-branch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law) (Executive Secretary);

Aleksei V. Barkov – professor at the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Natal'ya P. Voronina – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Boris Ya. Gavrilov – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Oleg A. Gorodov – professor at the Commercial Law Department of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Ivan V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Aleksandr S. Dugenets – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal “Administrative Law and Process”, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Vladimir A. Kvashnin – professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana A. Koren' – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Lev L. Kruglikov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena V. Kuznetsova – associate professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina – professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law);

Oleg S. Kuchin – professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Gorazd Meshko – professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Aleksei V. Mironov – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Yurii V. Mishalchenko – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. In Economics, Professor;

Roman V. Nagornyykh – professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Natal'ya V. Panteleeva – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Vladimir A. Ponikarov – professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Marina M. Popovich – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Roman A. Romashov – professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Yuliya V. Samovich – professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei L. Santashov – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav P. Silkin – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Sergei A. Starostin – professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Professor;

Dmitrii V. Uglitskikh – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law);

Tatyana N. Utorova – Director of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Candidate of Sciences (Law);

Insur Z. Farkhutdinov – Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law) (by agreement);

Dulat S. Chukmaitov – professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor;

Vyacheslav B. Shabanov – Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Aleksandr S. Shatalov – professor at the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics», Doctor of Sciences (Law), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	9
ГОЛИКОВА О. А. Особенности процесса установления факта психического расстройства в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние (XVIII – первая половина XIX в.)	15
ДАВИДОВИЧ Н. В. Право собственности на информационные объекты: проблемы понимания и особенности реализации ...	23
ЕПИФАНОВ А. Е. К вопросу становления и развития государственности Нагорного Карабаха	33
ЛАПШИН В. Е., ШАХАНОВ В. В. О некоторых юридико-технических проблемах использования структурных и формальных правил оформления нормативных правовых актов	39
ВОРОНИНА Н. П. Цифровая трансформация сельского хозяйства в контексте обеспечения продовольственной безопасности: правовой опыт стран БРИКС	45
ДОЛИНИН А. Ю., МОТОРОВА Н. В. Совершенствование нормативного регулирования адаптации персонала уголовно-исполнительной системы	53
КАЗАК Б. Б., СМИРНОВА И. Н., БЫЧИНСКАЯ И. С. Проблемные аспекты правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы в механизме предупредительного воздействия на лиц, отбывающих наказания без лишения свободы ...	60
НАГОРНЫХ Р. В., ПЯЛЛИЕВ С. В. К вопросу о пересмотре дел об административных правонарушениях в надзорном порядке	69
ВОРОБЬЕВА М. С. Аспекты криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования	77
ЖИТКОВ А. А., ШЕПЕЛЬ В. В. Ошибки законодательной техники в построении состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ	84
КАБАНОВ В. М. К вопросу о существовании условно аксиоматических положений в УК РФ	92
КОРНИЛОВА Т. В., ЛАПЕНКОВ Е. О. Проблемы уголовно-правовой охраны персональных данных в сети «Интернет»	97
КУЧИН О. А. Концептуальные положения криминалистической методики расследования преступлений в сфере киберпространства	103
МАЛИМОНОВА А. С. Международное сотрудничество в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере обеспечения продовольственной безопасности	113
ПЕЛЕВИНА А. В. Преступления в сфере компьютерной информации: реальное состояние и перспективы реализации	120
САВУШКИН С. М. Некоторые проблемы предупреждения преступности в исправительных учреждениях	129
СВЕТЛИЧНЫЙ А. А. Содержание и значение криминалистической тактики в структуре криминалистического знания: терминологические аспекты	135
ХАЛЕЗОВА Я. М. Теоретическая характеристика оценочных понятий в уголовном праве	144
ШАТАЛОВ А. С. Полномочия следователя по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса	152
ОНИЩЕНКО И. С., ФЕДОРОВА А. В. Актуальные вопросы правового регулирования установления отцовства в Российской Федерации	163
МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В., МИШАЛЬЧЕНКО М. Ю., ТАРАНЕЦ В. А. Международно-правовая и политическая оценка тенденций развития Интерпола	169

CONTENT

EDITORIAL	9
GOLIKOVA O.A. Features of the Process of Establishing the Fact of a Mental Disorder in relation to Persons Who have Committed a Criminally Punishable Act (18th Century – the First Half of the 19th Century)	15
DAVIDOVICH N.V. Data Ownership: Problems of Understanding and Implementation Features	23
EPIFANOV A.E. On the Formation and Development of the Statehood of Nagorno-Karabakh	33
LAPSHIN V.E., SHAKHANOV V.V. On Some Legal and Technical Problems of Using Structural and Formal Rules for the Design of Regulatory Legal Acts	39
VORONINA N.P. Digital Transformation of Agriculture in the Context of Ensuring Food Security: Legal Experience of the BRICS Countries	45
DOLININ A.Yu., MOTOROVA N.V. Improving Regulation of the Adaptation of the Penal System Employees	53
KAZAK B.B., SMIRNOVA I.N., BYCHINSKAYA I.S. Problematic Aspects of Law Enforcement Activities of the Penal System in the Preventive Action Mechanism in relation of Persons Serving Sentences without Imprisonment	60
NAGORNYKH R.V., PYALLIEV S.V. On the Issue of Reviewing Cases of Administrative Offenses under the Supervisory Review Procedure	69
VOROB'EVA M.S. Aspects of Forensic Characteristics of Insurance Fraud	77
ZHITKOV A.A., SHEPEL' V.V. Drawbacks of Legislative Technique in the Construction of the Corpus Delicti Provided for in Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation	84
KABANOV V.M. Discussing Existence of Conditionally Axiomatic Provisions in the Criminal Code of the Russian Federation	92
KORNILOVA T.V., LAPENKOV E.O. Problems of Criminal Law Protection of Personal Data on the Internet	97
KUCHIN O.S. Conceptual Provisions of the Forensic Methodology for Investigating Cyber Crimes	103
MALIMONOVA A.S. International Cooperation in Combating Crimes Committed in the Field of Food Security	113
PELEVINA A.V. Computer Crime: Problems of Identifying the Corpus Delicti and Exercising Criminal Liability	120
SAVUSHKIN S.M. Some Issues of Crime Prevention in Correctional Institutions	129
SVETLICHNYI A.A. Content and Significance of Forensic Tactics in the Structure of Forensic Knowledge: Terminological Aspects ..	135
KHALEZOVA YA.M. Theoretical Characteristics of Evaluative Concepts in Criminal Law	144
SHATALOV A.S. The Investigator's Powers to Appeal the Prosecutor's Decisions Taken at Pre-Trial Stages of the Criminal Process	152
ONISHCHENKO I.S., FEDOROVA A. V. Topical Issues of Legal Regulation of Establishing Paternity in the Russian Federation	163
MISHAL'CHENKO Yu.V., MISHAL'CHENKO M.Yu., TARANETS V.A. International Legal and Political Assessment of the Interpol Development	169

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается первый в 2024 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «Ius publicum et privatum».

На страницах журнала представлены научные дискуссии по актуальным вопросам, касающимся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теоретико-исторические правовые науки»**. Статья О. А. Голиковой посвящена рассмотрению процесса становления и развития процедуры освидетельствования лиц, совершивших преступные деяния в состоянии психического расстройства. На основе анализа правового материала XVIII – первой половины XIX в. выявлены особенности данного процесса, определены характерные черты, а также основные проблемы: поверхностность, обусловленная примитивностью установления факта болезни посредством опроса; отсутствие необходимых знаний и специалистов в сфере психиатрии; бюрократизм и формализм.

В статье Н. В. Давидовича раскрывается один из наиболее актуальных вопросов современного понимания права собственности. Восприятие информации и информационных продуктов в качестве объектов гражданских правоотношений повлекло за собой возникновение большого количества споров о возможности дальнейшего применения традиционной конструкции права собственности, которая в силу своей вещной природы в складывающихся жизненных обстоятельствах утрачивает универсальность и нуждается в переосмыслении. В рамках статьи поставлены вопросы понимания права собственности и его конструктивных элементов, а также правового статуса информа-

ционных объектов, проведен анализ допустимости и обоснованности применения традиционной конструкции права собственности к информационным объектам.

В исследовании доктора юридических наук, профессора А. Е. Епифанова анализируется процесс автономизации Нагорного Карабаха, приводится авторская интерпретация известных фактов, предпринята попытка восстановить картину исторических событий. Автор приходит к выводу, что в настоящее время без решения на уровне Генеральной Ассамблеи ООН спорной ситуации соотношения принципов территориальной целостности государства и права наций на самоопределение ставить точку в данном вопросе преждевременно.

Следующую статью подготовили доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент В. Е. Лапшин и кандидат юридических наук, доцент В. В. Шаханов. По мнению авторов, структурные и формальные правила составления нормативных правовых актов направлены на обеспечение полного изложения необходимой информации с целью ее эффективного усвоения и дальнейшего использования заинтересованными лицами. Существующие методические рекомендации по юридико-техническому оформлению правовых актов различного вида в целом удовлетворяют потребностям юридической практики, но некоторые детали нуждаются в уточнении. Так, многим нормативным правовым актам в погоне за наиболее точным отображением предмета правового регулирования даются плохо запоминающиеся названия. Для устранения этого недостатка предлагается легализовать наряду с использованием полных наименований их сокращенные варианты.

Специальность «**Публично-правовые (государственно-правовые) науки**» представлена четырьмя статьями. Открывает рубрику исследование доктора юридических наук, доцента Н. П. Ворониной. В условиях современных глобальных вызовов и угроз актуальным является обеспечение продовольственной безопасности. Обеспечение продовольственной безопасности – это задача и интеграционных сообществ. В статье на примере БРИКС рассмотрено стратегическое планирование в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Цифровизация – инструмент, обеспечивающий устойчивое развитие сельского хозяйства. Осуществляемая цифровая трансформация сельского хозяйства стран БРИКС требует новых подходов к определению механизмов совершенствования правового регулирования и стратегического планирования. Выявлены правовые проблемы цифровой трансформации сельского хозяйства и сформулированы авторские предложения по их возможному решению.

В статье кандидата юридических наук, доцента А. Ю. Долинина и Н. В. Моторовой обосновывается актуальность изучения проблем повышения эффективности адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, и с этой целью анализируются статистические данные по кадровому обеспечению органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Отмечаются такие негативные тенденции, как рост количества вакантных должностей в органах и учреждениях, наличие увольнений на первом году службы. В качестве меры укрепления кадрового обеспечения ФСИН России авторы рассматривают возможность разработки отдельного документа, регламентирующего все аспекты организации адаптации сотрудников, впервые

принятых на службу, включая полномочия субъектов и оценку эффективности адаптационных процедур.

Авторы следующей статьи доктор юридических наук, профессор Б. Б. Казак, доктор юридических наук, профессор И. Н. Смирнова и кандидат юридических наук И. С. Бычинская раскрывают некоторые аспекты организации правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы в рамках предупредительного воздействия на лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций. Рассматриваются основные нарушения законности при реализации такой правоохранительной деятельности, анализируются их причины. Обосновывается важность для данного направления деятельности поиска новых форм и методов, повышения уровня подготовки сотрудников всех заинтересованных ведомств.

Доктор юридических наук, доцент Р. В. Нагорных и С. В. Пялиев анализируют проблемы пересмотра дел об административных правонарушениях в надзорном порядке, в том числе совмещения в ст. 30.12–30.19 КоАП РФ положений, касающихся пересмотра дел в различных инстанциях. Авторами обращается внимание на отсутствие в законе возможности пересмотра в надзорной стадии постановлений по надзорным жалобам, вынесенных судами субъектов Российской Федерации, а также на отсутствие положений о сроках подачи надзорной жалобы. Обосновывается позиция о необходимости дальнейшего развития надзорного производства по делам об административных правонарушениях как важнейшего правового инструмента судебной защиты конституционных прав и свобод граждан нашей страны.

В рамках специальности **«Уголовно-правовые науки»** размещены одиннадцать статей. Открывает раздел статья М. С. Воробьевой, в которой рассматривается структура криминалистической характеристики преступлений в сфере страхования, в которую входят: предмет преступного посягательства; обстановка совершения преступления; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; следы, которые остались на месте происшествия; сведения о личности преступника и потерпевшего. Дан подробный криминологический портрет мошенника в сфере страхования.

Статья А. А. Житкова и В. В. Шепеля посвящена проблемам применения уголовно-правовых норм о посягательствах на сотрудников уголовно-исполнительной системы в связи с осуществлением ими служебной деятельности. Дана уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 295, 313, 317, 321 УК РФ, проведен анализ судебной практики по ст. 321 УК РФ («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») и указанного состава преступления с точки зрения юридической техники. Высказаны предложения по разрешению имеющихся проблем. Акцентируется внимание на вопросе установления возраста уголовной ответственности по анализируемым составам преступлений. Внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства по исследуемому вопросу.

Статья В. М. Кабанова посвящена существованию в Уголовном кодексе Российской Федерации таких положений, которые можно отнести к разряду условно аксиоматичных. С этой целью проводится анализ утверждений «более опасные деяния должны наказываться более строго», «преступление с квалифицирующими признаками обладает

повышенной общественной опасностью», «общественная опасность лица, совершившего преступление при административной преюдиции, увеличивается», в результате которого установлено, что данные положения являются условно аксиоматичными в силу ограниченной сферы действия (распространяются лишь на конкретные составы преступлений). Делается вывод о существовании в УК РФ условно аксиоматичных положений.

Исследование кандидата психологических наук Т. В. Корниловой и Е. О. Лапенкова посвящено анализу персональных данных и личной информации пользователей сайтов в сети Интернет, поднимается вопрос защиты этих данных, раскрываются существующие угрозы и пути их нейтрализации в том числе путем ужесточения уголовно-правовой ответственности. Анализируется международное и национальное законодательство, предлагаются возможные способы блокировки доступа третьих лиц к персональным данным онлайн-ресурсов.

Продолжает рубрику статья доктора юридических наук, профессора О. С. Кучина. Разработка концептуальных положений расследования преступлений в сфере киберпространства позволяет формализовать их существенную часть, что обеспечивает возможность создания групповой методики расследования этих преступлений. При этом речь идет и о разработке единой криминалистической характеристики преступлений данной группы и формировании совокупности таких характеристик, имеющих однотипную структуру.

В статье А. С. Малимоновой приведены примеры результатов международного сотрудничества по борьбе с преступлениями в сфере обеспечения продовольственной безопасности, осуществлен анализ причин нестабильности и паллиативности взаимодействия российских правоохранительных органов с коллегами из международных полицейских и иных организаций. В частности, рассмотрено проведение международной операции по борьбе с преступлениями и правонарушениями в сфере обеспечения продовольственной безопасности, противодействию производству и обороту контрафактной продукции «OPSON». Автором сделан вывод о высокой эффективности реализуемых совместных мероприятий, а также о крайней нежелательности их приостановления или отмены.

Раздел продолжает исследование А. В. Пелевиной, в котором рассматриваются преступления в сфере компьютерной информации, их эволюция, дается доктринальная оценка реального состояния, выявляются юридико-технические изъяны в конструировании уголовно-правовых положений, формулируются предложения по их устройству. Отмечается особая роль Уголовного кодекса Российской Федерации в правовой защите информации.

Статья кандидата юридических наук, доцента С. М. Савушкина посвящена проблемам предупреждения преступности в исправительных учреждениях. Достижение цели уголовно-исполнительного законодательства по предупреждению совершения осужденными преступлений в исправительных учреждениях возможно в условиях комплексного и всестороннего изучения ее причин и условий, а также анализа уровня ла-

тентной преступности. В статье поднимаются вопросы ведомственной категоризации преступлений, которая вступает в конфликт с видами преступлений, установленными уголовным законодательством.

Продолжает рубрику статья кандидата юридических наук, доцента А. А. Светлично-го, которая посвящена анализу дискуссионных вопросов относительно использования в теории и практике ключевых терминов криминалистической тактики как раздела криминалистической науки. Автор рассматриваются аспекты формирования и развития криминалистической тактики, анализируются подходы ведущих ученых-криминалистов к ее содержанию, терминологической составляющей, обозначаются проблемы, требующие дальнейшего осмысления и обсуждения в научной среде.

В статье Я. М. Халезовой исследуется такое средство юридической техники уголовного права, как оценочные понятия, дается их характеристика. Автор делает вывод о том, что существование оценочных понятий в уголовном праве объективно и необходимо, однако наблюдается потребность в выработке универсального стандарта их законодательного закрепления и интерпретации.

Завершает рубрику статья доктора юридических наук, профессора А. С. Шаталова, которая посвящена исследованию наиболее важных аспектов реализации следователем своих полномочий по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса. Автор исходит из того, что для жалоб, в которых должностные лица, занимающиеся производством по уголовному делу, излагают свою позицию, отличающуюся от точки зрения их непосредственного руководителя или осуществляющего надзор прокурора, предусмотрена специальная процессуальная процедура подачи, рассмотрения и разрешения обращений. Приводятся аргументы в пользу назревшей необходимости совершенствования норм действующего уголовно-процессуального законодательства в этой части и формулируются предложения, способные повысить как процессуальную самостоятельность следователя, так и правовую защищенность участников досудебного производства по уголовным делам.

Специальность «**Частно-правовые (цивилистические) науки**» представлена статьей кандидата юридических наук, доцента И. С. Онищенко и А. В. Федоровой, в которой рассматривается правовое регулирование установления отцовства в Российской Федерации, анализируются положения действующего законодательства и сложившаяся судебная практика, а также проблемы, возникающие в связи с наличием пробелов в данной сфере. Отмечается, что применение презумпции отцовства не всегда отвечает интересам родителей и ребенка.

Завершает выпуск публикация по специальности «**Международно-правовые науки**». Статья доктора юридических наук, профессора Ю. В. Мишальченко, М. Ю. Мишальченко и В. А. Таранца посвящена исследованию некоторых международно-правовых и политических аспектов развития Интерпола в краткосрочной перспективе. Интерпол сталкивается с прогрессирующими вызовами современности, для качественного ответа на которые организации необходимо уделять особое внимание развитию своего цифрового присутствия и методов борьбы с киберпреступлениями, не забывая при

этом о классических методах борьбы с транснациональной преступностью. Статья содержит некоторые теоретические рекомендации, исполнение которых способно оптимизировать деятельность Интерпола.

Мы приглашаем активных читателей и авторов издания обмениваться научными идеями на страницах нашего издания. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске журнала, поспособствуют пополнению и обновлению научной базы исследователей по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации новых исследований.

Желаем интересных научных статей, дискуссий и творческих успехов в работе.

С уважением, главный редактор
доктор юридических наук

Некрасов Василий Николаевич

Научная статья

УДК 343.268

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.001

Особенности процесса установления факта психического расстройства в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние (XVIII – первая половина XIX в.)

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИКОВА

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, momsi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6661-6420>

Аннотация. В статье рассмотрен процесс становления и развития процедуры освидетельствования лиц, совершивших преступные деяния в состоянии психического расстройства. На основе анализа правового материала XVIII – первой половины XIX в. выявлены особенности данного процесса и определены характерные черты. Отмечается, что в XVIII в. целевой аудиторией, подлежащей освидетельствованию, являлись дворяне, не имеющие возможности нести государственную службу в силу наличия у них душевной болезни, к середине XIX в. освидетельствованию подлежали все социальные слои российского общества. Обозначены основные проблемы, с которыми был сопряжен данный процесс: поверхностность, обусловленная примитивностью установления факта болезни посредством опроса; отсутствие необходимых знаний и специалистов в сфере психиатрии; бюрократизм и формализм. Значительное внимание в работе уделено анализу указа от 8 июня 1815 г., который серьезным образом изменил процесс освидетельствования.

Ключевые слова: психическое расстройство; опрос; врачебная управа; губернская городская комиссия; Сенат.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Голикова О. А. Особенности процесса установления факта психического расстройства в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние (XVIII – первая половина XIX в.) // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 15–22. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.001.

Original article

Features of the Process of Establishing the Fact of a Mental Disorder in relation to Persons Who have Committed a Criminally Punishable Act (18th Century – the First Half of the 19th Century)

OL'GA A. GOLIKOVA

KI of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, momsi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6661-6420>

© Голикова О. А., 2024

Abstract. The article considers the process of formation and development of the procedure for the examination of persons who have committed criminal acts in a state of mental disorder. Based on the analysis of the legal material of the 18th – first half of the 19th centuries – the stage of its formation and development – the features of this process are revealed and characteristic features are determined. It is noted that in the 18th century the target audience to be examined were nobles who were unable to perform public service due to their mental illness, while at the middle of the 19th century all social strata of Russian society were subject to examination. The main problems associated with this process are outlined: superficiality due to the primitiveness of establishing the fact of illness through a survey; lack of necessary knowledge and specialists in the field of psychiatry; bureaucracy and formalism. Considerable attention is paid to the analysis of the decree of June 8, 1815, which seriously changed the examination process.

Keywords: mental disorder; survey; medical board; provincial city commission; Senate.

5.1.1. Theoretical and historical sciences (legal sciences).

For citation: Golikova O.A. Features of the process of establishing the fact of a mental disorder in relation to persons who have committed a criminally punishable act (18th century – the first half of the 19th century). *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 15–22. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.001.

Процесс освидетельствования душевнобольных, совершивших уголовное преступление, в российском государстве на протяжении своего существования претерпел значительную эволюцию. Следует отметить, что до XVIII в. все вопросы решались в рамках православной церкви, поскольку именно она занималась призрением и устройением жизни сумасшедших, опасных для общества. В XVIII в. ситуация начинает постепенно меняться. При Петре I принимаются два правовых акта, касающиеся установления Сенатом факта психического расстройства.

Процедуре освидетельствования подлежали безумные, или, как сказано в указе от 06.04.1722, «дураки» – лица, страдающие расстройством психики с самого рождения. Указ имел ярко выраженную социальную ориентированность, поскольку касался исключительно лиц дворянского происхождения. По мнению И. В. Константиновского, указ носил полицейский характер, преследуя цель поставить под контроль детей дворян, уклонявшихся от военной службы (была вероятность симулирования расстройства) [1, с. 41; 2]. В указе по этому поводу говорится, что «если человек дурак, из высших или низших чинов, и ни в науку, ни в службу не годится, необходимо об этом подавать известия в Сенат, который проводил освидетельствование» [3, с. 643].

О том, каким образом Сенату следовало выполнять поставленную задачу, сказано в указе от 06.12.1723. Единственным методом выступал опрос. Сенаторы задавали вопросы на различные темы бытового характера и принимали решение на основе полученных ответов [4, с. 184]. Кроме них никакие другие лица, тем более близкие к медицине, не принимали участия в постановке диагноза.

Установленный порядок был основным способом определения факта психического расстройства и сохранялся до середины XIX в.

Анализ указов Петра I 1722 и 1723 гг. позволяет выявить основные черты процедуры освидетельствования. Во-первых, все вопросы решались Сенатом; во-вторых, освидетельствованию подлежали только дворяне; в-третьих, наличие психического расстройства

устанавливалось на основании устного опроса; в-четвертых, причиной освидетельствования являлось уклонение от службы и небрежное отношение к имуществу; в-пятых, ответственность за первоначальное выявление болезни и доставка больных в Сенат возлагались на родственников.

Необходимо сказать, что цель петровских указов заключалась не в том, чтобы освободить имеющего проблемы с психикой дворянина от наказания за совершение им уголовно наказуемого деяния, заменив его на помещение в дом для сумасшедших, как, например, в XIX в., а в том, чтобы поставить под контроль государства несение дворянами службы и благосостояние их имений.

В XIX в. процедура освидетельствования претерпела значительные изменения и стала носить более прогрессивный характер. Развитие процесса освидетельствования умалишенных, совершивших общественно опасное деяние или уголовное преступление, в XIX в. условно можно разделить на два этапа – до и после судебной реформы 1864 г. В рамках данной работы мы рассматриваем первый этап – дореформенный период, поскольку именно в это время государство уделяло внимание установлению факта психического расстройства, делая процедуру доступной для различных слоев населения. Особое значение имело принятие указа от 08.07.1815 [5, с. 880], заложившего основу освидетельствования на местном уровне.

Особенностями дореформенного периода выступали: расширение социальной базы, то есть освидетельствованию подлежали все категории населения; деятельность специальной комиссии, на которую возлагалось осуществление данной процедуры на местном уровне; создание двухуровневой системы свидетельствования – комиссия в губернском городе и Сенат; привлечение медицинских работников в качестве членов местной комиссии; возможность помещения испытуемого на некоторое время под наблюдение врача для проведения дополнительного исследования; замена уголовного наказания на помещение в дом для умалишенных.

Процесс освидетельствования осуществлялся в два этапа. Первый заключался в деятельности созданной комиссии на уровне губернского города, которая занималась сбором необходимой информации о возможном психическом расстройстве и составляла заключение, направляемое в Сенат. Второй этап представлял собой непосредственное решение Сената, принимаемое на основе направленных материалов. Основным способом свидетельствования был устный опрос. После 1841 г. по решению Сената стало возможным использование письменных ответов, которые прикладывались к делу.

Указом от 08.06.1815 были регламентированы создание, состав и деятельность комиссии. Причина его появления была вызвана практической значимостью, так как Сенат не мог справиться с потоком поступающих обращений, к тому же сам механизм доставки лиц для освидетельствования был крайне не удобен.

Принятие указа дало возможность устанавливать факт психического расстройства в губернском городе, для этого при содействии Врачебной управы создавалась комиссия из основных должностных лиц губернии: губернатора, вице-губернатора, председателя гражданской палаты, губернского прокурора. В зависимости от социальной принадлежности испытуемого в состав комиссии входили дополнительные члены. Так, для освидетельствования дворян приглашался губернский предводитель дворянства и один или два уездных. В случае если речь шла о купце или разночинце, то приглашались городской голова и один или два члена от магистрата. Итогом работы комиссии было «несомнительное» решение, направляемое для утверждения в Сенат.

Процедура установления психического расстройства для крестьян, совершивших уголовное преступление, проводилась на основании указа от 23.04.1801 [6, с. 617] и была значительно проще. Поводом для его принятия послужил инцидент в Калужской губернии. Так, поврежденный в уме крестьянин Василий Пахомов совершил убийство своего дяди крестьянина Петрова и был предан суду как виновный. Однако следовало установить факт психического расстройства и предать крестьянина не суду, а поместить в дом безумных. Установление факта расстройства возлагалось на земскую полицию и врачебную управу, принимаемое решение не требовало утверждения в Сенате и было достаточным. Принятие указа дает основания не согласиться с мнением Ц. М. Фейнберг, утверждавшей, что освидетельствование и признание умалишенных крестьян, совершивших преступления, относится к 1830 г. [7, с. 461].

Важной особенностью проведения освидетельствования на местном уровне являлось то, что полномочия комиссии касались лишь умалишенных. Психиатрия XIX в. имела довольно скудные познания области душевных болезней, что на практике означало весьма условное выделение всего двух категорий душевнобольных – безумные и умалишенные. Разница между ними, как отмечает Ю. А. Левенштейн, заключалась в том, что безумие считалось врожденным заболеванием, а умалишенность – приобретенным [8, с. 493]. Безумные проходили освидетельствование в Сенате, а умалишенные – в комиссиях, действовавших в губернских городах на основании указа 1815 г. Такое деление непосредственным образом отражалось на процессуальной стороне вопроса.

Сложившаяся практика действовала до 31 мая 1835 г. [9, с. 685]. В 1835 г. Государственный совет отменил требование свидетельствовать слабоумных в Сенате, это означало, что с Сената снималась обязанность, предусмотренная петровскими указами по свидетельству «дураков», и все вопросы передавались в ведение губернской городской комиссии. С этого времени Сенат стал выносить только окончательное решение. С принятием указа вводилась практика заочной постановки диагноза, что не могло положительным образом отразиться на его точности и верности принимаемого решения.

Порядок, установленный указом от 08.07.1815, в целом сохранится до 1870-х гг. Несмотря на то что на протяжении этого времени принимается целая серия правовых актов, затрагивающих процесс свидетельствования, принципиальных изменений не произошло. В основном они касались состава комиссии. Например, указ Сената от 12.06.1830 [10, с. 526] в качестве членов предусматривал введение представителя от сиротского суда, мирового судьи, была возможна замена председателя окружного суда и прокурора на их заместителей. Состав комиссии мог быть расширен в зависимости от социального положения испытуемого и места его службы [9]. Так, например, председатель казенной палаты приглашался в случае, если речь шла о лице, служащем в этой казенной палате, а представитель от военного ведомства – если свидетельству подлежал дворянин, находившийся на военной службе.

С 1836 г. свидетельство разрешалось проводить по месту жительства или непосредственного пребывания в случае, если здоровье испытуемого не позволяло доставить его в губернский город. Разрешение распространялось на лиц дворянского происхождения, купцов, мещан, разночинцев. Для проведения процедуры создавалась комиссия, председателем которой было лицо равного социального положения с испытуемым [10, с. 226].

Некоторые изменения претерпела и процедура опроса. На основании решения Государственного совета от 18.02.1835 [9, с. 686] проводить освидетельствование лиц следовало согласно правилам, составленным медицинским советом. Правила применялись при

определении психического расстройства для лиц, которые в припадке сумасшествия совершили убийство, посягнули на свою жизнь или другого.

Установленный порядок не уделял особого внимания медицинскому заключению, которое давалось медиком, входящим в состав комиссии. Во время освидетельствования больного рассматривались и сравнивались ответы по заранее подготовленным вопросам. По итогу комиссия принимала один из трех потенциально возможных вариантов: положительный (болен), отрицательный (здоров), промежуточный (сомнительный). Первый принимался в том случае, если психическое отклонение явилось очевидным, второй – принимался по аналогичной схеме. Наибольшую трудность представлял третий вариант. Он возникал тогда, когда ответы испытуемого не были абсурдны и вызвали сомнения. При возникновении такой ситуации комиссия проводила голосование по вопросу – признать расстройство или отправить на дополнительное испытание.

Практика дополнительных испытаний не была закреплена законодательно, но имела широкое распространение в спорных ситуациях. Она заключалась в том, что испытуемого направляли на дополнительное медицинское наблюдение. Изначально эту процедуру стал использовать Сенат, когда не мог принять однозначного решения. Постепенно она перешла на местный уровень.

Подробное описание установления факта психического расстройства приводится А. Д. Любавским. Автором собраны разнообразные материалы касательно освидетельствования лиц, совершивших уголовные преступления в середине XIX в. Например, в деле «Об убийстве Тарасовым старухи» говорится, что во время проведения медицинского освидетельствования – ответов на вопросы, члены врачебной управы не нашли следов умственного расстройства, но его внешний вид говорил об обратном. Решением стала отправка на дополнительное испытание сроком на три месяца в томскую тюремную больницу.

В деле «О майоре Самойловиче, судимом за кражу часов у г. Муравьева» рассматривается случай, произошедший 22 марта 1862 г. Проживающий в г. Воронеже майор Самойлович пришел к Муравьеву и украл у него золотые часы. Во время разбирательства выяснилось, что в 1857–1858 гг. Самойлович дважды находился под наблюдением в приказе общественного призрения, так как обнаруживал признаки душевного расстройства. После каждого пребывания он проходил повторное освидетельствование и признавался здоровым.

Воронежский суд изучил все обстоятельства дела и предыдущие моменты, связанные с деятельностью Самойловича, провел неоднократный опрос, в результате чего особое присутствие губернского правления заключило, что Самойлович одержим слабостью памяти и ослаблением умственных способностей вследствие прогрессивного паралича. Воронежское губернное правление представило это дело на усмотрение Сената.

Насколько сложно могло проходить разбирательство, можно судить на основании дела об убийстве крестьянином Ананием Кузнецовым трех лиц. Согласно материалам дела 17 мая 1859 г. крестьянин деревни Миловки Уфимского уезда убил трех человек: любовницу, жену и сына. Во всем сознался. Рассмотрев обстоятельства дела, члены местной врачебной управы признали необходимым подвергнуть его трехмесячному испытанию в тюремной больнице под наблюдением врача.

В ноябре 1859 г. губернное правление освидетельствовало Кузнецова посредством устного опроса и пришло к выводу, что он вполне здоров. В свою очередь члены врачебной управы настаивали на том, что Кузнецов находится в состоянии психического расстройства, и требовали провести дополнительную экспертизу, по итогам которой пришли к вы-

воду, что Ананий совершил убийство в состоянии полного «умоиступления». Оренбургская палата уголовного суда, напротив, заключила, что Кузнецов предумышленно совершил деяния в состоянии полного здоровья. Начальник Оренбургской губернии, усмотрев противоречия между заключением врачебной управы и палатой уголовного суда, направил дело в Сенат [12, с. 20–62].

Одна из проблем установления факта психического расстройства заключалась в том, что на момент совершения деяния или проведения освидетельствования лицо находилось в разных психических состояниях. Об этом говорится в деле по поводу совершения нескольких краж неким В. Б. Как отмечает П. И. Ковалевский, преступник совершил несколько «странных краж», украв ненужные вещи, шаль, корзину с хламом, пустую бутылку, несколько пачек табака, немного бумаги. На месте совершения преступления он оставил свое платье, по которому его опознали и задержали. На допросе он объяснял, что бумагу украл, чтобы научиться писать (хотя сам умел читать, знал польский и латынь). Через некоторое время В. Б. пришел в себя, но ничего не помнил (ни своих действий, ни допросов). Свидетельствовавшие врачи признали, что на момент осмотра он был совершенно здоров, но в момент совершения краж – душевно больным [13, с. 49].

Приведенные примеры показывают сложности, возникавшие при установлении душевного расстройства, а также демонстрируют, насколько условным являлся факт медицинского освидетельствования, которому чиновники не уделяли должного внимания. Все это позволяет заключить, что деятельность комиссии, прежде всего, представляла собой деятельность административной инстанции, к верности решений которой можно относиться скептически. Основной причиной сомнений является метод опроса, не утративший своей актуальности еще с XVIII в. Современник происходивших событий Ю. А. Левенштейн верно отмечал, что сама процедура носила шаблонный характер, однако ей неукоснительно продолжали следовать, несмотря на массу проблем и недочетов [8, с. 521].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что на протяжении XVIII – первой половины XIX в. шел процесс становления и развития процедуры установления факта психического расстройства. Он был сопряжен с рядом трудностей, среди которых можно отметить формализм, заключающийся в том, что комиссия, неукоснительно следуя процедуре освидетельствования, игнорировала очевидные факты, не применяла новаторские формы и методы в своей работе, оставляя единственно верным способом опрос испытуемого. Как отмечали психиатры XIX в., данная система была крайне неэффективной, поскольку была чревата многочисленными ошибками и неточностями.

Отдельной проблемой являлось отсутствие специалистов в сфере психиатрии, которые могли бы оказать положительное влияние на процесс освидетельствования. В это время в нашей стране только шел процесс зарождения отечественной психиатрии.

Большим препятствием выступали разногласия между членами комиссии, возникающие в процессе освидетельствования. Как показала практика, они не были редким явлением. К сожалению, решающую роль играло мнение административных, а не медицинских органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каннабих Ю. В. Истрия психиатрии. М., 1994. 528 с.
2. Константиновский И. В. Русское законодательство об умалишенных, его история и сравнение с иностранными законодательствами // Труды первого съезда отечественных психиатров. СПб., 1887. С. 521–804.

3. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. VI: 1720–1722. 817 с.
4. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. VII: 1723–1727. 933 с.
5. Полное собрание Законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXXIII: 1815–1816. 1167 с.
6. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI: 1800–1801. СПб., 1830. 880 с.
7. Фейнберг Ц. М. Принудительное лечение и признание душевно-больных, совершивших преступление в дореволюционной России // Проблемы судебной психиатрии. Сборник пятый / под общ. ред. Ц. М. Фейнберг. М., 1946. С. 445–493.
8. Левенштейн Ю. А. По поводу некоторых статей русского законодательства об умалишенных // Труды первого съезда отечественных психиатров. СПб., 1887. С. 488–521.
9. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отделение 1. СПб., 1836. 880 с.
10. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. СПб., 1831. С. 526–527.
11. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. СПб., 1837. 893 с.
12. Русские уголовные процессы (казуистика душевных болезней) / сост. А. Д. Любавский. СПб., 1867. Т. 3. 789 с.
13. Ковалевский П. И. Судебно-психиатрические очерки. Варшава, 1896. 152 с.

REFERENCES

1. Kannabikh Yu.V. *Istoriya psikhiatrii* [History of psychiatry]. Moscow, 1994. 528 p.
2. Konstantinovskii I.V. Russian legislation on the insane, its history and comparison with foreign legislation. In: *Trudy pervogo s"ezda otechestvennykh psikhiatrov* [Proceedings of the first Congress of Domestic Psychiatrists]. Saint Petersburg, 1887. Pp. 521–804. (In Russ.).
3. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. VI: 1720–1722* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 6: 1720–1722]. Saint Petersburg, 1830. 817 p.
4. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. VII: 1723–1727* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 7: 1723–1727]. Saint Petersburg, 1830. 933 p.
5. *Polnoe sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. XXXIII: 1815–1816* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 33: 1815–1816]. Saint Petersburg, 1830. 1,167 p.
6. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. XXVI: 1800–1801* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 26: 1800–1801]. Saint Petersburg, 1830. 880 p.
7. Feinberg Ts.M. Compulsory treatment and rehabilitation of mentally ill people who committed a crime in pre-revolutionary Russia. In: Feinberg Ts.M. (Ed.). *Problemy sudebnoi psikhiatrii. Sbornik pyaty* [Problems of forensic psychiatry. Collection 5]. Moscow, 1946. Pp. 445–493. (In Russ.).
8. Levenshtein Yu.A. Concerning some articles of Russian legislation on the insane. In: *Trudy pervogo s"ezda otechestvennykh psikhiatrov* [Proceedings of the first Congress of Domestic psychiatrists]. Saint Petersburg, 1887. Pp. 488–521. (In Russ.).
9. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. X. Otdelenie 1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 10. Section 1]. Saint Petersburg, 1836. 880 p.
10. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. V. Otdelenie pervoe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 5. Section 1]. Saint Petersburg, 1831. Pp. 526–527.

11. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XI* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 11]. Saint Petersburg, 1837. 893 p.

12. *Russkie ugovnyye protsessy (kazuistika dushevnykh boleznei). T. 3* [Russian criminal trials (casuistry of mental illness). Volume 3]. Comp. by Lyubavskii A.D. Saint Petersburg, 1867. 789 p.

13. Kovalevskii P.I. *Sudebno-psikhiatricheskie ocherki* [Forensic psychiatric essays]. Warsaw, 1896. 152 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИКОВА – **OL'GA A. GOLIKOVA** – Senior Lecturer at the старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, momsi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6661-6420> Department of State and Legal Disciplines of the KI of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, momsi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6661-6420>

Статья поступила 31.03.2023

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.002

Право собственности на информационные объекты: проблемы понимания и особенности реализации

НИКИТА ВИТАЛЬЕВИЧ ДАВИДОВИЧ

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия, 2411280@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из наиболее актуальных вопросов – понимание права собственности. Восприятие информации и информационных продуктов в качестве объектов гражданских правоотношений повлекло за собой возникновение большого количества споров о возможности дальнейшего применения традиционной конструкции права собственности, которая в силу своей вещной природы в складывающихся жизненных обстоятельствах утрачивает универсальность и нуждается в переосмыслении. В рамках статьи поставлены вопросы понимания права собственности и его конструктивных элементов, а также правового статуса информационных объектов, проведен анализ допустимости и обоснованности применения традиционной конструкции права собственности к информационным объектам. Сделан вывод о схожей правовой конструкции классического права собственности и правового режима, необходимого для применения к информационным объектам.

Ключевые слова: право собственности; информационные объекты; гражданские правоотношения; правовой механизм; объекты гражданских прав.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Давидович Н. В. Право собственности на информационные объекты: проблемы понимания и особенности реализации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 1 (25). С. 23–32. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.002.

Original article

Data Ownership: Problems of Understanding and Implementation Features

NIKITA V. DAVIDOVICH

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, 2411280@bk.ru

Abstract. The article deals with one of the most pressing issues of modern understanding of property law. The perception of information and information products as objects of civil relations has led to the emergence of a large number of disputes about the possibility of further application of the traditional construction of property rights, which, due to its material nature, loses its universality in the

current life circumstances and needs to be rethought. The article raises questions of understanding property rights and its structural elements, as well as the legal status of information objects, analyzes the admissibility and validity of applying the traditional construction of property rights to information objects. The conclusion is made about the similar legal structure of the classical property right and the legal regime necessary for application to information objects.

Keywords: property rights; information objects; civil relations; legal mechanism; objects of civil rights.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Davidovich N.V. Data ownership: problems of understanding and implementation features. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 23–32. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.002.

Современное общество характеризуется быстрым развитием информационных технологий. Такие из них, как big Data, Интернет вещей, блокчейн и искусственный интеллект, изменяют не только количество, но и качество данных, позволяя создавать и обмениваться информацией как между людьми, так и устройствами.

С учетом разнообразия новых видов информационных объектов и связей между ними необходимы разработка унифицированного понятийного аппарата и формирование определенного гражданско-правового регулирования.

Цель статьи – на основе теоретических положений науки гражданского права сформировать представление о возможности применения правового регулирования права собственности к информационным объектам, а также сформулировать теоретико-правовой подход, позволяющий раскрыть информационные объекты как объекты гражданских прав для обеспечения их имущественного оборота.

Содержание права собственности нашло свое отражение как в доктринальных трудах, так и в законодательстве Российской Федерации. Так, в ст. 209 ГК РФ содержание права собственности как субъективного права лица составляют правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Важно, что наиболее содержательный анализ представляется возможным при обособленном рассмотрении указанных правомочий.

Под владением принято понимать фактическое господство над имуществом. К настоящему моменту сформировано достаточно большое количество определений термина «владение», однако наиболее полной, на наш взгляд, является дефиниция, предложенная М. Ю. Тихомировым: «Владение – это юридически обеспеченная возможность хозяйственного господства собственника над вещью. Данное правомочие предоставляет его обладателю возможность оказывать какое-либо непосредственное воздействие на имущество» [1, с. 14].

Что касается момента возникновения правомочия владения, допустимо выделить две большие группы имущества. Так, в отношении движимого имущества владение традиционно возникает с момента его физического получения, в отношении недвижимого правомочие владения включает более сложный комплекс действий, в том числе по его освоению, установлению границ.

Подразделить правомочие владения допустимо и по другому критерию – его законности. Титул владельца предоставляет субъективное право совершать действия, являющиеся содержанием правомочия владения. Титульным владельцем могут быть не только

собственник, но и лица, которым правомочие передано на ином законном основании, например на праве аренды.

Основной ценностью имущества для его правообладателя являются его полезные свойства. Рассматриваемое правомочие пользования предусматривает возможность для правообладателя извлекать такие полезные свойства. З. А. Ахметьянова утверждает, что правомочие пользования позволяет правообладателю использовать вещь, потреблять ее и получать полезные свойства [2].

Пользование имуществом предполагает влияние на его свойства, поскольку в отношении потребляемых вещей пользование предусматривает прекращение существования в результате пользования, в то время как непотребляемые вещи используются, например, в процессе производственной или иной деятельности, в результате чего происходит амортизация и утеря изначального состояния.

Объем права пользования в отношении ряда вещей может ограничиваться законодателем путем установления специального предназначения имущества.

Пользование, как и правомочие владения, может быть подразделено на законное и незаконное. При этом указанное разграничение может быть связано как с основанием приобретения правомочия, так и с результатами пользования. В результате реализации правомочия распоряжения правообладатель осуществляет наиболее существенные действия в отношении имущества. Именно распоряжение позволяет обеспечить экономический оборот через реализацию сделок, таких как купля-продажа, передача в аренду, дарение, мена.

Таким образом, право собственности позволяет лицу оформить юридическое господство над вещью. Триада правомочий собственника комплексно предоставляет лицу возможность в полной мере использовать имущество как для своих целей, так и сделать его элементом гражданских правоотношений.

Необходимо обратить внимание, что все перечисленные правомочия собственника сформулированы именно для имущества, под которым понимаются материальные объекты, поскольку реализация правомочий в большинстве случаев предполагает физическое взаимодействие с объектом внешнего мира.

В силу буквального толкования действующего законодательства допустимо утверждать, что предметом права собственности является имущество. Под имуществом в гражданском обороте понимаются вещи или комплекс таких вещей.

Овеществленный характер имущества предполагает и действующее правовое регулирование в сфере защиты прав собственника, предусмотренных ст. 301–305 ГК РФ. Нормами данных статей предусматривается оказание защиты права собственности и вещных прав на имущество, совокупность вещей, представляющих собой имущество гражданина, находящегося у него в праве собственности, пользования.

Г. Ф. Шершеневич и Д. И. Мейер определяли имущество как совокупность вещей и прав на чужие действия. Высказывалась в литературе и иная точка зрения, согласно которой «имущество есть особое понятие, которым мы пользуемся, чтобы сокращенно выразить целую совокупность юридических отношений, но оно не является самостоятельным объектом права» [3, с. 124]. Вещи или их совокупность часто именуется имуществом. Это имущество и составляет объект права собственности [4, с. 94].

Наиболее широкого подхода придерживается Л. В. Санникова. Согласно ее позиции понятием имущества охватывается все то, что обладает экономической ценностью (имеет объективную ценность) для участников гражданского оборота и допускает передачу (переход) от одного лица к другому. Имущество следует понимать расширительно исходя из

практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по толкованию Конвенции о правах человека и Протокола № 3 к ней [5, с. 13–15].

В гражданском праве существует большое количество определений понятия «вещь». Наиболее развернутую характеристику дает В. А. Пантелеенко, который под вещами понимает существующие независимо от субъекта пространственно ограниченные предметы и явления материального мира как в их естественном состоянии, так и приспособленные человеком к его потребностям, признаваемые объективным правом в качестве объекта субъективных прав, в том числе некоторые виды энергии, освоенной человеком (атомная, лучевая, электрическая, тепловая и т. д.) [6].

Таким образом, к объектам гражданских прав, которые не ограничены в обороте (п. 1 ст. 129 ГК РФ), относятся такие вещи и имущественные права, которые могут выступать объектами любых сделок. Их переход от одного лица к другому законодателем не ограничен. Главное при этом – соблюдать те формальности, которые установлены законодателем для оформления сделок (соблюдать форму договора, завещания и пр.) [7].

Прогрессивное развитие информационных технологий и процесс цифровизации оказывают воздействие на область гражданского права, включая появление новых объектов интеллектуальной собственности и возникновение новых юридических вопросов относительно регулирования информационных активов. В свете современных вызовов в некоторых случаях требуется пересмотреть устоявшиеся подходы в области гражданского права и разработать новые концепции как на теоретическом уровне, так и на практике.

Соответственно динамике экономических отношений происходят изменения и в гражданском законодательстве, адаптируя его к новой реальности цифровой эпохи. В связи с процессом цифровой трансформации актуальным становится вопрос о целесообразности выделения категории информационных объектов как отдельной категории гражданских прав или применении к ним режимов, которые действуют для уже существующих объектов.

К настоящему моменту в ст. 128 ГК РФ цифровые права определены в перечне объектов гражданских прав как разновидность имущественных прав, являющихся частью иного имущества [8]. При этом необходимо понимать разницу между информационными и цифровыми объектами. Так, под информационным объектом в современной доктрине понимаются обладающие экономической ценностью сведения, созданные или приобретенные в ходе гражданских правоотношений. Цифровые объекты являются информационными, содержатся на определенных носителях и выполнены в форме цифровых данных. Таким образом, информационные объекты шире цифровых объектов.

Современные исследователи в области гражданского права соглашаются с тем, что именно потребности оборота оказывают влияние на неизбежное распространение на объекты гражданских прав, которые, несмотря на свою сущность, не являются материальными вещами, правового режима вещи, включая правовые последствия, связанные с ее оборотом [9].

С момента появления экономической ценности информационных объектов, имеющих нематериальную природу, они изначально рассматривались как предметы права собственности. Однако с XIX в. в странах континентальной правовой системы стали появляться противники проприетарной (собственнической) теории. Помимо традиционных институтов вещных и обязательственных прав была разработана самостоятельная концепция интеллектуальной собственности. Интеллектуальные права стали признаваться как уникальная категория прав, представляющая собой как имущественные (исключительные), так и неимущественные права.

Институт исключительных прав по-прежнему является предметом критики со стороны сторонников проприетарной концепции [10, с. 137–179]. Вопрос о соотношении исключительных прав с вещными является спорным. Так, ученые обосновывают применение норм вещного права к интеллектуальным правам, в частности вещно-правовых способов защиты. Согласно позиции А. П. Сергеева при разрешении споров по поводу объектов интеллектуальной собственности (в том числе товарных знаков) имеются все необходимые условия для применения правил о виндикации имущества по аналогии [11, с. 96]. Критикует выделение правового режима исключительных прав и называет данный факт недостатком ГК РФ и А. А. Иванов, предлагая к виртуальным образам, размещаемым на реальных земельных участках, их собственникам применять нормы о негаторном иске [12, с. 86–89].

Вещные права оформляют и закрепляют принадлежность вещей субъектам гражданских прав (власть лица над объектом), то есть статику имущественных отношений [13, с. 308]. Эти права контрастируют с обязательственными правами, формирующими динамику отношений в сфере имущества и гражданского оборота, при которых управомоченное лицо обладает контролем над действиями обязанного лица, а не над конкретным объектом.

Суть вещных прав заключается в том, что между субъектом и предметом устанавливается абстрактная (юридическая) связь: предмет находится под господством субъекта, под его волей и считается его собственностью. Для остальных лиц запрещаются действия, которые могут нарушить это господство, поэтому такие права относятся к абсолютным.

Под абсолютным понимается право, где правомочию носителя права соответствуют обязательство неопределенного круга лиц, не обладающих этим правом, не препятствовать такому праву, так как он вступает в сферу власти, принадлежащей лицу, уполномоченному на это. Абсолютное право обеспечивает полную защиту от вмешательства со стороны всех других лиц.

Предметом права собственности в системе координат российского вещного права являются только вещи, причем индивидуально-определенные [14; 15, с. 39]. Однако отмечается современная тенденция отказа от классического понимания права собственности и распространения режима права собственности на нематериальные объекты.

С одной стороны, интерпретация нормы, закрепленной в ст. 128 ГК РФ, позволяет рассматривать информационные права как отдельную категорию имущественных прав. С другой стороны, они также определены как обязательственные и прочие права, зафиксированные в информационной системе. В связи с этим обосновано мнение, что цифровизация прав – это не возникновение нового вида имущественных прав, существующего наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а лишь их цифровой способ фиксации [16, с. 113]. Отмечается также, что цифровое право можно рассматривать в качестве тождественного праву на объект, зарегистрированный в децентрализованном реестре, то есть фиксация прав в цифровой форме не порождает новый объект [17].

Критика признания информации самостоятельным предметом права собственности обычно обусловлена тем, что информацию сложно выделить как отдельный идеальный предмет, она может быть одновременно использована множеством субъектов, и ее отчуждение не всегда означает полное изолирование от дальнейшего использования. Однако в условиях развития технологий возникает возможность рассматривать определенные информационные объекты, которые обладают указанными признаками, как предметы абсолютных прав.

Современный уровень технологического развития позволяет устанавливать уникальный доступ и эксклюзивный контроль над некоторыми информационными объектами, на-

пример, путем использования технических средств, которые ограничивают копирование и использование данных без разрешения владельца. Таким образом, господство над информационными объектами может быть реализовано через правомочия доступа, пользования и распоряжения.

Правомочие владения в отношении информационных объектов включает переработанные аспекты традиционного права собственности, такие как право доступа. Это делает абсолютное право на информационные объекты действенным и эффективным средством защиты. Технологические возможности позволяют превратить фактическое владение информационными объектами в право на беспрепятственный и абсолютный доступ к ним, а также на удержание такого доступа.

В судебной практике превалирует позиция о доступе к информации как возможности получения и использования информации [18].

Правомочие пользования информационными объектами выражается в возможности использования этих данных для эксплуатации и получения доходов. Например, это включает в себя разрешение на запуск кода в программе на компьютере, создание временных и постоянных копий данных, внесение изменений в код, извлечение новой информации из закодированных данных и др. Это право также охватывает действия, связанные с автоматизированной обработкой информационных объектов, такие как сбор, запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение, извлечение, обезличивание, блокирование и др. Целью такой обработки является получение пользы от этой информации, например, путем объединения с другими данными для получения новых знаний, извлечения семантической информации и т. д.

Правомочие распоряжения предоставляет обладателю возможность принимать решение о юридической судьбе информационных объектов. Это включает в себя такие действия, как копирование, продажа, дарение, завещание, залог, блокировка, удаление и уничтожение информационных объектов, осуществляемые по усмотрению владельца. Аналогично другим правомочиям технические средства обеспечивают выполнение таких действий.

Обладатель имеет право на распоряжение имуществом в той мере, в которой это не противоречит закону или правам третьих лиц. В контексте информационных объектов распоряжение происходит через предоставление доступа, что может включать его разрешение или ограничение. Этот процесс фактически осуществляется через предоставление доступа к материальному носителю данных, кода или пароля для доступа, а также копии информационных объектов.

При этом необходимо подчеркнуть, что содержание права собственности отражает отношения в статике. Исследуя отношения собственности в динамике, необходимо обратиться к теории реализации права. Под реализацией права принято понимать претворение, воплощение предписаний юридических норм в жизнь путем правомерного поведения субъектов общественных отношений (государственных органов, должностных лиц, общественных объединений, физических лиц).

Соблюдение права в отношении информационных объектов реализуется через запрет на злоупотребление правом самим собственником информационного объекта, с одной стороны, а также запрет, установленный для третьих лиц, на нарушение права правообладателя информационного объекта – с другой. Соответственно, в части исполнения права данная сторона реализации права тождественна классическому пониманию права собственности.

Подобная ситуация наблюдается в отношении исполнения права на информационные объекты. Правообладатель такого объекта несет обязанности, схожие с обязанностями

собственника вещи, однако современный уровень развития законодательства возлагает на собственника информационных объектов меньший объем обязанностей, чем на собственника движимого и недвижимого имущества, при этом механизм их реализации является схожим.

Наиболее существенные отличия допустимо выявить в части использования права правообладателя информационного объекта. Одной из причин названного отличия является нематериальная природа информационных объектов, что обуславливает отсутствие прямого правового регулирования правоотношений в отношении таких объектов.

С учетом приведенных обстоятельств правообладатель информационного объекта при использовании принадлежащего ему права вынужден руководствоваться аналогией права. При этом большинство норм с трудом может быть применено к информационным объектам, поскольку они не имеют вещественного воплощения.

Традиционное право собственности сложно полностью применить к информационным объектам, так как оно исходит из концепции владения материальными объектами. Если ранее эти аргументы представлялись убедительными для отказа от использования такой структуры, то сегодня существует основание для создания аналогичного правового режима и для новых объектов.

Господство над информационными объектами может быть обеспечено через владение материальным носителем (когда собственник носителя и обладатель информационного объекта совпадают), а также контроля доступа к данным, выраженным вне материального носителя. Это включает в себя разрешение или предотвращение доступа третьих лиц к объекту, а также регистрацию прав в государственных реестрах.

Использование технических и юридических средств позволяет ограничить доступ к информации, обеспечивая некоторое господство над объектом. В итоге информационные объекты рассматриваются как отдельный объект гражданских прав, выделяющийся от другого имущества, к которому в настоящее время относятся новые неохранные объекты.

На данный момент нет препятствий для выделения информационных объектов как отдельного объекта гражданских прав. В этой связи предлагается внедрить новый правовой режим абсолютных прав, подобный режиму права собственности, для информационных объектов. Это обосновывает признание информационных объектов, обладающих определенными характеристиками, самостоятельным объектом гражданских прав.

Принимая во внимание, что цифровые объекты к настоящему моменту стали неотъемлемой частью гражданского оборота, необходимым представляется определить верное правовое основание их регулирования.

С учетом указанных особенностей нельзя традиционно рассматривать информационные объекты как предмет права собственности. Однако для информационных объектов представляется целесообразным использование аналогичного режима, как в случае вещных прав, и это может быть обосновано по следующим причинам.

Во-первых, применение режима, аналогичного вещным правам, для информационных объектов обусловлено необходимостью защиты прав обладателя таких объектов от возможных действий собственника материального носителя, на котором хранятся информационные объекты. Это позволяет обладателю требовать доступа к своим информационным объектам и устранения препятствий в их использовании. Учитывая, что информационные объекты часто хранятся на носителях, принадлежащих третьим лицам, правовой механизм также должен предоставлять обладателю право запрета на внесение изменений в данные без его согласия.

Во-вторых, предоставление определенных экономических привилегий участникам гражданского оборота позволяет им эффективно вовлекать информационные объекты в оборот и получать прибыль от их использования. Этот аспект подчеркивает необходимость создания правового режима, который обеспечивал бы права обладателей информационных объектов на пользу от своего труда и вложенных ресурсов.

В то время как в традиционном понимании правомочие владения характеризуется фактическим господством над вещью, владение по отношению к информационным объектам включает право доступа и удержание доступа к информационным объектам.

Правомочие владения в отношении информационных объектов включает переработанные аспекты традиционного права собственности, такие как право доступа, использования и распоряжения. Это делает абсолютное право на информационные объекты действенным и эффективным средством защиты. Технологические возможности позволяют превратить фактическое владение информационными данными в право на беспрепятственный и абсолютный доступ к ним, а также на удержание такого доступа.

Правомочие пользования информационными объектами наиболее близко к традиционному пониманию пользования. Применительно к пользованию как к элементу содержания права собственности под ним понимается возможность собственника извлекать полезные свойства из принадлежащего ему имущества. Рассматривая правомочие пользования в отношении информационного объекта, допустимо утверждать, что оно включает в себя право использования таких объектов для получения дохода различными способами.

Правомочие распоряжения в отношении информационных объектов схоже с распоряжением в традиционном понимании. При этом важно отметить, что информационные объекты не являются имуществом в классическом виде, поскольку не обладают овеществленным выражением. Соответственно, реализуя правомочие распоряжения, правообладатель информационного объекта вправе определять его юридическую судьбу, однако осуществление данного правомочия происходит в условии невозможности физического распоряжения им.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихомиров М. Ю. Собственность и иные вещные права на земельные участки в Российской Федерации. М., 2006. 154 с.
2. Ахметьянова З. А. Вещные права в гражданском праве России // Цивилист. 2006. № 1. С. 28–37.
3. Хвостов В. М. Система римского права : учеб. М., 1996. 521 с.
4. Суханов Е. А. Объекты права собственности // Закон. 1995. № 4. С. 94–97.
5. Санникова Л. В. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6–12 / под ред. Л. В. Санниковой. М., 2014. 383 с.
6. Фомичева Н. В., Строкова О. Г. Гражданское право. Общая часть : учеб. и практикум для бакалавриата и специалитета. М., 2019. 408 с.
7. Иншакова А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития // Legal Concept. 2020. № 1. С. 6–15.
8. О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.
9. Синицын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.

10. Блинец И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 384 с.
11. Сергеев А. П. Применение правил о виндикации к разрешению споров по поводу товарных знаков // Закон. 2017. № 1. С. 91–96.
12. Иванов А. А. Интеллектуальная собственность и вещные права: проблемы соотношения // Закон. 2017. № 1. С. 84–90.
13. Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М., 1999. 360 с.
14. Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 42–50.
15. Суханов Е. А. Вещное право : Научно-познавательный очерк. М., 2017. 559 с.
16. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–119.
17. Будылин С. Цифровые права – это что еще за зверь? URL: https://zakon.ru/blog/2018/3/29/cifrovy_e_prava_eto_chto_escho_za_zver (дата обращения: 06.10.2023).
18. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.11.2013 по делу № 10-11502/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Tikhomirov M.Yu. *Sobstvennost' i inye veshchnye prava na zemel'nye uchastki v Rossiiskoi Federatsii* [Ownership and other proprietary rights to land plots in the Russian Federation]. Moscow, 2006. 154 p.
2. Akhmet'yanova Z.A. Property rights in the civil law of Russia. *Tsivilist = Civilist*, 2006, no. 1, pp. 28–37. (In Russ.).
3. Khvostov V.M. *Sistema rimskogo prava: ucheb.* [Roman law system: textbook]. Moscow, 1996. 521 p.
4. Sukhanov E.A. Objects of property rights. *Zakon=Law*, 1995, no. 4. (In Russ.).
5. Sannikova L.V. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Postateinyi kommentarii k glavam 6–12* [The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on chapters 6–12]. Ed. by Doctor of Sciences (Law), Professor Sannikova L.V. Moscow, 2014. 383 p.
6. Fomicheva N.V., Strokova O.G. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. i praktikum dlya bakalavriata i spetsialiteta* [Civil law. General part: textbook and workshop for undergraduate and specialist studies]. Moscow, 2019. 408 p.
7. Inshakova A.O. Turnover of objects of civil rights of a proprietary nature: basic concepts, types, trends of legislative development. *Legal Concept*, 2020, no. 1, pp. 6–15. (In Russ.).
8. On amendments to parts 1, 2 and Article 1,124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 34 FZ of March 18, 2019. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation]. 2019. No. 12. Art. 1,224. (In Russ.).
9. Sinitsyn S.A. A thing as an object of civil rights: possible and proper identification criteria. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and Economics*, 2016, no. 11, pp. 7–17. (In Russ.).
10. Bliznets I.A. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Intellectual property law in the Russian Federation: theoretical and legal research: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2003. 384 p.
11. Sergeev A.P. Application of the rules on vindication to the resolution of disputes over trademarks. *Zakon=Law*, 2017, no. 1, pp. 91–96. (In Russ.).
12. Ivanov A.A. Intellectual property and property rights: problems of correlation. *Zakon=Law*, 2017, no. 1, pp. 84–90. (In Russ.).
13. Mattei U., Sukhanov E.A. *Osnovnye polozheniya prava sobstvennosti* [Basic provisions of property rights]. Moscow, 1999. 360 p.

14. Sukhanov E.A. On the concept and types of property rights in Russian civil law. *Zhurnal rossiiskogo prava*=*Journal of Russian Law*, 2006, no. 12, pp. 42–50. (In Russ.).
15. Sukhanov E.A. *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Property law: scientific and educational essay]. Moscow, 2017. 559 p.
16. Vasilevskaya L.Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* = *Current Problems of Russian Law*, 2019, no. 5, pp. 111–119. (In Russ.).
17. Budylin S. *Tsifrovye prava – eto chto eshche za zver'?* [Digital rights – what kind of beast this is?]. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/3/29/cifrovye_prava__eto_chno_eschyo_za_zver (accessed October 6, 2023).
18. The appeal decision of the Moscow City Court of November 25, 2013 in case No. 10-11502/2013. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the reference legal system "ConsultantPlus"]. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА ВИТАЛЬЕВИЧ ДАВИДОВИЧ – аспирант кафедры теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, 2411280@bk.ru

NIKITA V. DAVIDOVICH – Postgraduate Student at the Department of the Theory and History of State and Law of the Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, 2411280@bk.ru

Статья поступила 30.10.2023

Научная статья

УДК 342:323.17

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.003

К вопросу становления и развития государственности Нагорного Карабаха

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Академия управления МВД России, Москва, Россия

Государственный университет управления, Москва, Россия

mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Аннотация. В статье рассматривается процесс автономизации Нагорного Карабаха, приводится авторская интерпретация известных фактов, предпринята попытка восстановить картину исторических событий. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время без решения на уровне Генеральной Ассамблеи ООН спорного вопроса соотношения принципов территориальной целостности государства и права нации на самоопределение ставить точку в данном вопросе преждевременно.

Ключевые слова: право нации на самоопределение; территориальная целостность; миграция; гуманитарная помощь; беженцы; право в области прав человека; Нагорный Карабах; международное право.

5.1.1. Теоретико-исторические науки (юридические науки).

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые науки).

Для цитирования: Епифанов А. Е. К вопросу становления и развития государственности Нагорного Карабаха // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 1 (25). С. 33–38. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.003.

Original article

On the Formation and Development of the Statehood of Nagorno-Karabakh

ALEKSANDR E. EPIFANOV

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia

State University of Management, Moscow, Russia

mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Abstract. The article examines the process of autonomy of Nagorno-Karabakh, provides the author's interpretation of known facts and attempts to reconstruct the picture of historical events. The author concludes that it is premature to put an end to this issue without a resolution of the controversial issue of correlation between principles of territorial integrity of the state and the right of nations to self-determination at the level of the UN General Assembly.

© Епифанов А. Е., 2024

Key words: the right of a nation to self-determination; territorial integrity; migration; humanitarian assistance; refugees; human rights law; Nagorno-Karabakh; international law.

5.1.1. Theoretical and historical sciences (legal sciences).

5.1.2. Public law (public law sciences).

For citation: Epifanov A.E. On the formation and development of the statehood of Nagorno-Karabakh. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 33–38. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.003.

Претензии Нагорного Карабаха наряду с многочисленными требованиями независимости соседних территориальных образований даже после установления территориального суверенитета Азербайджаном в границах Карабаха определяют отношения между государствами Закавказья. Вопрос о политическом ландшафте региона пронизан широкими дискуссиями, возникшими после распада Советского Союза, политического коллапса, позволившего проявиться требованиям, некогда подавляемым советской наднациональной идентичностью.

Работы о национализме, национальной идентичности, наряду с множеством научной литературы о динамике постсоветского пространства, могут помочь осознать центробежные и центростремительные силы, которые удерживают это противостояние незамороженным. До настоящего времени остается открытым вопрос: достаточно ли притязаний карабахских армян, воспринимающих свой статус как государства и нации, для потенциального признания международным сообществом конечной цели анклава (независимости) и права нации на самоопределение.

Проблемы территорий государств на Кавказе – явление не только XXI в. Ранее этнические и религиозные различия стремились вытеснить путем создания административных единиц, включавших армян, азербайджанцев и грузин, например Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья [1, с. 197].

Когда политический союз СССР оказался нежизнеспособным, народы Закавказья попытались консолидироваться в качестве независимых государств, начав процесс территориальной демаркации, который вскоре стал спорным. В этом контексте конфликт между Арменией и Азербайджаном существенно обострился.

В настоящее время при кажущемся разрешении проблемы Нагорного Карабаха следует признать, что без решения на уровне Генеральной Ассамблеи ООН спорного вопроса соотношения принципов территориальной целостности государства и права нации на самоопределение ставить точку в данной ситуации преждевременно.

В данной статье попытаемся рассмотреть, насколько дискриминационная политика Азербайджана могла стать основой требований Нагорного Карабаха об отделении, могла ли азербайджанская миграционная политика, которая была призвана компенсировать доминирование армян в регионе равным количеством азербайджанских жителей, стать угрозой культуре армян.

История последовательного военного противостояния между армянами и азербайджанцами, пик которого пришелся на волну претензий союзных республик на независимость в 1992 г., привела к абсолютной изоляции, отсутствию взаимопонимания между двумя этносами. После больших человеческих потерь и перемещений в дни войны анклав

Нагорного Карабаха превратился в моноэтническое общество, состоящее исключительно из армян [2, с. 125]. Несмотря на перемирие, подписанное в 1994 г., отсутствие прямой конфронтации не означало, что был установлен мир. Действия ОБСЕ были направлены на то, чтобы разрушить атмосферу недоверия. Предложения о политическом будущем региона, в которых подчеркивалось уважение территориальной целостности Азербайджана, представлялись недостаточными для окончательного определения его статуса [3, с. 236].

Так называемое национальное государство является единственным типом политического единства, допустимым и необходимым в современном мире, который признается мировым сообществом. Национальное государство – это сценарий совместимости между границами территории государства и границами населяющей его однородной этнической группы [4, с. 11].

Понятно, что Армения построила свои представления о Нагорном Карабахе на идее, что ее этническая принадлежность должна быть защищена от внешних угроз, тогда как Азербайджан подчеркивает целостность территории своего государства. С этих точек зрения участники спора территориализовали регион во взаимоисключающих конструкциях, формируя и продвигая эти нарративы как средство узаконить свой контроль над этой территорией [5, с. 165].

Однако развитию национализма среди карабахских армян способствовало не только возрождение этих этнических мифов, но и то, как Советский Союз обращался с рядом национальностей, составлявших бывшее советское пространство. По мнению А. Н. Мочалова, примирение различных этнических групп происходило посредством «институционализации многонациональности», что означает, что Советское государство не просто терпело национальную неоднородность, но одновременно решало кодифицировать и превратить ее в фундаментальную социальную категорию. Однако важно подчеркнуть, что национализм поощрялся, поскольку он не бросал вызов господству советского режима [6, с. 60].

Определяя государственность, Советский Союз разделил свою территорию на множество национальных образований, установив различные уровни автономии для каждого из них. В рамках этой иерархии государственности основным этническим группам, имеющим внешнюю границу, был предоставлен статус союзной республики – образования, обладающего самым высоким уровнем автономии по сравнению с автономными республиками и автономными областями [7, с. 15]. Формальное устройство автономных областей, статус, характерный для Нагорного Карабаха во времена советской власти, хотя, несомненно, ограниченный юрисдикцией титульного государства, дал анклавную некоторую институциональную основу для того, чтобы поставить под сомнение действия, предпринятые Азербайджаном.

Таким образом, уступка автономии, основанной на этнической принадлежности, создала средства и основу, с помощью которой эти национальные территории могли претендовать на отделение. Так, оказалась, что этнические границы Нагорного Карабаха не совпадали с политическими. Иными словами, карабахцы оказались по другую сторону этнической границы, находящейся под властью Азербайджана, а советское институциональное наследие стало основой для инструментализации идентичности и перевода обид в политические и территориальные претензии [8, с. 130–132].

Краеугольным камнем либеральной доктрины является то, что процесс институционального строительства должен быть демократическим [9, с. 101]. В случае с Нагорным Карабахом примечательно, что была консолидирована существенная приверженность развитию политических институтов. После референдума об отделении и последующего

провозглашения независимой Карабахской Республики в 1992 г. было проведено три парламентских и два президентских цикла выборов. Последний из этих процессов считался конкурентным, свободным и справедливым, состоящим из множества партийных организаций и программ, хотя во всех из них преобладают претензии на независимость [10].

Территориальная оборона и контроль также являются ключевым элементом процесса государственного строительства [11, с. 11]. Очевидно, что Нагорный Карабах контролирует не только всю территорию, на которую претендует республика, но и стратегические районы. Поскольку внешняя угроза является серьезным вызовом для этой территории, неудивительно, что армия Нагорного Карабаха стала наиболее развитым военным институтом на Южном Кавказе, поскольку была интегрирована с армянскими регулярными силами. В отличие от проницаемых границ других де-факто государств региона, например между Абхазией и Южной Осетией, линия прекращения огня в Нагорном Карабахе четко определена и укреплена [12].

Нельзя отрицать, что на Южном Кавказе были достигнуты значительные успехи в процессе национального и государственного строительства. Примечательно, что построение нарратива о судьбе армян как этнической группы и их уникальности по отношению к Азербайджану стало фундаментальным инструментом мобилизации населения на требование ирредентизма, а в последние годы и сепаратизма.

Что касается процесса государственного строительства, то следует отметить, что советское прошлое способствовало созданию средств, с помощью которых регион мог претендовать на автономию, поскольку национальный вопрос был институционально привязан к территории. Заметно и то, что такое развитие событий поддерживалось армянским населением как внутри региона, так и за его пределами. Несмотря на экономический и социальный дефицит в Нагорном Карабахе, обеспечение безопасности от внешней угрозы осталось основополагающей логикой формирования государства и нации.

Несмотря на то что принцип самоопределения является одним из столпов международных отношений, идея нерушимости территориальной целостности государств продолжает оставаться важнейшей доктриной международной политики [13].

28 сентября 2023 г. Президент непризнанной Нагорно-Карабахской Республики подписал указ о фактической ликвидации республики. Так, к 1 января 2024 г. были распущены государственные учреждения и организации, действовавшие на территории Карабаха. По странной случайности или с целью подчеркнуть силовое решение армяно-азербайджанского конфликта вышло так, что указ о ликвидации республики был издан почти в годовщину начала второй карабахской войны.

В настоящее время одной проблемой во взаимоотношениях между Баку и Ереваном стало меньше, но при кажущемся разрешении проблемы Нагорного Карабаха следует сделать вывод: без решения на уровне Генеральной Ассамблеи ООН спорного вопроса соотношения принципов территориальной целостности государства и права нации на самоопределение ставить точку в данной проблематике преждевременно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гатагова Л. С. Республики Южного Кавказа на пути к «социалистической федерации» (1917–1922) // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2022. № 3. С. 195–226.

2. Гасанлы Д. Нагорный Карабах: старые заблуждения в новой интерпретации // Кавказ и глобализация. 2011. № 3-4. С. 120-143.
3. Мустафаева С. Советская Россия и формирование границ между государствами Кавказа (на примере Азербайджана и Армении) // Кавказ и глобализация. 2010. № 1-2. С. 230-240.
4. Щеглова Д. В. Национальные государства в условиях глобализации. Вымирание или возрождение? // Terra Linguistica. 2015. № 4 (232). С. 9-15.
5. Шукюров К. В. К вопросу об автономизации Нагорного Карабаха: уроки истории // Кавказ и глобализация. 2008. № 2. С. 160-172.
6. Мочалов А. Н. Многонациональные федерации и их конституционно-правовые признаки // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4 (106). С. 56-68.
7. Епифанов А. Е. К вопросу о сущности и правовой природе государственного контроля и надзора // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 2. С. 13-17.
8. Маркедонов С. М. Тридцать лет нагорно-карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. № 2. С. 129-139.
9. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Права человека как ключевой фактор достижения устойчивого управляемого развития // Век глобализации 2022. № 4. С. 97-104.
10. Алиев Н. Нагорный Карабах: сепаратизм и легитимность выборов // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 5 (41).
11. Долгих Ф. И. Общественный мониторинг как форма общественного контроля за деятельностью политических партий // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 1. С. 9-14.
12. Армии Азербайджана и Армении: бюджет, численность, вооружения. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160404_karabakh_armies (дата обращения: 24.11.2023).
13. Глава Карабаха подписал указ о прекращении существования республики. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023?from=copy> (дата обращения: 24.11.2023).

REFERENCES

1. Gatagova L.S. The Republics of the Southern Caucasus on their way to the "Socialist federation" (1917-1922). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Lomonosov World Politics Journal*, 2022, no. 3, pp. 195-226. (In Russ.).
2. Gasanly D. Nagorno-Karabakh: old misconceptions in a new interpretation. *Kavkaz i globalizatsiya = Caucasus and Globalization*, 2011, no. 3-4, pp. 120-143. (In Russ.).
3. Mustafaeva S. Soviet Russia and the formation of borders between the states of the Caucasus (on the example of Azerbaijan and Armenia). *Kavkaz i globalizatsiya = Caucasus and Globalization*, 2010, no. 1-2, pp. 230-240. (In Russ.).
4. Shcheglova D.V. National states in the context of globalization. Extinction or rebirth? *Terra Linguistica*, 2015, no. 4 (232), pp. 9-15. (In Russ.).
5. Shukyurov K.V. On the issue of the autonomy of Nagorno-Karabakh: lessons of history. *Kavkaz i globalizatsiya = Caucasus and Globalization*, 2008, no. 2, pp. 160-172. (In Russ.).
6. Mochalov A.N. Multinational federations and their constitutional-law characteristics. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: Education, Practice, Science*, 2018, no. 4 (106), pp. 56-68. (In Russ.).
7. Epifanov A.E. On the question of the essence and legal nature of state control and supervision. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Dagestan State University*, 2014, no. 2, pp. 13-17. (In Russ.).
8. Markedonov S.M. Thirty years of the Nagorno-Karabakh conflict: basic stages and prospects of the settlement. *Postsovetskie issledovaniya = Postsoviet Studies*, 2018, no. 2, pp. 129-139. (In Russ.).

9. Bur'yanov S.A., Bur'yanov M.S. Human rights as a key factor in achieving sustainable managed development. *Vek globalizatsii= Age of Globalization*, 2022, no. 4, pp. 97–104. (In Russ.).

10. Aliev N. Nagorno-Karabakh: separatism and the legitimacy of elections. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*, 2005, no. 5 (41).

11. Dolgikh F.I. Public monitoring as a form of public control over political parties' activities. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2018, no. 1, pp. 9–14. (In Russ.).

12. *Armii Azerbaidzhana i Armenii: byudzhnet, chislennost', vooruzheniya* [Armies of Azerbaijan and Armenia: budget, number, armament]. Available at: https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160404_karabakh_armies (accessed November 24, 2023).

13. *Glava Karabakha podpisal ukaz o prekrashchenii sushchestvovaniya respubliki* [The head of Karabakh signed a decree on the termination of the existence of the republic]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023?from=copy> (accessed November 24, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, Россия, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Public Law and Legal Support of Management at the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Статья поступила 15.12.2023

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.004

О некоторых юридико-технических проблемах использования структурных и формальных правил оформления нормативных правовых актов

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Аннотация. Структурные и формальные правила составления нормативных правовых актов направлены на обеспечение полного изложения необходимой информации с целью ее эффективного усвоения и дальнейшего использования заинтересованными лицами. Существующие методические рекомендации по юридико-техническому оформлению правовых актов различного вида в целом удовлетворяют потребностям юридической практики, но некоторые детали нуждаются в уточнении. Так, многим нормативным правовым актам в погоне за наиболее точным отображением предмета правового регулирования даются плохо запоминающиеся названия. Для устранения этого недостатка предлагается легализовать наряду с использованием полных наименований их сокращенные варианты. Практика нормотворческой деятельности знает случаи отступления от требований методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов, что не способствует формальному совершенству правовых норм. Это связано с неопределенным статусом методических рекомендаций в системе элементов правового регулирования.

Ключевые слова: структура правового акта; форма правового акта; методические рекомендации; сокращенное наименование закона; закон Димы Яковлева; статья правового акта.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Шаханов В. В. О некоторых юридико-технических проблемах использования структурных и формальных правил оформления нормативных правовых актов // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 39–44. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.004.

Original article

On Some Legal and Technical Problems of Using Structural and Formal Rules for the Design of Regulatory Legal Acts

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia

VLI of the FPS of Russia, Vladimir, Russia

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

VYACHESLAV V. SHAKHANOV

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Vladimir, Russia

VLI of the FPS of Russia, Vladimir, Russia

Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Abstract. Structural and formal rules for drafting normative legal acts are aimed at ensuring complete presentation of the necessary information in order to effectively assimilate it and further use by interested parties. Available methodological recommendations on the legal and technical design of legal acts of various types generally meet requirements of legal practice, but some details need to be clarified. Thus, many normative legal acts, in pursuit of the most accurate representation of the subject of legal regulation, get poorly remembered names. To eliminate this disadvantage, it is proposed to legalize their abbreviated versions along with the use of full names. The practice of normative activity has cases of deviation from the requirements of methodological recommendations on the legal and technical design of normative legal acts, which does not contribute to the formal perfection of legal norms. This is due to the uncertain status of methodological recommendations in the system of elements of legal regulation.

Keywords: structure of the legal act; form of the legal act; methodological recommendations; abbreviated name of the law; Dima Yakovlev law; article of the legal act.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Lapshin V.E., Shakhanov V.V. On some legal and technical problems of using structural and formal rules for the design of regulatory legal acts. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 39–44. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.004.

Правильное структурирование нормативного правового акта играет важную роль в его понимании, а значит, способствует формированию единообразной практики его применения. С формально-логической точки зрения следует различать структуру и реквизиты нормативно-правового акта. Структура – это внутреннее строение акта, реквизиты – его внешнее оформление. Исходя из этого, можно различать структурные и реквизитные правила. Однако мы считаем, что делать этого не стоит, так как эти правила находятся в диалектическом единстве и необходимы для того, чтобы: «а) обеспечить полное изложение необходимой для правового документа информации; б) обеспечить эффективное усвоение правовой информации теми, кому она адресована» [1, с. 115–116]. Именно этой точки зрения придерживается и Т. В. Кашанина, так как, характеризуя структурные правила, относит реквизиты правового документа к его вступительной части [1, с. 116]. Однако формальные (реквизитные) правила она в дальнейшем конкретизирует в рамках отдельного параграфа, чем нарушает логику своих суждений. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые юридико-технические проблемы, связанные с использованием структурных и реквизитных правил оформления нормативных правовых актов.

Юридико-технические средства структурирования нормативных правовых актов имеют многовековую историю. Структурное деление было отличительной чертой еще правовых памятников Месопотамии. «Законы Шульги» (сборник, составленный в государстве Шумера и Аккада в период правления Шульги (2093–2046 гг. до н. э.)) имели пролог. Исследователи предполагают, что данный памятник права заканчивался эпилогом, но утверждать это нельзя, так как документ сохранился не в полном объеме [2, с. 3]. С пролога начинаются «Законы Эшнунны» (ок. 1790 г. до н. э.) и юридический сборник месопотамского государства Иссин, созданный во время правления Липит-Иштара (1934–1924 гг. до н. э.). Пролог, основной текст и эпилог являлись структурными единицами дошедших до наших дней «Законов Хаммурапи» (1750-е годы до н. э.). В прологе выражаются представления о функциях государственной власти и предназначении верховного правителя [2, с. 3–4].

Структура современных нормативных правовых актов более детальна. Объемные правовые акты могут делиться на части, разделы, подразделы, главы, параграфы. Отдельные статьи законов делятся на части, которые в свою очередь могут подразделяться на пункты, подпункты и абзацы. Подобная детализация ускоряет процесс поиска необходимого нормативного предписания. Причем применительно к структурному делению статей сложилась ситуация некоего дуализма. В законодательных актах, принятых до утверждения в 2003 г. Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов, статьи могут делиться как на части, так и на пункты. Чтобы разобраться в структуре статей этих законов, нужно посмотреть, как данный нормативный правовой акт ссылается сам на себя. Если таких ссылок нет, то необходимо руководствоваться предписаниями вышеуказанных методических рекомендаций. Пожалуй, единственным исключением из вышеупомянутого правила о структуре статей законодательных актов является Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая данного кодифицированного акта была принята Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 ноября 2006 г., т. е. после рассылки методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов от 2003 г. (направлены письмом Аппарата Государственной Думы от 18.11.2003 № вн2-18/490). Тем не менее статьи четвертой части ГК РФ вопреки предписаниям делятся на пункты, что соответствует структурному делению статей в ранее принятых частях кодекса. Безусловно, в рамках одного нормативного правового акта структурное деление статей должно быть единообразным.

Структура нормативного правового акта должна соответствовать требованиям формальной логики. В этой связи вполне уместно замечание к структуре проекта КоАП РФ о том, что правовое предписание, регулирующее вопросы исправления описок, опечаток и арифметических ошибок, должно предшествовать нормативным предписаниям, регулирующим исполнение административных наказаний [3, с. 34].

В рамках реквизитных правил (как составной части структурных правил, о чем уже говорилось ранее) хотелось бы остановиться на названии нормативных правовых актов. Требования к наименованию законодательных актов изложены в методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроекта. Оно должно отражать его содержание и основной предмет правового регулирования, не должно иметь неоправданно длинного наименования. В наименованиях законопроектов о внесении изменений в законодательные акты не допускаются уточняющие формулировки, такие как «в части...», «в связи...» и т. п., в том числе заключенные в скобки. Последнее требование представляется нам весьма спорным, так как оно фактически исключает возможность отражения предмета регулирования. В результате, как уже не раз отмечалось в научной литературе, ежегодно принимается большое количество законодательных актов с идентичным названием («О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), отличающиеся друг от друга только номером.

Несмотря на наличие формализованных требований, можно встретить законодательные акты, названия которых не соответствуют упомянутым методическим рекомендациям. Так, уточняющая формулировка «в связи» используется в названии Федерального закона от 11.06.2021 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”». Очевидно, отступление от требований методических рекомендаций связано с неопределенностью их статуса в системе элементов правового регулирования.

В части неоправданно длинного наименования мы обратили внимание на сферу регионального нормотворчества, и в частности на Закон Владимирской области от 05.10.2016 № 114-ОЗ «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Владимирской области, устанавливающих новые или изменяющих ранее предусмотренные нормативными правовыми актами Владимирской области обязательные требования, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценок и экспертиз, устанавливающих новые или изменяющих ранее предусмотренные нормативными правовыми актами Владимирской области обязанности и запреты для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности, а также устанавливающих или изменяющих ответственность за нарушение нормативных правовых актов Владимирской области, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, и порядке проведения экспертизы нормативных правовых актов Владимирской области, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности». Название этого закона содержит 117 слов. Но есть и закон о внесении изменений в ст. 2 данного закона, что увеличивает его название еще на девять слов. В таких случаях говорят, что это «претендент в Книгу рекордов Гиннеса». Если что и оправдывает столь длинное название, то только тот факт, что данный закон

был принят до принятия Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов в редакции от 2021 г. Именно в этой редакции появилось требование о недопустимости неоправданно длинного наименования законопроекта. И хотя формально данные методические рекомендации распространяются только на законотворческую деятельность Государственной Думы Российской Федерации, положения данного документа по аналогии должны использоваться и на региональном уровне. Представляя данный документ на заседании Правительственной комиссии по законопроектной деятельности председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, Павел Крашенинников отметил следующее: «Надеемся, что документ будет помогать в дискуссиях не только в парламенте, но и внутри правительства, в федеральных органах исполнительной власти, законодательных собраниях субъектов Федерации, послужит защите прав и законных интересов граждан, поможет упорядочить систему российского законодательства» [4].

Полагаем, что безликость названия многих нормативных правовых актов могла бы быть нивелирована использованием их сокращенных наименований. В настоящее время подобная практика имеет преимущественно неофициальный характер. Так, случаи смертей приемных российских детей в Америке и безнаказанность усыновивших их родителей привели к принятию в России федерального закона, запрещающего американцам усыновлять российских детей [5]. Легальное наименование данного правового акта – Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». В политико-правовых дискуссиях он известен как «закон Димы Яковлева». Необходимо принять меры к легализации практики использования сокращенных наименований законодательных актов. Данное обстоятельство будет способствовать становлению правового сознания граждан, их патриотическому воспитанию, более качественному восприятию правовой действительности. Сокращенные наименования можно было бы размещать в скобках, после их полных версий.

Таким образом, существующие структурные и формальные правила составления нормативных правовых актов нуждаются в уточнении, а практика использования методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов должна носить единообразный характер, что может быть обеспечено только уточнением их статуса в системе элементов правового регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учеб. М., 2008. 512 с.
2. Томсинов В. А. История государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) : учеб.-метод. пособие к семинарским занятиям. М., 2019. 128 с.
3. Шавлохов А. К. Преодолимы ли парадоксы парадигм в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Право и современные государства. 2017. № 2. С. 32–36.
4. Куликов В. Законам запретят давать длинные и сложные названия // Российская газета. 2021. 22 марта. URL: <https://rg.ru/2021/03/22/zakonam-zapretiat-davat-slozhnye-i-dlinnye-nazvaniia.html> (дата обращения: 02.09.2023).
5. Кубарь И. И., Мусаев М. Г. «Закон Димы Яковлева»: социальные и правовые последствия принятия // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 143–151.

REFERENCES

1. Kashanina T.V. *Yuridicheskaya tekhnika: ucheb.* [Legal technique: textbook]. Moscow, 2008. 512 p.
2. Tomsinov V.A. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran (Drevnost' i Srednie veka): ucheb.-metod. posobie k seminarским zanyatiyam* [History of state and law of foreign countries (Antiquity and the Middle Ages): study manual]. Moscow, 2019. 128 p.
3. Shavlokhov A.K. Are the paradoxes of paradigms in the draft Code of Administrative Offences of the Russian Federation surmountable. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and Modern States*, 2017, no. 2, pp. 32–36. (In Russ.).
4. Kulikov V. Laws will be prohibited from giving long and complex names. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2021, March 22. Available at: <https://rg.ru/2021/03/22/zakonam-zapretiat-davat-slozhnye-i-dlinnye-nazvaniia.html> (In Russ.). (Accessed September 2, 2023).
5. Kubar' I.I., Musaev M.G. "Dima Yakovlev's law": social and legal consequences of acceptance. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 7, pp. 143–151. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и probation Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the VLI of the FPS of Russia, Vladimir, Russia, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

VYACHESLAV V. SHAKHANOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of the Theory and History of the State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, associate professor at the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management of the VLI of the FPS of Russia, Vladimir, Russia, Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Статья поступила 28.09.2023

Научная статья

УДК 349.42

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.005

Цифровая трансформация сельского хозяйства в контексте обеспечения продовольственной безопасности: правовой опыт стран БРИКС

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА ВОРОНИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, 79315016167@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7783-608X>

Аннотация. В статье на примере БРИКС рассмотрено стратегическое планирование в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Отмечается, что цифровизация – инструмент, обеспечивающий устойчивое развитие сельского хозяйства. Осуществляемая цифровая трансформация сельского хозяйства стран БРИКС требует новых подходов к определению механизмов совершенствования правового регулирования и стратегического планирования. Выявлены правовые проблемы цифровой трансформации сельского хозяйства и сформулированы предложения по их возможному решению.

Ключевые слова: цифровая трансформация; сельское хозяйство; продовольственная безопасность; БРИКС.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Воронина Н. П. Цифровая трансформация сельского хозяйства в контексте обеспечения продовольственной безопасности: правовой опыт стран БРИКС // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 45–52. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.005.

Original article

Digital Transformation of Agriculture in the Context of Ensuring Food Security: Legal Experience of the BRICS Countries

NATAL'YA P. VORONINA

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, 79315016167@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7783-608X>

Abstract. The article considers strategic planning in the field of food security using the example of BRICS countries. Digitalization is a tool that ensures sustainable development of agriculture. Current digital transformation of agriculture in the BRICS countries requires new approaches to defining mechanisms for improving legal regulation and strategic planning. Legal problems of digital transformation of

agriculture are identified and the author's proposals for their possible solution are formulated.

Key words: digital transformation; agriculture; food security; BRICS.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Voronina N.P. Digital transformation of agriculture in the context of ensuring food security: legal experience of the BRICS countries. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 45–52. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.005.

Окончание. Начало статьи в № 4 (24), 2023

В Бразилии сельское хозяйство также является важной отраслью экономики. Эта страна располагает значительными сельскохозяйственными ресурсами, что позволяет ей быть «крупным игроком в мировой торговле сельскохозяйственной продукцией, на долю которой приходится 7,3 % мирового экспорта сельскохозяйственной продукции. На этот сектор приходится 14 % ВВП страны, а на всю сельскохозяйственную цепочку приходится 28 %, где занято почти 18 млн человек» [1, с. 162].

Цифровизация – одна из основных тенденций развития сельского хозяйства Бразилии. Разработана Стратегия цифровой трансформации «Повестка дня для цифрового общества будущего» (2018), состоящая из нескольких разделов: «Инфраструктура и доступ к информационным и коммуникационным технологиям», «Исследования, разработки и инновации», «Доверие к цифровой среде», «Образование и профессиональная подготовка» [2, с. 49]. Сельское хозяйство является одним из четырех приоритетов цифровой трансформации страны. Мероприятия по цифровой трансформации предусматриваются в утвержденном в 2019 г. Национальном плане Интернета вещей.

Отмечается, что важное значение имеет политика внедрения «точного сельского хозяйства». Это требует изучения «всех физических, химических и географических свойств почвы, доступности для растений питания и воды, болезней, которым могут подвергнуться культивируемые растения на данном земельном участке» [3, с. 30]. Важное содействие в развитии точечного земледелия играет созданная в 2012 г. Бразильская комиссия точечного земледелия. В 2019 г. утверждена программа «Сельское хозяйство 4.0», которая предлагает механизм взаимодействия государства и аграрного бизнеса по развитию цифровых и инновационных технологий.

В 2014 г. была представлена разработанная до 2030 г. Стратегическая повестка дня для точечного земледелия [4, с. 61–62]. Одно из ее направлений – развитие сети научных государственных и частных учреждений.

Между тем только 4 % сельскохозяйственных товаропроизводителей Бразилии используют точное земледелие, производя при этом 75 % аграрной продукции. Как и в России, цифровые технологии в основном используют крупные корпорации, в то время как малые формы хозяйствования (МФХ) не могут позволить себе эти технологии по причине высокой стоимости и недостаточной квалификации крестьян. Выход видится в интеграции крестьян в сельскохозяйственные кооперативы, что актуально и для России. Поэтому развитие малых форм хозяйствования в аграрном секторе – это стратегическая задача и Российской Федерации. Утвержден федеральный проект по созданию системы поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) и развитию сельской кооперации. Его цель – увеличе-

ние численности фермерских хозяйств и сельскохозяйственных потребительских кооперативов. С 2021 г. развитие сельской кооперации осуществляется в рамках мероприятия «Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в агропромышленном комплексе» федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства». В 2023 г. на его реализацию выделено 6,4 млрд руб.

В Бразилии развитие семейных ферм и малых агропредприятий также является важным направлением аграрной политики [5, с. 259]. Под семейной понимается ферма, управляемая ее владельцем, основанная на использовании труда, площадью 4–110 га в зависимости от географического положения [6, с. 91]. Оказывается государственная поддержка: так, за последние 15 лет государственное кредитование семейных ферм и кооперативов увеличилось в 2,5 раза [3, с. 30]. Но внедрение цифровых технологий требует значительных финансовых вложений, поэтому фермеры объединяются в сельскохозяйственные кооперативы.

Одна из причин, препятствующих цифровизации сельского хозяйства в Бразилии, – отсутствие Интернета: только 5 % сельских территорий имеют доступ к глобальной сети. Поэтому одной из целей бразильского государства выступает расширение Интернета. Аналогичная задача поставлена и в России. В частности, меры по развитию сети Интернет предусматриваются в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203.

В ЮАР сельское хозяйство вышло на новый этап развития после снятия прямого регулирования экспорта сельскохозяйственной продукции. Эта страна выращивает фрукты, зерновые культуры, осуществляет рыбоводство, развивает биотехнологии и генную инженерию [7, с. 90]. На долю сельского хозяйства приходится 3 % ВВП (это самый маленький показатель в БРИКС). Есть проблемы в сфере АПК страны (изменение климата, рост населения, нехватка квалифицированных кадров [1, с. 162]), в решении которых поможет цифровизация.

В Африке в XXI в. началась цифровизация аграрного производства, причем к применению цифровых технологий привлечены мелкие фермеры [8, с. 105]. Если изначально информационные технологии использовались для уведомления фермеров о погодных условиях, то сегодня эта информация уже содержит данные о виде и объемах удобрений, количестве воды и т. д., то есть наблюдается развитие точечного земледелия. Также применяются беспилотные летательные аппараты, метеостанции, оборудование для диагностики почв, наличия вредителей и болезней, полевые датчики. Есть специализированные информационные службы для фермеров (в частности, Agricultural Market Information System (AMIS)). Цифровые технологии позволяют учесть агрономические особенности угодий (свойства почвы, доступность воды, уровни затенения), вредителей и болезней [8, с. 106].

Цифровые платформы помогают мелким фермерам решить проблему кредитования своей деятельности. Это краудфандинговые цифровые платформы, связывающие фермеров и их кредиторов, например Livestock Wealth в ЮАР [9, с. 95].

Применяются системы раннего предупреждения о рисках для сельскохозяйственной деятельности (погода, чрезвычайные ситуации, вредители и др.). При этом ЮАР относится к проблемным странам из-за низкой цифровой конкуренции [10, с. 78] и недостаточности охвата Интернетом (всего 50 %). Поэтому цифровизация сельского хозяйства признана национальным приоритетом страны.

Цифровизация сельского хозяйства предусмотрена и в Индии. В АПК этой страны занято более 50 % населения. Активно развиваются мясомолочное животноводство, птицеводство, выращивание фруктов и овощей, зерновых культур, специй, чайного и табачного листов, кофейных зерен, различных сортов орехов, сахарного тростника, производство морепродуктов, рыболовство и др. [1, с. 162]. Однако остро стоят проблемы обеспечения не только продовольственной, но и экологической безопасности. Основное противоречие Индии состоит в том, что при необходимости увеличения производства продовольствия одновременно требуется снизить негативное воздействие на окружающую среду [11, с. 165]. Цифровизация является инструментом, направленным на решение этих проблем. Поэтому в настоящее время реализуется проект «Цифровая Индия» в трех ключевых областях: «цифровая инфраструктура как полезность для каждого гражданина, управление и услуги по требованию, цифровое расширение прав и возможностей граждан» [12, с. 225]. Процессы цифровизации сельского хозяйства требуют подготовки крестьян, что составляет стратегическую задачу развития сельского хозяйства Индии.

«На основе дистанционного зондирования ведется крупномасштабное картирование земель; совершенствуется система оценки хозяйственного воздействия на окружающую среду, изучается воздействие потепления климата на сельское хозяйство» [13, с. 255]. Основными цифровыми инструментами являются системы геопозиционирования, электронная база учета производственных показателей сельскохозяйственных животных, самоходная сельскохозяйственная техника, отслеживание сельскохозяйственной продукции по принципу «от производителя до потребителя», национальная платформа мониторинга сельскохозяйственных культур [14, с. 59]. Используемые цифровые технологии увеличили производительность труда, но кардинально показатели продбезопасности пока не улучшили: по-прежнему более половины индийского населения испытывает дефицит сельскохозяйственной продукции. Поэтому цифровая трансформация индийского сельского хозяйства необходима как с экономических, так и социальных позиций.

Китай – крупный сельскохозяйственный товаропроизводитель. Там производится более половины свинины, треть садоводческой продукции, риса и хлопка и почти пятая часть пшеницы, кукурузы и птицы в мире. На долю сельского хозяйства приходится 12,6 % ВВП страны. Основные приоритеты АПК Китая: сельское хозяйство, сельские районы и проблемы фермеров. Перед государством стоит решение таких задач, как борьба с бедностью, улучшение инфраструктуры и услуг в сельских районах, увеличение доходов крестьян [1, с. 161]. Их решение возможно за счет преимуществ цифровизации, поэтому в КНР на развитие цифровизации в сельском хозяйстве направлено 60 % всех стартапов [15, с. 152]. Однако цифровизация идет медленно. Несмотря на то что Китай является одной из самых цифровых азиатских стран, сельское хозяйство охвачено цифровизацией всего на 7 % [16, с. 283]. Это связано с тем, что технологии Интернета вещей фермерские хозяйства (их доля среди товаропроизводителей составляет 59 % [17]) не могут позволить по причине высокой стоимости и отсутствия квалифицированных работников. Возможное решение – объединение фермеров в сельскохозяйственные кооперативы, осуществляющие совместное использование цифровых технологий. Так, в КНР при помощи снабженческо-сбытовых кооперативов при реализации внутригосударственных стратегий «Интернет Плюс» и «Интернет вещей» создано более 1,5 тыс. предприятий электронной коммерции [18, с. 53]. Также сельскохозяйственные кооперативы организуют обучение крестьян в данной области [19, с. 148].

Таким образом, перед странами БРИКС в сфере сельского хозяйства стоят общие задачи: обеспечение продовольственной независимости, производство безопасной сельскохозяйственной продукции, увеличение экспорта, адаптация аграрной деятельности к изменениям климата, экологизация сельского хозяйства. И именно цифровизация выступает инструментом возможного решения этих проблем.

Глобальные вызовы обуславливают процессы цифровой трансформации сельскохозяйственной деятельности. Информационные технологии позволяют обеспечить более высокие объемы сельскохозяйственного производства, адаптировать сельское хозяйство к климатическим изменениям, рационально использовать природные ресурсы. Это дает возможность решить экономические, экологические и социальные проблемы в сельской местности.

В странах БРИКС наблюдаются процессы цифровой трансформации сельского хозяйства, направленные как на модернизацию аграрной деятельности, так и на создание благоприятных и комфортных условий проживания в сельской местности.

Тенденции цифровой трансформации в сельском хозяйстве в странах БРИКС общие: это точечное (или цифровое) земледелие, применение цифровых технологий в животноводстве, растениеводстве и других отраслях сельского хозяйства, формирование систем раннего предупреждения, обеспечение прослеживаемости производимой и реализуемой продукции, цифровые платформы сбыта и кредитования. Но и проблемы также общие. Их можно разделить на две группы: 1) проблемы, общие для сельского хозяйства в целом, 2) проблемы цифровой трансформации сельского хозяйства. К первой группе относятся негативное влияние климатических изменений на результаты сельскохозяйственной деятельности, недостаточность экологизации сельского хозяйства, неустойчивое развитие сельских территорий, невысокий уровень жизни граждан. Вторую группу составляют несовершенство правового регулирования и стратегического планирования цифровизации сельского хозяйства, недостаточность квалифицированных работников и собственных цифровых технологий, нехватка финансовых средств. Это не позволяет внедрять цифровые технологии эффективно, особенно малым фермерским хозяйствам. Необходима интеграция. На наш взгляд, можно говорить о двух формах интеграции 1) создание сельскохозяйственных кооперативов, обслуживающих потребности фермеров в цифровых технологиях, либо заключение договора о совместной деятельности, 2) публично-частное партнерство в сфере информационных технологий, применяемых в сельском хозяйстве [20, с. 39–40]. Кроме того, цифровая трансформация сельского хозяйства в контексте обеспечения продовольственной безопасности требует стратегического планирования на долгосрочной основе, поэтому цифровизация должна признаваться направлением государственной аграрной политики наравне с устойчивым развитием сельского хозяйства и сельских территорий, стимулированием генных технологий, поддержкой семейных ферм, фермеров и сельскохозяйственных кооперативов, адаптацией к изменениям климата и снижением углеродного следа, рациональным использованием природных ресурсов, развитием аграрного образования и науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сальникова О. В., Рожкова Л. В. Основные направления развития агропромышленного комплекса стран БРИКС // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 4(56). С. 159–168.

2. Смаль С. В. Государственная политика цифровизации в странах Латинской Америки. Опыт применения многомерных интегральных индексов на примере Бразилии // Латинская Америка. 2021. № 4. С. 40–55.
3. Савельева А. В. Бразилия на мировом рынке продовольствия // Латинская Америка. 2012. № 10. С. 28–37.
4. Прохоренко О. С., Попова К. Ю. Инновационный вектор развития аграрной сферы Бразилии на основе цифровизации // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 8 (90). С. 54–65.
5. Полещук И. К. Сравнительный опыт сельскохозяйственного развития: Россия и Бразилия в эпоху перемен // Крестьяноведение. 2022. Т. 7, № 3. С. 257–260.
6. Астраханцева Е. Ю., Соколова Ж. Е., Таран В. В. Поддержка малых ферм и борьба с бедностью в сельской местности Бразилии // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 2. С. 87–95.
7. Папцов А. Г., Шеламова Н. А. Особенности инновационной политики в АПК стран БРИКС // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 7. С. 86–93.
8. Гаврилова Н. Г. Преобразование сельского хозяйства Африки: потенциал цифровых технологий // Национальная научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения А. М. Гатаулина : сб. ст. конф. (Москва, 22–23 декабря 2020 года). М., 2021. С. 100–112.
9. Пряжникова О. Н. Цифровое сельское хозяйство в Африке: основные направления развития // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 1 (53). С. 86–100.
10. Клюкин А. Д. Современное развитие цифровизации АПК: отечественный и зарубежный опыт // Аграрная экономика. 2022. № 12 (331). С. 72–86.
11. Дерюгина И. В. Цель сельского хозяйства Индии – экспортная ориентация: 25 лет экономической реформы (1991–2016) // Восток (Oriens). 2018. № 5. С. 154–166.
12. Шкваря Л. В. Цифровая экономика: опыт Индии // Экономика и предпринимательство. 2020. № 3. С. 223–226.
13. Сдасюк Г. В. Индия: обострение природно-экологических проблем и изменение сельскохозяйственной политики // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 2. С. 242–256.
14. Меденников В. И., Райков А. Н. Анализ опыта цифровой трансформации в мире для сельского хозяйства России // Тенденции развития Интернета и цифровой экономики : тр. III Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., Симферополь – Алушта, 4–6 июня 2020 г. Симферополь, 2020. С. 57–62.
15. Карелина Е. А. Потенциал стратегий цифровизации компаний развивающихся стран в фокусе формирования и развития глобальных цифровых платформ // Modern Economy Success. 2022. № 1. С. 150–156.
16. Джан Л., Чен С. Цифровая экономика Китая: возможности и риски // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 2. С. 275–303.
17. Новикова Н. Ю. Зарубежный опыт развития малых форм хозяйствования АПК. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-razvitiya-malyh-form-hozyaystvovaniya-apk/viewer> (дата обращения: 01.07.2022).
18. Долгих О. С., Вахнина Т. Н., Башкатова В. Я. Современное развитие кооперативного сектора экономики в странах Восточной Азии // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5. Ч. 3. С. 46–55.
19. Иншаков А. А. Роль кооперативов в преодолении сельской бедности (мировой опыт) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. № 9. Т. 1. С. 142–154.
20. Воронина Н. П. Сельскохозяйственная кооперация в странах Азии: цифровая трансформация правового регулирования и стратегического планирования в условиях глобальных вызовов // Юрист. 2022. № 9. С. 34–42.

REFERENCES

1. Sal'nikova O.V., Rozhkova L.V. Salnikova O.V., Rozhkova L.V. Innovative technologies application in agriculture of the BRICS countries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = Bulletin of Higher Education Establishments. Volga Region. Humanities*, 2020, no. 4(56), pp. 159–168. (In Russ.).
2. Smal' S.V. State policy of digitalization in Latin American countries. The experience of using multidimensional integral indices on the example of Brazil. *Latinskaya Amerika = Latin America*, 2021, no. 4, pp. 40–55. (In Russ.).
3. Savel'eva A.V. Brazil on the world food market. *Latinskaya Amerika = Latin America*, 2012, no. 10, pp. 28–37. (In Russ.).
4. Prokhorenko O.S., Popova K.Yu. Innovative vector of development of the Brazilian agricultural sector based on digitalization. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve = Economics, Labor, Management in Agriculture*, 2022, no. 8 (90), pp. 54–65. (In Russ.).
5. Poleshchuk I.K. Comparative experience of agricultural development: Russia and Brazil in the era of change. *Krest'yanovedenie = Peasant Study*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 257–260. (In Russ.).
6. Astrakhantseva E.Yu., Sokolova Zh.E., Taran V.V. Support for small farms and the fight against poverty in rural Brazil. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of Agriculture in Russia*, 2017, no. 2, pp. 87–95. (In Russ.).
7. Paptsov A.G., Shelamova N.A. Features of innovation policy in the agro-industrial complex of the BRICS countries. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of Agriculture in Russia*, 2016, no. 7, pp. 86–93. (In Russ.).
8. Gavrilova N.G. Transformation of agriculture in Africa: the potential of digital technologies. In: *Natsional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 85-letiyu so dnya rozhdeniya A.M. Gataulina: sb. st. konf. (Moskva, 22–23 dekabrya 2020 goda)* [National scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of A.M. Gataulin: proceedings of the conference (Moscow, December 22–23, 2020)]. Moscow, 2021. Pp. 100–112. (In Russ.).
9. Pryazhnikova O.N. Digital agriculture in Africa: key directions of development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii = Economic and Social Problems of Russia*, 2023, no. 1 (53), pp. 86–100. (In Russ.).
10. Klyukin A.D. Modern development of digitalization of agriculture: domestic and foreign experience. *Agrarnaya ekonomika = Agrarian Economics*, 2022, no. 12 (331), pp. 72–86. (In Russ.).
11. Deryugina I.V. Purpose of agriculture in India – export orientation: 25 years of economic reform (1991–2016). *Vostok (Oriens) = The East*, 2018, no. 5, pp. 154–166. (In Russ.).
12. Shkvarya L.V. Digital economy: Indian experience. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2020, no. 3, pp. 223–226. (In Russ.).
13. Sdasyuk G.V. India: aggravation of natural and environmental problems and changes in agricultural policy. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN = Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2018, no. 2, pp. 242–256. (In Russ.).
14. Medennikov V.I., Raikov A.N. Analyzing world experience of digital transformation for agriculture in Russia. In: *Tendentsii razvitiya Interneta i tsifrovoi ekonomiki: tr. III Vseros. c mezhdunar. uchastiem nauch.-prakt. konf., Simferopol' – Alushta, 4–6 iyunya 2020 g.* [Trends in the development of the Internet and the digital economy: proceedings of the III All-Russian International research and practical conference, Simferopol–Alushta, June 4–6, 2020, Simferopol]. Simferopol, 2020. Pp. 57–62. (In Russ.).
15. Karelina E.A. The potential of digitalization strategies for companies in developing countries in the focus of the formation and development of global digital platforms. *Modern Economy Success*, 2022, no. 1, pp. 150–156. (In Russ.).
16. Dzhan L., Chen S. China's digital economy: opportunities and risks. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = Bulletin of*

International Organizations: Education, Science, New Economy, 2019, vol. 14, no. 2, pp. 275–303. (In Russ.).

17. Novikova N.Yu. *Zarubezhnyi opyt razvitiya malykh form khozyaistvovaniya APK* [Foreign experience in the development of small forms of agricultural management]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-razvitiya-malyh-form-hozyaystvovaniya-apk/viewer> (accessed July 1, 2022).

18. Dolgikh O.S., Vakhnina T.N., Bashkatova V.Ya. Modern development of the cooperative sector of the economy in East Asian countries. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2019, no. 5, part 3, pp. 46–55. (In Russ.).

19. Inshakov A.A. The role of cooperatives in overcoming rural poverty (world experience). *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*, 2020, no. 9, vol. 1, pp. 142–154. (In Russ.).

20. Voronina N.P. Agricultural cooperation in Asian countries: digital transformation of legal regulation and strategic planning in the context of global challenges. *Yurist = Lawyer*, 2022, no. 9, pp. 34–42. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА ВОРОНИНА – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, 79315016167@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7783-608X>

NATAL'YA P. VORONINA – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, 79315016167@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7783-608X>

Статья поступила 18.08.2023

Научная статья

УДК 343.83

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.006

Совершенствование нормативного регулирования адаптации персонала уголовно-исполнительной системы

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, Aleksander.dolinin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3331-5319>

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Аннотация. В статье обосновывается актуальность изучения проблем адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Анализируются статистические данные по кадровому обеспечению ФСИН России. Отмечаются такие негативные тенденции, как рост количества вакантных должностей в органах и учреждениях, наличие увольнений на первом году службы. В качестве меры укрепления кадрового обеспечения рассматривается возможность разработки отдельного документа, регламентирующего все аспекты организации адаптации сотрудников, впервые принятых на службу, включая полномочия субъектов и оценку эффективности адаптационных процедур. Описывается типовое положение об адаптации персонала уголовно-исполнительной системы, его структура и содержательные аспекты.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; работа с кадрами; персонал уголовно-исполнительной системы; адаптация персонала.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Долинин А. Ю., Моторова Н. В. Совершенствование нормативного регулирования адаптации персонала уголовно-исполнительной системы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 53–59. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.006.

Original article

Improving Regulation of the Adaptation of the Penal System Employees

ALEKSANDR YU. DOLININ

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, Aleksander.dolinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3331-5319>

NATAL'YA V. MOTOROVA

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Abstract. The article substantiates the relevance of studying problems of improving effectiveness of adaptation of penal system employees and, for this purpose, analyzes statistical data on the staffing of bodies and institutions of the penitentiary system. There are negative trends, such as an increase in the number of vacant positions in bodies and institutions and presence of dismissals in the first year of service. As a measure to strengthen staffing of the penal service, the authors consider the possibility of developing a separate document regulating all aspects of organizing adaptation of employees recruited for the first time, including the powers of subjects and the adaptation procedure effectiveness assessment. The article describes a standard provision on adapting the penal system personnel, its structure and substantive aspects.

Keywords: penal system; work with personnel; penal system employees; personnel adaptation.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Dolinin A.Yu., Motorova N.V. Improving regulation of the adaptation of the penal system employees. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 53–59. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.006.

В настоящее время одним из наиболее проблемных вопросов функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации остается некомплект начальствующего состава, усугубляемый низким притоком и возросшим оттоком кадров, а также высоким процентом увольняемых на первом году службы сотрудников, что крайне негативно сказывается на достижении целей и выполнении основных задач, стоящих перед Федеральной службой исполнения наказаний.

В последние годы увеличивается количество вакантных должностей и сотрудников, увольняемых из уголовно-исполнительной системы. По состоянию на 1 января 2023 г. были вакантны 13,51 % должностей сотрудников (АППГ – 11,47 %) [1, с. 230–231; 2, с. 7]. В 2022 г. уволено 25,72 тыс., или 11,98 % от штатной численности (АППГ – 24 283 чел., или 11,35 %), из них по соглашению сторон, инициативе сотрудника – 9149 чел. (35,58 % от числа уволенных) [1, с. 232; 2, с. 12].

При этом по состоянию на 1 января 2023 г. 5,97 % сотрудников уволены на первом году службы (АППГ – 5,60 %), в том числе 9,31 % (АППГ – 11,69 %) в связи с признанием сотрудника, проходящего испытание, не выдержавшим испытание [3, с. 13–14; 1, с. 232; 2, с. 14]. При этом среди старшего и среднего начальствующего состава доля лиц, уволенных на первом году службы, составляет 1,64 %, из них 7,6 % уволены в связи с признанием сотрудника, проходящего испытание, не выдержавшим испытание), а среди младшего начальствующего состава таковых 8,57 % и 12,28 % соответственно [1, с. 236]. Таким образом, доля уволенных сотрудников, прослуживших менее одного года, существенна, и тенденция к ее снижению незначительна.

В то же время наблюдается увеличение доли молодых сотрудников как по возрасту, так и по стажу службы. В настоящее время удельный вес сотрудников со стажем службы менее трех лет составляет около 24 % от списочной численности, в возрасте до 30 лет – более

30 %. При чем среди младшего начальствующего состава последний показатель существенно выше.

Представленные статистические данные по кадровому обеспечению уголовно-исполнительной системы свидетельствуют об актуальности изучения проблем повышения эффективности работы с молодыми специалистами, поиска эффективных мер по адаптации сотрудников на первых годах службы.

Сохранение кадрового потенциала, сокращение текучести кадров, снижение некомплекта могут быть достигнуты осуществлением необходимых мер, направленных на закрепление кадров, совершенствование и максимальное использование всех имеющихся возможностей адаптации сотрудников к служебной деятельности. Перед кадровыми службами учреждений и органов ФСИН России стоят серьезные задачи по профессиональной подготовке молодых сотрудников.

Поэтому в современных условиях необходима разработка системы нормативно-правовых и организационно-практических предложений по повышению эффективности технологии адаптации персонала уголовно-исполнительной системы, учитывающих не только требования современной концепции менеджмента, изменения законодательства о государственной службе, но и особенности современного этапа развития пенитенциарной системы.

Понятие «адаптация» имеет широкое толкование и используется в различных областях науки. Главный смысл трудовой адаптации заключается во взаимном приспособлении человека и окружающей производственной среды. Чаще всего разграничивают производственную и внепроизводственную (социальную) адаптацию. С точки зрения управления человеческими ресурсами наибольший интерес представляет именно производственная адаптация. В теории управления персоналом в основном сформировалось мнение о классификационных признаках этого явления. Адаптация – это двухсторонний процесс. Однако ее успех во многом определяется эффективностью деятельности по организации процессов адаптации. Специалисты по управлению персоналом придерживаются схожего мнения о том, что алгоритм эффективной адаптации включает ряд этапов: оценка уровня подготовленности, ориентация, действенная адаптация, функционирование.

Адаптация персонала уголовно-исполнительной системы – это приспособление молодого сотрудника к условиям нового места службы, которое связано с освоением им должностных обязанностей и ролей в служебном коллективе, включая нормы поведения, общения и делового взаимодействия.

Профессиональная адаптация сотрудника осуществляется в результате реализации профессионально-психологического отбора, прохождения испытательного срока, специального первоначального обучения, подготовки и обучения в процессе служебной деятельности, индивидуально-воспитательной работы.

Значительную роль в процессе адаптации молодых специалистов играет наставничество. Наставничество – это процесс взаимодействия опытного, высококвалифицированного и авторитетного сотрудника (наставника) с вновь принятым на службу с целью его быстрой и успешной подготовки к выполнению служебных обязанностей и усвоения лучших традиций трудового коллектива, воспитания добросовестности, дисциплинированности, сознательного и творческого отношения к выполнению служебных обязанностей.

Организация адаптации сотрудников ФСИН России регулируется преимущественно на подзаконном уровне – ведомственными нормативными актами. При этом отдельный документ, регламентирующий все аспекты организации адаптации, включая полномочия субъ-

ектов и оценку эффективности адаптационных процедур, отсутствует. Поэтому для того, чтобы увязать и согласовать все перечисленные выше процедуры адаптации персонала, целесообразно разработать и принять типовое положение об адаптации персонала уголовно-исполнительной системы, на основе которого территориальные органы и учреждения готовили бы локальный нормативный акт, регламентирующий организацию адаптации молодых сотрудников. Возможность разработки и использования в учреждениях и органах ФСИН России локальных нормативных актов, регламентирующих отдельные аспекты работы с кадрами, не противоречит действующему законодательству и ведомственным нормативным актам. Кроме того, принятие локальных нормативных актов, не ухудшающих права работников по сравнению с федеральным законодательством, соответствует требованиям ст. 8 Трудового кодекса Российской Федерации.

Примерная структура типового Положения об адаптации персонала уголовно-исполнительной системы может включать следующие разделы:

Раздел 1. Общие положения.

- 1.1. Область применения.
- 1.2. Основные термины и определения.
- 1.3. Общие подходы к адаптации персонала.

Раздел 2. Порядок проведения процесса адаптации.

- 2.1. Ответственность за проведение адаптации.
- 2.2. Введение в учреждение.
- 2.3. Введение в подразделение.
- 2.4. Введение в должность.
- 2.5. Социально-психологическая адаптация персонала.
- 2.6. Профессиональная адаптация персонала.

Раздел 3. Организация наставничества.

- 3.1. Сущность наставничества.
- 3.2. Обязанности наставника.
- 3.3. Права наставника.
- 3.4. Ответственность наставника.

Раздел 4. Права, обязанности и ответственность сотрудника в период прохождения адаптации.

- 4.1. Права сотрудника в период прохождения адаптации.
- 4.2. Обязанности сотрудника в период прохождения адаптации.
- 4.3. Ответственность сотрудника в период прохождения адаптации.

Раздел 5. Анализ и оценка работы сотрудника в период адаптации.

5.1. Цель оценки и анализа. Показатели эффективности сотрудника в период прохождения адаптации.

- 5.2. Предварительный анализ работы вновь принятого сотрудника.
- 5.3. Заключительный анализ работы вновь принятого сотрудника.

Предлагаемый нормативный правовой акт устанавливает единый порядок адаптации персонала во всех структурных подразделениях и направлен на оптимизацию процесса адаптации новых сотрудников к условиям работы в учреждении. Положение предназначено для руководителей структурных подразделений, сотрудников учреждения, назначаемых наставниками, работников отдела кадров и работы с личным составом, психологов, а также вновь принятых на службу сотрудников.

Помимо описания общей структуры положения об адаптации остановимся на характеристике содержания отдельных разделов, принципов их построения.

Так, формулировки общих подходов к адаптации персонала должны исходить из того, что следует обеспечить баланс между ядром опытных сотрудников и группой молодых специалистов, позволяющий сохранять лучшие традиции служебного коллектива, накапливать необходимый профессиональный опыт.

Целевые установки процедуры адаптации сотрудников могут быть сформулированы следующим образом:

- обеспечение более быстрого вхождения в должность вновь принятого на службу сотрудника;
- снижение числа ошибок, связанных с включением в служебную деятельность;
- снижение стрессов, чувства тревожности, неуверенности в себе, дискомфорта первых дней прохождения службы;
- объективная оценка уровня квалификации и потенциала нового сотрудника.

Адаптация нового сотрудника может быть закреплена как сложносоставной процесс, предусматривающий следующие основные части:

- 1) введение в учреждение уголовно-исполнительной системы. До момента подписания контракта работник кадровой службы знакомит нового сотрудника с локальными нормативными актами, организационной структурой, деятельностью и историей учреждения;
- 2) введение в подразделение;
- 3) вхождение в должность.

При этом процесс адаптации предусматривается в двух взаимосвязанных направлениях – социально-психологическом и профессиональном.

Социально-психологическая адаптация может включать:

- знакомство сотрудника с историей учреждения и подразделения;
- понимание организационной структуры учреждения, системы управления и информации;
- знакомство с правилами поведения в учреждении и нормативными документами, регламентирующими деятельность персонала;
- приобщение к традициям учреждения и трудового коллектива, формирование лояльности.

В предлагаемом нормативном правовом акте должны быть закреплены и основные направления деятельности субъектов адаптационного процесса. Следует определить, что руководитель подразделения, наставник и психолог обеспечивают неформальную социально-психологическую адаптацию сотрудника в новом трудовом коллективе.

Руководитель подразделения, наставник и психолог:

- проводят собеседования с новым сотрудником для выяснения его ожиданий и разъяснения особенностей функционирования коллектива;
- обеспечивают новому сотруднику поддержку и оказывают помощь в разрешении межличностных противоречий с другими членами коллектива;
- морально и психологически поощряют конструктивное поведение нового сотрудника (проявление инициативы, стремление к обучению, развитие контактов, оказание поддержки другим сотрудникам и пр.).

Руководитель подразделения совместно с наставником и работником отдела кадров и работы с личным составом обеспечивает вовлеченность нового сотрудника в спортивные

и досуговые мероприятия, а также в мероприятия по повышению профессионального мастерства.

Профессиональная адаптация может включать:

- ознакомление с документацией, регламентирующей служебную деятельность и выполнение должностных обязанностей;
- развитие профессиональных навыков, уверенности в способности самостоятельно и успешно справляться с должностными обязанностями;
- обучение передовым методам и приемам работы, рациональному использованию времени;
- развитие ответственности и дисциплинированности.

По данному направлению также могут быть закреплены права и обязанности руководителя, наставника и других сотрудников, участвующих в адаптации.

В локальном нормативном правовом акте, регулирующем порядок адаптации вновь принятых на службу сотрудников, должны быть включены и положения по организации аналитической и контрольной деятельности. Анализ и оценка работы нового сотрудника в период испытательного срока необходимы для принятия обоснованного решения о его приеме на службу либо об увольнении как не прошедшего испытательный срок. В ходе анализа помимо оценки работы нового сотрудника целесообразно остановиться на обсуждении стрессоустойчивости и других важных характеристик личности, а также изучить вовлеченность сотрудника в общественную жизнь учреждения, принятие им норм поведения и ценностей персонала уголовно-исполнительной системы.

Контроль процесса адаптации осуществляет руководитель структурного подразделения. Контроль включает еженедельные собеседования с сотрудником с целью своевременного выявления и разрешения проблем.

Следует подчеркнуть, что разработка и практическое применение в деятельности учреждений и органов ФСИН России локального нормативного акта, регулирующего порядок адаптации вновь принятых на службу сотрудников, позволят не только упорядочить процесс профессиональной и социально-психологической адаптации, но и ускорить достижение молодым сотрудником оптимальной результативности служебной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2021 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2022. 436 с.
2. Кадровое обеспечение уголовно-исполнительной системы : информ.-аналит. сб. Тверь, 2023. 79 с.
3. Кадровое обеспечение уголовно-исполнительной системы : информ.-аналит. сб. Тверь, 2021. 78 с.

REFERENCES

1. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2021 g.): inform.-analit. sb.* [Key indicators of the activity of the penal system (January–December 2021): information and analytical collection] Tver, 2022. 436 p.
2. *Kadrovoye obespechenie ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: inform.-analit. sb.* [Staffing of the penal system: information and analytical collection] Tver, 2023. 79 p.
3. *Kadrovoye obespechenie ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: inform.-analit. sb.* [Staffing of the penal system: information and analytical collection]. Tver, 2021. 78 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы юридического факультета Академии ФСИН России, Рязань, Россия, Aleksander.dolinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3331-5319>

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВА – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

ALEKSANDR YU. DOLININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Management and Organization of the Penal System of the Law Faculty of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, Aleksander.dolinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3331-5319>

NATAL'YA V. MOTOROVA – Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Статья поступила 09.01.2023

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.007

Проблемные аспекты правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы в механизме предупредительного воздействия на лиц, отбывающих наказания без лишения свободы

БРОНИСЛАВ БРОНИСЛАВОВИЧ КАЗАК

Псковский государственный университет, Псков, Россия

ИРИНА НИКОЛАЕВНА СМИРНОВА

Псковский государственный университет, Псков, Россия

ИРИНА СЕРГЕЕВНА БЫЧИНСКАЯ

Псковский филиал Университета ФСИН России, Псков, Россия

Аннотация. В статье раскрываются некоторые аспекты организации правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы в рамках предупредительного воздействия на лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций. Рассматриваются основные нарушения законности при реализации такой правоохранительной деятельности, анализируются их причины. Обосновывается важность для данного направления деятельности, поиска новых форм и методов повышения уровня подготовки сотрудников всех заинтересованных ведомств.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; уголовно-исполнительная инспекция; подучетный; органы прокуратуры; органы внутренних дел; межведомственное взаимодействие; нарушения законности; пробация.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Для цитирования: Казак Б. Б., Смирнова И. Н., Бычинская И. С. Проблемные аспекты правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы в механизме предупредительного воздействия на лиц, отбывающих наказания без лишения свободы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 60–68. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.007.

Original article

Problematic Aspects of Law Enforcement Activities of the Penal System in the Preventive Action Mechanism in relation of Persons Serving Sentences without Imprisonment

BRONISLAV B. KAZAK

Pskov State University, Pskov, Russia

IRINA N. SMIRNOVA

Pskov State University, Pskov, Russia

IRINA S. BYCHINSKAYA

Pskov Branch of the University of the FPS of Russia, Pskov, Russia

Abstract. The article reveals some aspects of organizing law enforcement activities of the penal system within the framework of preventive measures against persons registered with criminal executive inspections. Key violations of the rule of law in the implementation of such law enforcement activities are considered and their causes are analyzed. The importance of searching for new forms and methods, improving the level of training of employees of all interested departments for this activity area is substantiated.

Key words: penal system; criminal executive inspection; subordinate; prosecutor's office; internal affairs bodies; interdepartmental interaction; violations of the rule of law; probation.

5.1.2. Public law (state law) sciences

For citation: Kazak B.B., Smirnova I.N., Bychinskaya I.S. Problematic aspects of law enforcement activities of the penal system in the preventive action mechanism in relation of persons serving sentences without imprisonment. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 60–68. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.007.

Важность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на их учете [1], входит в число основных задач уголовно-исполнительных инспекций (УИИ). Кроме того, это предопределяется существенными изменениями качественного состава подконтрольных лиц (в частности, появилась новая категория – подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий и залога [2], лица, освобожденные условно-досрочно от отбывания наказания [3]), а также их количественного состава – «число лиц, ежегодно проходящих по учетам уголовно-исполнительных инспекций, составляет около миллиона человек, и с 2015 года их число увеличилось более чем на 88 тысяч человек» [4, с. 7].

Возложение на инспекции новых полномочий приводит к необходимости принятия мер организационно-правового характера, направленных на достижение целей уголовно-ис-

полнительной системы в исследуемой сфере правоохранительной деятельности, структурным элементом которой являются уголовно-исполнительные инспекции. Так, с учетом усложнения решаемых инспекциями правоохранительных задач совершенствовалось их организационно-правовое обеспечение [5, с. 7–32; 6, с. 6–22]. Кроме того, применялись новые формы работы с подконтрольными лицами, проводились эксперименты по внедрению инновационных технологий – биометрических систем контроля осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, реализован пилотный проект по организации службы доставки лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, в суды, органы предварительного следствия и дознания. Большое внимание уделялось повышению эффективности управления и ведомственного контроля, профилактике повторной преступности среди подконтрольных лиц, укреплению взаимодействия с правоохранительными, судебными органами, общественными организациями и объединениями, другими институтами гражданского общества [7, с. 5, 8].

Проведенные нами и иными авторами исследования показывают, что знание причин и условий повторной преступности среди осужденных без изоляции от общества играет ключевую роль в обеспечении эффективности деятельности по снижению ее уровня [8, с. 14; 9, с. 217]. С учетом результатов практики правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций можно констатировать, что такая информация, а также тщательное изучение личности осужденных позволят в каждом конкретном случае выбрать оптимальные меры предупредительно-профилактического воздействия в отношении каждого подучетного лица.

Особая категория – несовершеннолетние осужденные, состоящие на учете. В соответствии с официальными данными Федеральной службы исполнения наказаний такие лица активно вовлекаются в волонтерскую и добровольческую деятельность, совместно с региональными центрами «Национальной родительской ассоциации социальной поддержки семей и защиты семейных ценностей» проводятся благотворительные акции, конференции, круглые столы по вопросам семьи, направленные на оказание помощи несовершеннолетним и их родителям; с подучетными подростками проводятся мероприятия патриотической направленности, во взаимодействии с социально-реабилитационными центрами организуются просмотр и обсуждение кинофильмов, мастер-классы по живописи, фитнесу, вебинары о вреде наркотиков [4, с. 8].

Анализ практики функционирования уголовно-исполнительных инспекций позволяет утверждать, что благодаря принимаемым в последние годы мерам в рамках организации работы с органами системы профилактики правонарушений, реализации мероприятий по оказанию помощи в социальной адаптации осужденным, в первую очередь несовершеннолетним [10], удалось добиться существенных результатов в рамках предупредительно-профилактического воздействия на подучетных лиц.

Вместе с тем, как свидетельствует проведенное исследование, после принятия Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» потребуются дополнительная проработка многих вопросов организационно-правового обеспечения правоохранительной деятельности в изучаемой сфере, поскольку функции и задачи инспекций в ближайшие годы, на наш взгляд, еще больше усложнятся, а вопрос предупреждения повторных преступлений подучетных лиц не потеряет актуальности с учетом сохранения сложного криминогенного состава осужденных.

При этом некоторые авторы предлагают «внедрение в практическую деятельность новых методов криминологического прогнозирования в отношении всех категорий осуж-

денных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях; расширение перечня лиц, к которым в соответствии с законом применяются аудиовизуальные и технические средства надзора и контроля... проведение воспитательной работы со всеми категориями осужденных, состоящих на учете» [11, с. 479–480]. Несмотря на значимость сформулированных Н. В. Ольховиком мер для повышения эффективности правоохранительной деятельности, на наш взгляд, важно учитывать реальную возможность их реализации на практике, поскольку для этого потребуется соответствующее кадровое, материально-техническое и иное обеспечение.

Исследование позволяет констатировать ряд проблемных аспектов, связанных с организацией правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций, которые подведомственны ФСИН России, по оказанию предупредительного воздействия на подучетных лиц, что направлено на обеспечение общественной и государственной безопасности.

Так, ежегодно выявляются, согласно данным официальной статистики, нарушения законности, которые служат объектом пристального внимания в рамках ведомственного контроля. В частности, отмечается несвоевременное привлечение осужденных к отбыванию наказания в виде обязательных и исправительных работ; несвоевременное принятие мер к нарушителям порядка и условий отбывания наказания; непроведение либо формальное проведение воспитательной работы с осужденными установленными законом категориями в соответствии с нормами УИК РФ; недостаточное взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с иными заинтересованными субъектами в рамках контроля за поведением осужденных, в отношении которых избрана отсрочка отбывания наказания; формальный подход к подготовке материалов для дальнейшего решения судами вопроса ответственности условно осужденных; отсутствие налаженного в ряде регионов установленного законодательством межведомственного взаимодействия либо формальный подход к его организации.

Подобные нарушения, носящие систематический, повторяющийся характер, рассматривались нами и ранее [5, с. 59–73; 12, с. 116–146; 13, с. 59–72]. В целях повышения эффективности правоохранительной деятельности инспекций в рамках решения задачи по оказанию профилактического воздействия на подучетных лиц необходимо прежде всего выявлять и устранять причины систематических нарушений законности, в числе которых могут быть, например, следующие:

- недостаточный количественно-качественный состав таких специализированных государственных органов;
- недостаточный уровень знания лицами, реализующими эту правоохранительную функцию, ее правовых основ;
- недостаточный учет судом сведений о лице, совершившем противоправное деяние, при избрании меры наказания, в том числе после постановления его на учет, и отказе в законных и обоснованных представлениях инспекций об изменении правового статуса подконтрольного лица при нарушении им порядка и условий отбывания наказания либо злостном уклонении от его отбывания;
- недостаточное использование потенциала иных субъектов профилактики, что может оказать отрицательное влияние на обеспечение общественной и государственной безопасности.

Следует отметить, что в условиях реализации концептуальных положений развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. [14] большое внимание в рамках предупреди-

тельной работы с осужденными без лишения свободы уделяется взаимодействию уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел. Так, можно констатировать, что изменения в информационном обмене направлены на минимизацию сроков предоставления значимых сведений, конкретизацию адресатов направляемой корреспонденции, сокращение расходов ведомств на почтовые отправления.

Однако следует отметить, что в отдельных субъектах Российской Федерации (это подтверждается прокурорами и выездами комиссий Генеральной прокуратуры Российской Федерации с комплексными и тематическими проверками) не везде налажено межведомственное взаимодействие с органами полиции. Так, к личным делам осужденных приобщаются формальные либо фиктивные справки сотрудников органов внутренних дел. На практике выявлялись факты, когда изложенные в рапортах случаи ненадлежащего исполнения осужденными наложенных судом обязанностей и ограничений сотрудниками инспекций не проверялись, совместная правоохранительная деятельность сводилась лишь к совместным плановым рейдам, что отражалось и в результатах ведомственных проверок.

Следовательно, важно принять комплекс мер организационно-правового характера, направленных на повышение эффективности межведомственной правоохранительной деятельности, что будет в дальнейшем способствовать наряду с иными мерами повышению предупредительного воздействия на подчетных лиц и обеспечению общественной и государственной безопасности в целом. Позитивные результаты информационного обмена о лицах, подпадающих под надзор, можно учитывать и при организации профилактической работы с лицами, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций [15, с. 25–26].

В заключение отметим, что важно не только утверждение совместных приказов, необходимо активно и с учетом современных реалий использовать имеющийся в ряде регионов опыт, а также искать новые формы и методы такой правоохранительной деятельности.

Следует также обеспечить соответствующую подготовку сотрудников обоих ведомств для оптимизации правоохранительной деятельности в сфере оказания предупредительного воздействия на подконтрольных лиц. На наш взгляд, в ближайшей перспективе вопросы подготовки кадров соответствующей квалификации для уголовно-исполнительных инспекций еще более актуализируются, поскольку в условиях реализации положений Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» им будет поручено решение задач, связанных с пробацией, что обусловит повышение требований к ним [16, с. 71–140]. Думается, что актуальные вопросы организации и правового регулирования пробации в рамках исследуемой правоохранительной деятельности могут стать предметом многих исследований, которые будут осуществляться в процессе реализации положений Федерального закона «О пробации в Российской Федерации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности : постановление Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 № 729 (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 25. Ст. 2947.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федер. закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Рос. газ. 2018. 20 апр.

3. О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 : указ Президента Российской Федерации от 02.03.2021 № 119. URL: <http://pravo.msk.rsnet.ru/novye-postupleniya/ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-02-03-2021-119-o-vnesenii-izmeneniy-v-polozhenie-o-federaln/> (дата обращения: 02.11.2023).
4. О работе учреждений, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества (интервью с начальником УОИНИО ФСИН России Е. А. Коробковой) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 5. С. 6–14.
5. Казак Б. Б., Смирнова И. Н., Заводчиков М. Н. Организация правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы (на примере уголовно-исполнительных инспекций) : моногр. Псков, 2023. 144 с.
6. Организация деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : учеб. пособие / И. Н. Смирнова [и др.]. Псков, 2017. 160 с.
7. Коробкова Е. А. Об итогах работы уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров ФСИН России и задачах на предстоящий период // Сборник материалов VIII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (29–31 мая 2019 г.). М., 2019. С. 5–12.
8. Звонов А. В., Пичугин С. А. Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Пенитенциарная наука. 2013. № 2 (22). С. 11–9.
9. Смирнова И. Н., Борисенко И. В. Некоторые аспекты профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 216–219.
10. Вступительное слово заместителя директора ФСИН России генерал-майора внутренней службы Балана Валерия Павловича // Сборник материалов VIII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (29–31 мая 2019 г.). М., 2019. С. 3–4.
11. Ольховик Н. В. Меры предупреждения рецидивной преступности и воспитательная работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1–4), № 3. С. 470–484.
12. Смирнова И. Н., Тарабуев Л. Н., Смирнова Т. В. Правоохранительная деятельность уголовно-исполнительной системы по исполнению наказания в виде исправительных работ (организационно-правовые аспекты) : моногр. Псков, 2022. 172 с.
13. Смирнова И. Н. Правовые и организационные основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний без изоляции от общества, связанных с обязательным привлечением осужденного к труду : учеб. пособие. Псков, 2022. 144 с.
14. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.
15. Дубов Е. А. О некоторых вопросах взаимодействия территориальных органов МВД России с уголовно-исполнительными инспекциями // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (19–21 июля 2017 г.). Пушкин, 2017. С. 23–29.

16. Ресоциализация осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций : учеб. пособие / Б. Б. Казак, И. Н. Смирнова, Л. Ю. Буданова [и др.]. М., 2023. 175 с.

REFERENCES

1. On approval of the Regulations on Criminal Executive Inspections and the Standard of Their Staffing: Decree of the Government of the Russian Federation No. 729 of June 16, 1997 (with amendments and additions). In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 1997. No. 25. Art. 2,947. (In Russ.).
2. On Amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation regarding Imposition and Application of Preventive Measures in the Form of a Ban on Certain Actions, Bail and House Arrest: Federal Law No. 72-FZ of April 18, 2018. *Ros. Gaz = Russian Newspaper*, 2018, April 20. (In Russ.).
3. *OvneseniizmeneniivPolozhenieoFederal'noisluzhbeispolneniyanakazanii, utverzhdennoe Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 13 oktyabrya 2004 g. № 1314: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 02.03.2021 № 119* [On Amendments to the Regulations on the Federal Penitentiary Service, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1,314 of October 13, 2004: Decree of the President of the Russian Federation No. 119 of March 2, 2021]. Available at: <http://pravo.msk.rsnnet.ru/novye-postupleniya/ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-02-03-2021-119-o-vnesenii-izmeneniy-v-polozhenie-o-federaln/> (accessed November 2, 2023).
4. On the work of institutions that carry out punishments not related to the isolation of convicts from society (interview with the head of Department of Alternative and Noncustodial Punishments of the FPS of Russia E.A. Korobkova). *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2021, no. 5, pp. 6–14. (In Russ.).
5. Kazak B.B., Smirnova I.N., Zavodchikov M.N. *Organizatsiya pravookhranitel'noi deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy (na primere ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsii): monogr.* [Organization of law enforcement activities of the penal system (case study of criminal executive inspections): monograph]. Pskov, 2023. 144 p.
6. Smirnova I.N. et al. *Organizatsiya deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v sfere ispolneniya nakazanii i mer ugolovno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva: ucheb. posobie* [Organizing activities of the penal system in the field of execution of punishments and measures of a criminal legal nature without isolation from society: study manual]. Pskov, 2017. 160 p.
7. Korobkova E.A. On the results of the work of penal enforcement inspections and correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia and tasks for the coming period. In: *Sbornik materialov VIII Vserossiiskogo soveshchaniya rukovoditelei ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsii, ispravitel'nykh tsentrov i podrazdelenii po kontrolyu za ispolneniem nakazanii, ne svyazannykh s izolyatsiei osuzhdennykh ot obshchestva, territorial'nykh organov FSIN Rossii (29–31 maya 2019 g.)* [Collection of materials of the VIII All-Russian meeting of heads of criminal executive inspections, correctional centers and units for monitoring execution of punishments not related to the isolation of convicts from society, territorial bodies of the FPS of Russia (May 29–31, 2019)]. Moscow, 2019. Pp. 5–12. (In Russ.).
8. Zvonov A.V., Pichugin S.A. Analysis of the causes and conditions of repeated crimes committed by convicted persons to punishments and other measures of a criminal legal nature not related to isolation from society. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2013, no. 2 (22), pp. 11–14. (In Russ.).
9. Smirnova I.N., Borisenko I.V. Some aspects of the professional activity of employees of penal enforcement inspections in the context of reforming the penal enforcement system. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Civil Service and Personnel*, 2022, no. 1, pp. 216–219. (In Russ.).

10. Introductory speech by the Deputy Director of the Federal Penitentiary Service of Russia, Major General of the Internal Service Valerii P. Balan. In: *Sbornik materialov VIII Vserossiiskogo soveshchaniya rukovoditelei ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsii, ispravitel'nykh tsentrov i podrazdelenii po kontrolyu za ispolneniem nakazanii, ne svyazannykh s izolyatsiei osuzhdennykh ot obshchestva, territorial'nykh organov FSIN Rossii (29–31 maya 2019 g.)* [Collection of materials of the VIII All-Russian meeting of heads of criminal executive inspections, correctional centers and units for monitoring execution of punishments not related to the isolation of convicts from society, territorial bodies of the FPS of Russia (May 29–31, 2019)]. Moscow, 2019. PP. 3–4. (In Russ.).

11. Ol'khovik N.V. Measures to prevent recidivism and educational work with those sentenced to punishments not related to isolation from society. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2022, vol. 30 (1–4), no. 3, pp. 470–484. (In Russ.).

12. Smirnova I.N., Tarabuev L.N., Smirnova T.V. *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' ugovovno-ispolnitel'noi sistemy po ispolneniyu nakazaniya v vide ispravitel'nykh robot (organizatsionno-pravovye aspekty): monogr.* [Law enforcement activities of the penal system for the execution of punishment in the form of correctional labor (organizational and legal aspects): monograph]. Pskov, 2022. 172 p.

13. Smirnova I.N. *Pravovye i organizatsionnye osnovy deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy v sfere ispolneniya nakazanii bez izolyatsii ot obshchestva, svyazannykh s obyazatel'nym privlecheniem osuzhdennogo k trudu: ucheb. posobie* [Legal and organizational bases of activities of the penal system in the field of execution of punishments without isolation from society related to mandatory involvement of a convicted person in labor: study manual]. Pskov, 2022. 144 p.

14. Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030: approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 20. Art. 3,397. (In Russ.).

15. Dubov E.A. On some issues of interaction between territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and criminal executive inspections. In: *Sbornik materialov VII Vserossiiskogo soveshchaniya rukovoditelei ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsii, ispravitel'nykh tsentrov i podrazdelenii po kontrolyu za ispolneniem nakazanii, ne svyazannykh s izolyatsiei osuzhdennykh ot obshchestva, territorial'nykh organov FSIN Rossii (19–21 iyulya 2017 g.)* [Collection of materials of the VII All-Russian meeting of heads of criminal executive inspections, correctional centers and units for monitoring execution of punishments not related to isolation of convicts from society, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia (July 19–21, 2017)]. Pushkin, 2017. Pp. 23–29. (In Russ.).

16. Kazak B.B., Smirnova I.N., Budanova L.Yu. et al. *Resotsializatsiya osuzhdennykh k nakazaniyam, ne svyazannym s lisheniem svobody, sostoyashchikh na uchete ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsii: uchebnoe posobie* [Resocialization of persons sentenced to non-custodial sentences who are registered with criminal executive inspections: study manual]. Moscow, 2023. 175 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БРОНИСЛАВ БРОНИСЛАВОВИЧ КАЗАК – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, Псков, Россия, kafoppd@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4001-2463>

BRONISLAV B. KAZAK – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure of the Pskov State University, Pskov, Russia, kafoppd@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4001-2463>

ИРИНА НИКОЛАЕВНА СМИРНОВА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, Псков, Россия, irina_smi69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3488-4724>

ИРИНА СЕРГЕЕВНА БЫЧИНСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Псковского филиала Университета ФСИН России, Псков, Россия, firefirst@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7100-598X>

IRINA N. SMIRNOVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure of the Pskov State University, Pskov, Russia, irina_smi69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3488-4724>

IRINA S. BYCHINSKAYA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Pskov Branch of the University of the FPS of Russia, Pskov, Russia, firefirst@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7100-598X>

Статья поступила 20.11.2023

Научная статья

УДК 342.9

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.008

К вопросу о пересмотре дел об административных правонарушениях в надзорном порядке

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЯЛЛИЕВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, sergeipyalliev@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы пересмотра дел об административных правонарушениях в надзорном порядке, в том числе о совмещении в ст. 30.12–30.19 КоАП РФ положений, касающихся пересмотра дел в различных инстанциях. Обращается внимание на отсутствие в законе возможности пересмотра в надзорной стадии постановлений по надзорным жалобам, вынесенных судами субъектов Российской Федерации, а также на отсутствие положений о сроках подачи надзорной жалобы. Обосновывается позиция о необходимости дальнейшего развития надзорного производства по делам об административных правонарушениях как важнейшего правового инструмента судебной защиты конституционных прав и свобод граждан нашей страны.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях; надзорная жалоба; надзорный порядок; пересмотр решений; права и свободы граждан.

5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В., Пяллив С. В. К вопросу о пересмотре дел об административных правонарушениях в надзорном порядке // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 69–76. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.008.

Original article

On the Issue of Reviewing Cases of Administrative Offenses under the Supervisory Review Procedure

ROMAN V. NAGORNYKH

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

© Нагорных Р. В., Пяллив С. В., 2024

SERGEI V. PYALLIEV

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, sergeipyalliev@yandex.ru

Abstract. The article analyzes problems of reviewing cases of administrative offenses under the supervisory review procedure, including the combination of provisions concerning the review of cases in various instances in Articles 30.12–30.19 of the Administrative Code of the Russian Federation. The authors draw attention to the absence in the law of the possibility of revision at the supervisory stage of decisions on supervisory complaints issued by the courts of the constituent entities of the Russian Federation, as well as the lack of provisions on the deadline for filing a supervisory complaint. The position on the need for further development of supervisory proceedings in cases of administrative offenses as the most important legal instrument for judicial protection of the constitutional rights and freedoms of citizens of our country is substantiated.

Keywords: proceedings on administrative offenses; supervisory complaint; supervisory procedure; review of decisions; rights and freedoms of citizens.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornykh R.V., Pyalliev S.V. On the issue of reviewing cases of administrative offenses under the supervisory review procedure. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 69–76. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.008.

Защита прав и свобод личности посредством ограничения усмотрения и произвола в публичном управлении, развитие институтов судебного и общественного контроля за деятельностью публичной администрации являются приоритетом административного конституционализма в современной России [1]. Одним из направлений защиты прав и свобод граждан нашей страны выступает развитие института надзорного производства по делам об административных правонарушениях.

В настоящее время возможность пересмотра административных дел в надзорном порядке может осуществляться в соответствии со ст. 30.12–30.19 КоАП РФ. Согласно ч. 3 ст. 30.13 КоАП РФ «Председатель Верховного Суда Российской Федерации, его заместители либо по поручению Председателя Верховного Суда Российской Федерации или его заместителей судьи Верховного Суда Российской Федерации рассматривают жалобы, протесты на вступившие в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов в случае, если они были рассмотрены в порядке, предусмотренном частью 2 настоящей статьи». То есть перечисленные решения могут быть рассмотрены в надзорном порядке в отношении вступивших в законную силу постановлений по делу об административном правонарушении, решений по результатам рассмотрения жалоб, протестов, предварительно рассмотренных председателями кассационных судов общей юрисдикции, в том числе кассационных военных судов, их заместителями либо по поручению председателя или его заместителей судьями указанных судов (ч. 2 ст. 30.13 КоАП РФ).

Однако общий анализ положений ст. 30.12–30.19 КоАП РФ не позволяет однозначно говорить о возможности применения данных положений в отношении пересмотра дел об административных правонарушениях именно в надзорном порядке. Причиной сложившейся ситуации является применение указанных положений не только в отношении рассмотрения дел в надзорной, но и в кассационной инстанции [2].

В связи с этим, на наш взгляд, является целесообразным на уровне закона отграничить порядок кассационного и надзорного пересмотра дел об административных правонарушениях, выделив для регулирования каждого из них самостоятельную группу норм КоАП РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 30.13 КоАП РФ в порядке надзора могут быть рассмотрены:

– вступившие в законную силу постановления по делам об административных правонарушениях;

– решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов.

В то же время в указанном перечне документов не содержится указание на возможность пересмотра в надзорном порядке постановлений по надзорным жалобам, например, постановлений, которые могут быть вынесены судом субъекта Российской Федерации по результатам рассмотрения надзорной жалобы [3]. Таким образом, на данный момент закон не дает четкого ответа на вопрос о том, может ли в надзорном порядке быть пересмотрено постановление суда субъекта Российской Федерации, вступившее в законную силу.

В качестве одного из вариантов разрешения указанной проблемы возможно рассматривать расширение перечня решений, содержащихся в ч. 2 ст. 30.13 КоАП РФ, за счет включения в них указания на возможность пересмотра постановлений по надзорной жалобе в надзорном порядке в Верховном Суде Российской Федерации.

Следует также обратить внимание и на то обстоятельство, что положения ст. 30.12–30.19 КоАП РФ не содержат в себе нормы о сроках подачи надзорной жалобы. Иными словами, закон предусматривает возможность подачи жалобы после вступления решения по делу об административных правонарушениях в законную силу, но при этом не указывает окончательный момент возможности ее подачи. В условиях отсутствия установленных сроков для обжалования подобных решений Д. В. Наумов предлагает отнести надзорную стадию пересмотра вступивших в силу решений к категории альтернативной стадии пересмотра не вступивших в силу решений [4], что является вполне обоснованным.

Вместе с тем наиболее остро вопрос определения сроков подачи надзорной жалобы встает при соотношении срока подачи надзорной жалобы и срока давности привлечения к административной ответственности, который по общему правилу, установленному ст. 4.5 КоАП РФ, составляет 60 календарных дней. В данном случае складывается ситуация, что при рассмотрении надзорной жалобы, поданной по истечению срока давности привлечения к административной ответственности, судья будет обязан принять решение об отмене постановления.

Вопрос о сроках подачи жалобы на вступившее решение суда также вызывает ряд вопросов в соотношении с положениями ч. 3 ст. 30.9 КоАП РФ, согласно которой установлено, что подача последующих жалоб на постановление по делу об административном правонарушении и (или) решения по жалобе на это постановление, их рассмотрение и разрешение осуществляются в порядке и в сроки, установленные ст. 30.2–30.8 КоАП РФ.

При этом следует обратить внимание и на то обстоятельство, что порядок пересмотра вступивших в законную силу решений по административным правонарушениям определен непосредственно положениями ст. 30.12–30.19 КоАП РФ, в то время как нормы ст. 30.2–30.8 КоАП РФ направлены на урегулирование порядка пересмотра не вступивших в силу решений [5]. В этой связи в законе усматривается правовая неопределенность относительно допустимости распространения положений ст. 30.2–30.8 КоАП РФ и в отношении жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, вступивших в законную силу. Устранение названного пробела может быть осуществлено посредством дополнения

ст. 30.9 КоАП РФ положением о том, что предусмотренный в статье порядок пересмотра решений касается только жалоб, которые подаются в отношении не вступивших в силу решений суда.

Кроме того, определенные вопросы возникают и в процессе определения круга субъектов, имеющих право на обжалование решений по делам об административных правонарушениях. Так, например, ч. 1.1 ст. 30.1 КоАП РФ должностным лицам, уполномоченным в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ составлять протокол об административном правонарушении, предоставлено право обжаловать вынесенное судьей постановление по делу об административном правонарушении в вышестоящий суд. К таким лицам относится любое должностное лицо органа, выявившего правонарушение, уполномоченное в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ составлять протоколы о данных административных правонарушениях (как непосредственно составившее этот протокол, так и его не составившее). Однако названные должностные лица не обладают правом на обжалование указанного постановления в порядке надзора (ст. 30.12 КоАП РФ).

Отметим, что ч. 5 ст. 30.9 КоАП РФ не наделяет полномочиями по обжалованию решения суда по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенному коллегиальным органом, должностных лиц этого органа [6].

Обжалование решений по делам об административных правонарушениях затрагивает и вопрос предоставления процессуальных возможностей по пересмотру дела об административном правонарушении по вновь открывшимся обстоятельствам. Так, например, Е. А. Дербышева обращает внимание на проблему отсутствия в КоАП РФ положений о пересмотре дел об административных правонарушениях в надзорном порядке при условии возникновения вновь открывшихся обстоятельств [7]. В настоящее время положениями ст. 30.12–30.19 КоАП РФ не предусмотрен соответствующий порядок, несмотря на то, что вновь открывшиеся основания также могут выступать причиной отмены решения по административному делу. Решением данной проблемы может выступать включение отсутствующих положений, раскрывающих порядок пересмотра дел об административных правонарушениях с учетом вновь открывшихся обстоятельств.

Кроме того, стоит обратить внимание и на позицию И. Н. Князева, который в своем исследовании рассматривает перспективы развития надзорной стадии по делам данной категории с обязательным включением в нее принципа коллегиальности. В обоснование своей точки зрения автор приводит соотношение порядка надзорного производства в гражданском, уголовном и административном процессе, отмечая, что в гражданском и уголовном процессе пересмотр дел в надзорной инстанции осуществляется непосредственно в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации [8].

С данной точкой зрения стоит согласиться, так как принцип коллегиальности представляет собой основу надзорного порядка рассмотрения жалоб на вступившие в силу решения. Реализация данного принципа создает предпосылки для устранения субъективности отдельных судей, что, в свою очередь, способствует повышению правозащитной составляющей стадии надзора. Кроме того, реализация данного принципа обеспечивает более объективное и всестороннее рассмотрение дел, так как позволяет использовать знания и опыт нескольких профессионалов. В коллегиальном составе суда решения принимаются путем консенсуса, что снижает риск субъективных ошибок и гарантирует соблюдение прав и законных интересов сторон.

Необходимость выделения в производстве об административных правонарушениях надзорного производства поддерживала и профессор Н. Г. Салищева. По ее мнению, уста-

новление соответствующих судебных инстанций, обеспечивающих пересмотр в порядке надзора постановления по делам об административных правонарушениях и решений по результатам рассмотрения жалоб и протестов, а также установление инстанционного порядка рассмотрения надзорных жалоб, порядка подачи жалобы или протеста прокурора, порядка принятия к рассмотрению жалобы, пределов и сроков ее рассмотрения [9] должно способствовать приведению законодательства об административных правонарушениях в соответствие с Конституцией Российской Федерации в части уточнения порядка пересмотра вступивших в законную силу постановлений по делу об административном правонарушении. При этом, по мнению Н. Г. Салищевой, «введение надзорного производства в качестве самостоятельной стадии производства по делам об административных правонарушениях объективно обуславливает соответствующий подход ко всем стадиям пересмотра постановлений по указанным делам в судебном порядке. Если имеет место надзорное производство, то должно быть либо апелляционное, либо кассационное производство по делам, постановления по которым не вступили в законную силу» [9, с. 12].

В этой связи следует признать, что современный процесс пересмотра дел об административных правонарушениях в надзорном порядке сталкивается с достаточным количеством проблем, лежащих в плоскости правового регулирования порядка реализации надзорной стадии. В частности, совмещение в ст. 30.12–30.19 КоАП РФ положений, касающихся пересмотра дел не только в надзорной, но и кассационной инстанции, отсутствие в законе указаний на возможность пересмотра в надзорной стадии постановлений по надзорным жалобам, вынесенных судами субъектов Российской Федерации, а также отсутствие положений о сроках подачи надзорной жалобы, не позволяют в полной мере говорить о наличии полноценного института надзорного производства как правового средства защиты конституционного права граждан на судебную защиту.

Таким образом, в настоящее время надзорное производство по делам об административных правонарушениях в действующем законодательстве фактически не урегулировано. Более того, законодатель вообще исключил из действующей редакции КоАП РФ понятие «в порядке надзора», что, по мнению А. В. Новикова, явилось оправданным шагом, так как «фактическое процессуально-функциональное применение данных законоположений выходит за рамки надзорного производства, поскольку одновременно охватывает кассационное производство и производство по пересмотру вступивших в законную силу постановлений (решений) по делам об административных правонарушениях по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» [3, с. 239]. Проблема разграничения кассационного, надзорного производств и производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам по делам об административных правонарушениях не была разрешена и в процессе третьей волны кодификации законодательства об административных правонарушениях при подготовке нового КоАП РФ [11].

Вместе с тем решение задач в области систематизации и кодификации административного права и законодательства возможно путем не просто механической переработки существующего законодательного и подзаконного массива, а комплексного системного целеполагания в развитии нормативного регулирования и построения оптимальной модели законодательства в соответствии с основными задачами социально-экономического развития нашей страны [11]. В этой связи целесообразным является дальнейшее развитие института надзорного производства как важнейшего правового инструмента исправления судебных ошибок путем пересмотра вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях, а также решений по результатам

рассмотрения жалоб и протестов. Это обстоятельство, в свою очередь, предопределяет необходимость более детального законодательного определения порядка рассмотрения жалобы (протеста) в суде надзорной инстанции и других вопросов, решение которых имеет существенное значение для защиты прав и законных интересов лиц, привлеченных к административной ответственности. При этом речь должна идти о выделении в административно-процессуальном законодательстве трех самостоятельных производств: кассационного, надзорного и производства по пересмотру постановлений и решений по делам об административных правонарушениях по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нагорных Р. В. Теоретические подходы к определению предмета административного права и процесса // *Ius Publicum et Privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2021. № 2 (12). С. 138–149.
2. Тиунова Н. В. Актуальные проблемы пересмотра дел об административных правонарушениях в надзорном порядке // *Вестник Прикамского социального института*. 2018. № 2 (80). С. 54–58.
3. Новиков А. В. Генезис правового регулирования пересмотра постановлений (решений) по делам об административных правонарушениях в порядке надзора // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2018. № 2 (33). С. 233–240.
4. Наумов Д. В. Обжалование вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях в суде общей юрисдикции. URL: https://zakon.ru/blog/2022/02/22/obzhalovanie_vstupivshih_v_zakonnuyu_silu_postanovlenij_po_delam_ob_administrativnyh_pravonarusheniy?ysclid=lqmq44vr9c564629147 (дата обращения: 25.12.2023).
5. Шагов С. А. О некоторых проблемах пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях // *Российская юстиция*. 2008. № 7. С. 34–36.
6. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) // *Рос. газ.* 2005. № 80.
7. Дербышева Е. А. Стадия пересмотра вступивших в законную силу постановлений и решений по делам об административных правонарушениях с точки зрения принципа правовой определенности // *Право и политика*. 2018. № 2. С. 44–51.
8. Князева И. Н. Порядок пересмотра вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях: вопросы совершенствования // *Административное право и процесс*. 2015. № 4. С. 31–35.
9. Салищева Н. Г. О некоторых тенденциях развития законодательства об административной ответственности в России в современный период // *Административное право и процесс*. 2009. № 5. С. 2–13.
10. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059). URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 08.01.2024).
11. Нагорных Р. В. О целях систематизации административного права и законодательства в условиях реализации доктрины административного конституционализма в современной России // *Юридический мир*. 2021. № 6. С. 50–54.

REFERENCES

1. Nagornykh R.V. Theoretical approaches to the definition of the subject of administrative law and process. *Ius Publicum et Privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 2(12), pp. 138–149. (In Russ.).
2. Tiunova N.V. Revision of the cases on administrative offenses in supervisory order. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of Prikamsky Social Institute*, 2018, no. 2 (80), pp. 54–58. (In Russ.).
3. Novikov A.V. Genesis of legal regulation of the revision of resolutions (decisions) in cases of administrative offenses in the order of supervision. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2018, no. 2 (33), pp. 233–240. (In Russ.).
4. Naumov D.V. *Obzhalovanie vstupivshikh v zakonnuyu silu postanovlenii po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v sude obshchei yurisdiksii* [Appeal of decisions on administrative offenses that have entered into force in a court of general jurisdiction]. Available at: https://zakon.ru/blog/2022/02/22/obzhalovanie_vstupivshih_v_zakonnuyu_silu_postanovlenij_po_delam_ob_administrativnykh_pronarusheniy?ysclid=lqmq44vr9c564629147 (accessed December 25, 2023).
5. Shagov S.A. On some problems of reviewing resolutions and decisions in cases of administrative offenses. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2008, no. 7, pp. 34–36. (In Russ.).
6. On some issues arising from the courts in the application of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 of March 24, 2005 (as amended of December 23, 2021). *Ros. gaz. = Russian Newspaper*, 2005, no. 80. (In Russ.).
7. Derbysheva E.A. The stage of revision of decisions and decisions on administrative offenses that have entered into force from the point of view of the principle of legal certainty. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2018, no. 2, pp. 44–51. (In Russ.).
8. Knyazeva I.N. The procedure for reviewing decisions on administrative offenses that have entered into force: issues of improvement. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2015, no. 4, pp. 31–35. (In Russ.).
9. Salishcheva N.G. On some trends in the development of legislation on administrative liability in Russia in the modern period. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2009, no. 5, pp. 2–13. (In Russ.).
10. *Proekt Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099059)* [Draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation, project ID 02/04/01-20/00099059)]. Available at: <https://regulation.gov.ru/> (accessed January 8, 2024).
11. Nagornykh R.V. On aims of systematization of administrative law and legislation in the conditions of the implementation of the administrative constitutionalism doctrine in the modern Russia. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2021, no. 6, pp. 50–54. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФЦИН России, Вологда,

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia,

Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЯЛЛИЕВ – курсант 2 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, Россия, sergeipyalliev@yandex.ru

nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

SERGEI V. PYALLIEV – 2nd year cadet of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, sergeipyalliev@yandex.ru

Статья поступила 11.01.2024

Научная статья

УДК 343.9

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.009

Аспекты криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ВОРОБЬЕВА

Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Хабаровск, Россия, masha2396@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается структура криминалистической характеристики преступлений в сфере страхования, в которую входят: предмет преступного посягательства; обстановка совершения преступления; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; следы, которые остались на месте происшествия; сведения о личности преступника и потерпевшего. Дан подробный криминологический портрет мошенника в сфере страхования.

Ключевые слова: мошенничество; мошенничество в сфере страхования; личность преступника; личность потерпевшего; обман; злоупотребление доверием; механизм следообразования; обстановка совершения преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Воробьева М. С. Аспекты криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 1 (25). С. 77–83. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.009.

Original article

Aspects of Forensic Characteristics of Insurance Fraud

MARIYA S. VOROB'eva

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Khabarovsk, Russia, masha2396@list.ru

Abstract. The article considers the structure of forensic characteristics of insurance fraud, which includes a subject of criminal encroachment; situation of the crime; methods of preparation, commission and concealment of the crime; traces remained at the scene; and information about perpetrators and victims. A detailed criminological portrait of a fraudster in the insurance industry is presented.

Keywords: fraud; insurance fraud; perpetrator personality; victim personality; deception; abuse of trust; trace formation mechanism; crime scene.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Vorob'eva M.S. Aspects of forensic characteristics of insurance fraud. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 77–83. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.009.

В последнее время страховой рынок России сосредоточил в себе большое количество капитала, участились случаи преступных действий. Поэтому Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» введена новая ст. 159.5, которая легально определяет то, что принято понимать под мошенничеством в сфере страхования. Так, под мошенничеством в сфере страхования понимается хищение чужого имущества, совершенное путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу.

Основными целями данного преступления выступают обман, злоупотребление доверием и получение финансовой прибыли. Криминальных схем по совершению данного преступления множество, но наиболее типичными являются: манипуляции со страховой премией, с активами, хищение страховых комиссий, мошенничество с компенсациями работникам.

В последние годы участились случаи с подстроенными дорожно-транспортными происшествиями. Как сообщили во Всероссийском союзе страховщиков, ущерб от страхового мошенничества за 2020–2021 гг. составил более 10 млрд руб. Абсолютное их большинство (95 %) фиксируется в сфере автострахования. Преступники пользуются разными схемами мошенничества, но наиболее опасными считаются преступления, когда злоумышленники намеренно подстраивают аварии с ничего не подозревающими водителями, чтобы получить страховку [1].

Возможны случаи, при которых мошенник делает вид, что сворачивает с кольцевой дороги, включает сигнал поворота, и, когда машина на второстепенной дороге начинает движение, резко тормозит и провоцирует столкновение. Также одним из случаев может выступать ситуация, когда преступник едет на мигающий желтый сигнал светофора, а потом внезапно, якобы передумывает проскочить перекресток дорог, резко останавливается, а позади идущая машина не успевает затормозить и происходит столкновение. Сотрудники ГИБДД МВД России фиксируют такие происшествия и оформляют протоколы, после чего мошенники обращаются к страховщикам для возмещения ущерба.

Настоящая схема по получению финансовой выгоды проста, но для того чтобы понять механизм преступления, способы совершения, основные и второстепенные мотивы, необходимо уделить большое внимание криминалистической характеристике мошенничества в сфере страхования, которая даст ответы на поставленные вопросы.

Итак, криминалистическая характеристика преступления состоит из нескольких элементов, которые представляют собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых признаков конкретного преступного посягательства, помогающие выстроить линию поведения по уголовному делу.

Ученые-криминалисты пытались систематизировать рассматриваемые преступления по различным основаниям. Так, профессор С. И. Коновалов считает, что наиболее полное представление о структурных элементах криминалистической характеристики преступлений можно получить, рассматривая их в иерархической цепочке, построенной по частоте

употребления элементов в разработках ученых: способ совершения преступления; субъект преступления (особенности личности); обстановка совершения преступления; объект (предмет) преступного посягательства; следы преступления (механизм следообразования); связи между структурными элементами; личность жертвы; мотив, цель, установка; условия совершения преступления; преступные связи; особенности сокрытия преступления; механизм преступления; типичные следственные ситуации; орудия и средства преступной деятельности; связь с другими видами преступлений [2]. Если систематизировать все элементы, предложенные С. И. Коноваловым, то структура криминалистической характеристики преступлений включает в себя следующие элементы: предмет преступного посягательства; обстановку совершения преступления, в которую входят время, место и обстоятельства; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; следы; сведения о личности преступника; сведения о личности потерпевшего.

Рассмотрение криминалистической характеристики мошенничества необходимо начать с предмета преступного посягательства.

Под предметом преступного посягательства понимается вещь, элемент материального мира, на которые осуществляется воздействие в ходе преступления. Предмет мошенничества в страховании обширен и представляет собой имущество потерпевшего страховщика, денежные средства, которыми хочет завладеть виновный. Денежными средствами могут выступать страховые премии, взносы или выплаты.

Необходимо отметить, что предметом данного преступления могут выступать лишь движимые вещи, включая наличные деньги, безналичные денежные средства, а также недвижимые вещи, если при их утрате (повреждении) аналогичное имущество может быть физически передано страхователю взамен выплаты страхового возмещения, результаты работ и оказания услуг.

Так, Р. Н. Боровских относительно результата работ и оказания услуг отмечает, что они могут признаваться предметом страхового мошенничества, если были застрахованы на случай утраты (повреждения), если их материальные результаты были физически утрачены или повреждены, и страховщик компенсировал их утрату (повреждение) путем выплаты страхового возмещения [3, с. 128].

Не следует сужать понимание предмета страхового мошенничества до денежных средств. В ч. 4 ст. 10 Закона Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. 01.01.2022) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» отражено, что условиями страхования имущества и гражданской ответственности может предусматриваться замена страховой выплаты предоставлением имущества либо оплатой его ремонта.

Одним из важных элементов криминалистической характеристики является предмет. Именно от его правильного определения зависят квалификация преступления и дальнейший ход расследования уголовного дела.

К числу основных элементов криминалистической характеристики относится обстановка совершения преступления. Обстановка совершения преступления мошенничества в сфере страхования делится на благоприятную и неблагоприятную. На стадии приготовления к преступлению мошенники готовятся к совершению преступления: разрабатывают определенный план действий, изучают местность и обстановку, где будет происходить преступное посягательство, социальный статус потерпевшего и размер имущества, которым он владеет, то есть учитывают все обстоятельства, которые могут произойти в ходе преступления.

Известно, что время совершения данного преступления устанавливает лишь само лицо, которое желает получить определенную выгоду незаконным путем. Поэтому периоды времени и сезонность не определены, главное – знания о личности потерпевшего, который владеет определенным имуществом.

Место совершения преступления зависит от той сферы, в которой орудует преступник. Если мошенничество связано с подстроенным ДТП, то это преимущественно будет дорога, если со страхованием имущества – то преступник обустроивает место преступления таким образом, чтобы данного имущества не стало или оно потерпело повреждение или утрату.

Значение обстановки преступления для правоохранительных органов очень важно при расследовании. Несмотря на то что на первоначальном этапе расследования уголовного дела у следователя может сложиться мнение, что обстановка совершения преступления неблагоприятна и непонятна, поскольку еще не установлена личность подозреваемого, отсутствуют другие важные данные, однако на последующих этапах расследования данные обстоятельства выясняются при четко выстроенной работе, а также появляются иные элементы криминалистической характеристики.

Про способы подготовки можно сказать, что мошенник заранее готовится к преступлению, изучает необходимую информацию, составляет план, поэтому способам совершения необходимо уделить особое внимание.

Так, например, мошенничество в сфере страхования жизни и здоровья может быть совершено путем:

- убийства с целью получения страховой выплаты (убийство застрахованного лица с инсценировкой отдельных обстоятельств страхового события; убийство лица, похожего на застрахованное лицо, и выдача его за страхователя);

- инсценировки смерти застрахованного лица (фальсификация документов; использование трупа другого человека; инсценировка безвестного исчезновения страхователя в результате несчастного случая);

- умышленное причинение вреда здоровью.

В сфере медицинского страхования мошенничество может быть совершено как в одиночку, так и при соучастии медицинских работников.

Преступные действия могут проявляться:

- в выставлении счетов за процедуры, которые не проводились, списывании медикаментов, оформлении документов о посещении пациентов;

- назначении пациентам излишнего дорогостоящего лечения;

- увеличении количества процедур за счет разделения крупных операций на мелкие;

- двойном составлении счетов.

Самые распространенные способы мошенничества в страховании, как уже было сказано ранее, происходят при страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств:

- сговор с представителями страховщика, экспертами, оценщиками, работниками автосервиса, врачами и т. д.;

- использование похищенных бланков полисов;

- намеренная порча бланков и их списание;

- ДТП как средство получения выплаты по страхованию здоровья;

- инсценировка исчезновения автомобиля при стихийных бедствиях;

- инсценировка краж застрахованных транспортных средств;

- провоцирование ДТП, или автоподстава;

- несообщение страховщику о получении компенсации от виновника страхового случая;
- двойное страхование;
- инсценировки ДТП;
- утаивание или искажение информации об объекте страхования при заключении договора или несообщение об обстоятельствах, увеличивающих риск наступления страхового события;
- фальсификация протоколов регистрации факта ДТП;
- завышение автосервисами стоимости ремонта;
- уничтожение транспорта с помощью поджога;
- нарушение правил страхования, техники безопасности.

Например, гр-н Л. уговорил свою знакомую В. приобрести на ее имя автомобиль и застраховать его. Через некоторое время после заключения договора страхования Л. склонил В. к инсценировке наступления страхового случая в виде угона автомобиля. Во исполнение преступного умысла В. заявила в отдел внутренних дел об угоне автомобиля, получила копию постановления о возбуждении уголовного дела и обратилась в страховую компанию с сообщением о наступлении страхового случая и просьбой выплатить ей страховую сумму в размере 840 тыс. руб. [4].

Способов совершения противоправных действий много. Интересен тот факт, что преступники ими не ограничиваются, а с каждым совершением планируют еще что-то новое, что обманым путем позволит им похитить имущество потерпевшего и введет в заблуждение правоохранительные органы.

Переходя к следующему элементу криминалистической характеристики, к механизму слеодообразования, стоит отметить, что следы в криминалистической науке подразделяются на материальные и идеальные.

Идеальными следами называют следы, которые запечатлелись в памяти, сознании человека. Примерами могут быть составленный фоторобот или словесный портрет преступника.

Материальные следы преступления – это материальное отражение свойств объектов, некие отпечатки события на любых предметах. Примерами могут быть следы рук, ног, зубов, крови, слюны, одежды и т. д. Материальных следов, оставленных на месте совершения мошенничества в сфере страхования, может быть огромное количество.

Распространенными материальными следами по рассматриваемой категории преступлений выступают бумажные носители, страховые договоры, заключения подставных экспертов и специалистов, справки из автомобильных сервисов, иные поддельные документы, на которых остаются подписи, расписки, протоколы.

Особое внимание в структуре криминалистической характеристики мошенничества в страховании необходимо уделить личности преступника.

Интересно, что людям, которые работают в той или иной сфере, присущи определенные качества. Например, учителя славятся терпением и трудолюбием, творческие личности – воображением и чуткой натурой, актеры и певцы – артистизмом, спортсмены – силой, выносливостью.

Человек-мошенник обладает не только всеми вышеперечисленными качествами профессионала, а еще сосредоточил в своем характере все положительные черты, как может показаться на первый взгляд.

Принято считать, что по данной категории уголовных дел преступниками являются лица, которым свойственны определенные интеллектуально-психологические характеристики. Они достаточно образованы и умеют расположить к себе другого человека. Мошенники являются коварными людьми, и им совершенно неважно, пожилой человек перед ними с остатками пенсии или богатый и образованный мужчина. Они пытаются найти психологический подход к разным людям, постоянно планируют свои действия, заранее выбирают жертву и выстраивают необходимый сценарий поведения и своих действий.

Следует обратить внимание на тот факт, что мошенничество и преступные манипуляции тесно связаны. Каждый мошенник уделяет пристальное внимание изучению различных психологических техник, способных перевернуть сознание человека в их пользу. Данное поведение основано на эгоизме, любви к деньгам и склонности к риску.

Данные преступники отлично разбираются в трендах. Без такого умения им бы не удалось проводить свои преступные махинации. Причем преступники разбираются не только в той сфере, в которой совершают преступления, а во многих областях сразу, потому что так проще заинтересовать жертву.

Мошенник в сфере страхования является образованным человеком, имеет как минимум одно высшее образование. Ведь для достижения результата необходимо найти пробелы в законодательстве, с помощью которых можно маневрировать.

Преступники тщательно заботятся о своей репутации, чтобы легче было войти в доверие к потенциальной жертве.

У мошенников отсутствует чувство вины, они не переживают, что обманули человека, и он остался без денег. Уверены в своих силах, иначе мошенничество бы не состоялось.

Также необходимо отметить стиль и уровень жизни мошенника в сфере страхования. Мошенник всегда хорошо и дорого одет, легко располагает к себе. Уровень самооценки высок. Каждое успешное преступление дает определенную уверенность в дальнейших действиях, позволяет испытать безнаказанность, превосходство над другими.

Возраст мошенника в сфере страхования составляет от 25 до 50 лет. Преимущественно данную категорию преступлений совершают мужчины (70 %), но известны случаи совершения мошеннических действий в сфере страхового рынка женщинами, а также группой лиц (хотя чаще всего преступления совершаются в одиночку, поскольку финансовой выгодой нужно делиться).

Мошенники в сфере страхования занимают высокое социальное положение. Семейное положение может быть разным. Большинство из них имеют элитное жилье и дорогие автомобили, чтобы создать благоприятное впечатление и расположить к себе.

Стоит обратить внимание также на потерпевшего от мошенничества в страховании. Им могут быть как страховые компании, так и отдельные личности. Говоря про обычных граждан, то это часто доверчивые люди, которые не обладают особыми знаниями в данной области. Мужчины и женщины идут на поводу у мошенника, поскольку он сделал все, чтобы не заподозрить его в противоправных действиях. Потерпевшие наивны, уязвимы, обладают состраданием и чрезмерной впечатлительностью. Возрастной диапазон – от 25 до 50 лет.

Далеко не все потерпевшие на первоначальном этапе понимают, что в отношении них совершено преступление, поскольку мошенник просчитывает все до мелочей. Именно поэтому не все пострадавшие от преступления обращаются в правоохранительные органы с заявлением, так как опасаются осуждения, критики со стороны общественности. Однако именно обращение на начальном этапе очень важно для правоохранительных органов для дальнейшего раскрытия преступлений.

Подводя итог, можно отметить, что криминалистическая характеристика преступления – это не просто совокупность элементов, а некий ориентир, который помогает в обнаружении, раскрытии и расследовании преступного действия. Все элементы криминалистической характеристики важны для расследования уголовного дела. Но выделение отдельных признаков помогает получить больше информации и обратить внимание представителей науки и практики на отдельные проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В России участились случаи страхового мошенничества с подстроеными ДТП. URL: <https://www.soglasie.ru/company/press-center/novosti/v-rossii-uchastilis-sluchai-strahovogo-moshennichestva-s-podstroennymi-dtp/> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики : моногр. Ростов н/Д, 2001. 208 с.
3. Боровских Р. Н. Криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы противодействия преступлениям в сфере страхования : моногр. / под ред. Ю. П. Гармаева. Новосибирск, 2016. 368 с.
4. Приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска от 5 июля 2011 г. по уголовному делу № 1-521/2011. URL: <https://rospravo-sudie.com/court-industrialnyj-rajonnyj-sud-g-xabarovska-xabarovskij-kraj-s/act-101466411/> (дата обращения: 25.03.2023).

REFERENCES

1. *V Rossii uchastilis' sluchai strakhovogo moshennichestva s podstroennymi DTP* [In Russia, cases of insurance fraud involving staged accidents have become more frequent]. Available at: <https://www.soglasie.ru/company/press-center/novosti/v-rossii-uchastilis-sluchai-strahovogo-moshennichestva-s-podstroennymi-dtp/> (accessed May 10, 2023).
2. Konovalov S.I. *Teoretiko-metodologicheskie problemy kriminalistiki: monogr.* [Theoretical and methodological problems of criminology: monograph]. Rostov on Don, 2001. 208 p.
3. Borovskikh R.N. *Kriminologicheskie, ugovovno-pravovye i kriminalisticheskie problemy protivodeistviya prestupleniyam v sfere strakhovaniya: monogr.* [Criminological, criminal law and criminalistic problems of countering crimes in the insurance sector: monograph]. Ed. by Garmaev Yu.P. Novosibirsk, 2016. 368 p.
4. *Prigovor Industrial'nogo raionnogo suda g. Khabarovska ot 5 iyulya 2011 g. po ugovovnomu delu № 1-521/2011* [The verdict of the Industrial District Court of Khabarovsk of July 5, 2011 in criminal case No. 1-521/2011]. Available at: <https://rospravo-sudie.com/court-industrialnyj-rajonnyj-sud-g-xabarovska-xabarovskij-kraj-s/act-101466411/> (accessed May 25, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ВОРОБЬЕВА – адъюнкт Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, Хабаровск, Россия, masha2396@list.ru

MARIYA S. VOROB'eva – Adjunct at the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Khabarovsk, Russia, masha2396@list.ru

Статья поступила 07.04.2023

Научная статья

УДК 343.35

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.010

Ошибки законодательной техники в построении состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЖИТКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, zhitkoff2015@yandex.ru

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ШЕПЕЛЬ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vladimir.shepel77@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения уголовно-правовых норм о посягательствах на сотрудников уголовно-исполнительной системы в связи с осуществлением ими служебной деятельности. Даны уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 295, 313, 317, 321 УК РФ, анализ судебной практики по ст. 321 УК РФ («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») и указанного состава преступления с точки зрения юридической техники. Высказаны предложения по разрешению имеющихся проблем. Акцентируется внимание на вопросе установления возраста уголовной ответственности по анализируемым составам преступлений. Внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; сотрудник; посягательство; дезорганизация; учреждение изоляции от общества; насилие; возраст уголовной ответственности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Житков А. А., Шепель В. В. Ошибки законодательной техники в построении состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 84–91. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.010.

Original article

Drawbacks of Legislative Technique in the Construction of the Corpus Delicti Provided for in Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation

ALEKSEI A. ZHITKOV

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, zhitkoff2015@yandex.ru

© Житков А. А., Шепель В. В., 2024

VLADIMIR V. SHEPEL'

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, vladimir.shepel77@gmail.com

Abstract. The article deals with problems of applying criminal law norms on encroachments on penal system employees in connection with their official activities. The criminal law characteristics of crimes provided for in Articles 295, 313, 317, 321 of the Criminal Code of the Russian Federation are given and judicial practice under Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Disorganization of the activities of institutions providing isolation from society") and the specified *corpus delicti* from the point of view of legal technique. The article presents proposals to resolve the existing problems. Attention is focused on the issue of establishing the age of criminal liability for the analyzed crimes. Proposals are made to improve criminal legislation on the issue under study.

Key words: penal system; employee; encroachment; disorganization; institution of isolation from society; violence; criminal liability age.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Zhitkov A.A., Shepel' V.V. Drawbacks of legislative technique in the construction of the *corpus delicti* provided for in Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 84–91. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.010.

Деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, зависит от различных факторов. Одним из показателей ее эффективности, как справедливо отмечается в научной литературе, выступает уровень рецидивной преступности, который за последние годы остается высоким [1, с. 289; 2].

В течение последних лет на фоне гуманизации уголовного законодательства сохраняется тенденция к уменьшению численности осужденных, находящихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Так, на 01.01.2017 в исправительных учреждениях (кроме ВК, тюрем, СИЗО, ПФРСИ) отбывал наказания 519 491 осужденный [3, с. 6], на 01.01.2018 – 495 016 [4, с. 6], на 01.01.2019 – 460 923 [5, с. 5], на 01.01.2020 – 423 825 [6, с. 5], на 01.01.2021 – 478 182 [7, с. 5]. По состоянию на 01.01.2023 количество осужденных в исправительных учреждениях ФСИН России составило 433 006 чел. [8].

Однако при ежегодном сокращении численности осужденных в местах лишения свободы качественные характеристики таких лиц меняются не в лучшую сторону, поскольку в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, концентрируются лица, осужденные к длительным срокам лишения свободы за наиболее тяжкие, дерзкие, часто насильственные преступления, придерживающиеся правил тюремной субкультуры.

Это является одной из причин ежегодного роста посягательств на сотрудников уголовно-исполнительной системы. Так, в 2017 г. было выявлено 174 случая [9, с. 39] применения насилия в отношении персонала учреждений ФСИН России, в 2021 г. – 436 [10, с. 67].

Данная ситуация обуславливает актуальность поиска новых мер, в том числе уголовно-правового характера, ориентированных на укрепление правопорядка в сфере исполнения уголовных наказаний.

Жизнь и здоровье сотрудника уголовно-исполнительной системы при исполнении им служебных полномочий охраняются как общими уголовно-правовыми нормами, предусмотренными гл. 16 УК РФ, так и специальными – ст. 313 УК РФ («Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»), ст. 314 УК РФ («Уклонение от отбывания огра-

ничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера», ст. 317 УК РФ («Посягательство на жизнь сотрудник правоохранительного органа»), ст. 318 УК РФ («Применение насилия в отношении представителя власти»), ст. 319 УК РФ («Оскорбление представителя власти»), ст. 321 УК РФ («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») и др.

В перечисленных составах только в диспозиции ст. 321 УК РФ конкретно указан сотрудник уголовно-исполнительной системы как один из потенциальных потерпевших. Поэтому данная норма, предусматривающая ответственность за применение насилия в отношении осужденного (ч. 1 ст. 321 УК РФ), сотрудника места лишения свободы или содержания под стражей или его близких (ч. 2 ст. 321 УК РФ), совершенное организованной группой или с применением насилия, опасного для жизни или здоровья всех указанных лиц (ч. 3 ст. 321 УК РФ), представляет особый интерес в рамках данного исследования.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в большинстве случаев действия лиц в рамках ст. 321 УК РФ связаны с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, со стороны осужденных в отношении сотрудников исправительных учреждений в связи с осуществлением им служебной деятельности и квалифицированы по ч. 2 комментируемой нормы [11].

Анализ ст. 321 УК РФ показал, что конструкция и содержание имеют существенные недостатки. В частности, ключевое понятие «дезорганизация» в рассматриваемой норме имеет место быть только в названии статьи и, к сожалению, не раскрыто в ее диспозиции. Данное положение вносит теоретическую неопределенность, создавая сложности реализации уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений.

Термин «дезорганизация» многими отечественными лингвистами определяется сходно. Так, согласно словарю С. И. Ожегова, «дезорганизация» – это нарушение порядка, дисциплины, организованности [12]. Подобной точки зрения придерживается и Д. Н. Ушаков, в словаре которого дезорганизация трактуется как «разрушение, расстройство порядка в налаженном деле, предприятии, работе» [13].

Важно подчеркнуть, что термин «дезорганизация» напрямую связан с понятием «организации», точнее выступает его антитезой.

Исходя из толкования дезорганизации как нарушения нормального порядка деятельности организации, стоит понимать и дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Отсутствие в диспозиции ст. 321 УК РФ четкого определения признаков дезорганизации (как общественно опасного деяния или общественно опасных последствий), а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по указанному вопросу приводит к тому, что судебная практика по анализируемой норме складывается неоднозначно.

Суды, квалифицируя действия подсудимых по ст. 321 УК РФ, сталкиваются с проблемой применения понятия «дезорганизация» либо как признака объективной стороны, характеризующего деяние или последствия, либо субъективной стороны как мотив или цель посягательства.

Так, в одном из кассационных определений Верховный Суд Российской Федерации указал о том, что мотивом примененного насилия в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы «должно являться стремление виновного к дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества» [14]. То есть фактически суд определил, что дезорганизация деятельности учреждения – это цель такого преступления.

Следовательно, при реализации указанной цели дезорганизация с объективной стороны выступает в качестве преступного результата, то есть общественно опасного последствия.

Анализ судебных решений показывает, что суды чаще всего термин «дезорганизация» применяют как синоним насильственных действий и угроз таких действий, используя их при описании общественно опасного деяния, определяя это как цель преступного посягательства.

Так, в приговоре Шекснинского районного суда Вологодской области от 03.09.2023 по уголовному делу №1-104/2019 в описательной части указано: «Подсудимый Г. выразил угрозу применения насилия в отношении сотрудников места лишения свободы, а также применил насилие, не опасное для жизни и здоровья, в отношении сотрудника места лишения свободы в связи с осуществлением ими служебной деятельности, чем дезорганизовал деятельность учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества» [15]. Таким образом, суд применяет термин «дезорганизация» при описании признаков объективной стороны, как общественно опасного деяния, так и общественно опасных последствий. Продолжая описывать действия подсудимых, суд инкриминирует им дезорганизацию как цель указанного преступления. При этом в приговоре отсутствует указание на достижение этой цели. По содержанию описательной части усматривается, что цель дезорганизации учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, достигнута путем угроз применения насилия и примененным насилием со стороны осужденных по отношению к сотрудникам исправительного учреждения. Можно сделать вывод о том, что суд термин «дезорганизация» применяет как синоним насилию и угрозе применения насилия, то есть использует его при описании деяния.

Такова позиция и Верховного Суда Российской Федерации, который в одном из своих решений указал, что «применение насилия в отношении осужденного из мести за оказание им содействия администрации исправительного учреждения является дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» [16].

Процентное соотношение отнесения судами дезорганизации и к объективным, и к субъективным признакам подтверждает правовую неопределенность указанного понятия и порождает неоднозначную судебную практику.

Однако дезорганизацию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в общепринятом понимании этого термина может повлечь не только применение насилия, но и иные противоправные действия. На практике возможны попытки дезорганизации деятельности учреждения без применения насилия, например выведение из строя объектов, обеспечивающих функционирование учреждения (электроустановок, устройств водоснабжения, отопления и т. п.), массовые неповиновения лиц, содержащихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, массовые беспорядки без применения насилия, совершение побега. Также важно понимать, что не каждое насилие в отношении осужденного, сотрудника или их близких влечет за собой дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Хотя подобное поведение со стороны осужденных, лиц, содержащихся под стражей, или иных лиц, несомненно, может создать предпосылки для возникновения ситуации, влекущей за собой дезорганизацию деятельности пенитенциарных учреждений. Считаем, что диспозиция ст. 321 УК РФ должна в обязательном порядке содержать перечень признаков дезорганизации, включая как насильственные, так и ненасильственные действия. При этом такие деяния должны совершаться с целью дезорганизовать деятельность исправительного учреждения.

Например, как это сделано при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ «Диверсия». В обозначенной норме, как и в ст. 321 УК РФ, термин «диверсия» указан только в названии статьи, однако в диспозиции полностью раскрыты признаки такого деяния, а именно: совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Описанное в диспозиции статьи деяние полностью отражает общепринятое понятие диверсии. Поэтому проблем при квалификации таких деяний в судебной практике обычно не возникает.

Не совсем понятна позиция законодателя по вопросу установления возраста уголовной ответственности за анализируемые деяния.

Определяя возраст уголовной ответственности за конкретное преступление, законодатель исходит из того, что до достижения такого возраста лицо не может осознавать характера совершаемого деяния и его общественной опасности в силу своих возрастных и психоэмоциональных особенностей.

Следует констатировать, что уголовная ответственность по ст. 321 УК РФ ограничивается шестнадцатилетним возрастом. Хотя за ряд преступлений, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность наступает с 14 лет. Логично, что в воспитательных колониях находится достаточное количество лиц в возрасте от 14 до 16 лет, зачастую совершивших насильственные преступления, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких. Такие лица прекрасно понимают, в каком учреждении они находятся, суть деятельности такого учреждения и статус сотрудников уголовно-исполнительной системы. Парадоксом является ситуация, когда несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет, отбывая наказание, например, за преступление, предусмотренное ст. 112 УК РФ, применяет насилие в отношении сотрудника учреждения, в котором он отбывает наказание, причиняет средней тяжести вред здоровью и не подлежит ответственности по ст. 321 УК РФ, поскольку, по мнению законодателя, он не осознает характера и общественной опасности совершаемого деяния. Более нелепо указанный случай будет выглядеть, если несовершеннолетний был осужден по п. "б" ч. 2 ст. 112 УК РФ, то есть умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, например того же сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Также встает вопрос и при анализе возраста уголовной ответственности за совершение побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, определенного законодателем как 16 лет.

Аналогичные пробелы существуют и в ряде других насильственных преступлений в отношении потерпевших, наделенных специальным статусом.

Так, ответственность за посягательство на государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) наступает с 14 лет, а на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), а также сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), к которым в том числе относится и сотрудник уголовно-исполнительной системы, – с 16 лет. Хотя логично предположить, что несовершеннолетнему в возрасте от 14 до 16 лет более понятно, что перед ним, например, дознаватель, следователь, прокурор или судья, которые занимаются расследованием и рассмотрением возбужденного в отношении его уголовного дела, а также сотрудник правоохранительного органа (полиции,

уголовно-исполнительной системы, военнослужащий и т. д.), который чаще всего несет службу в форменном обмундировании со знаками отличия, либо государственный, общественные деятель, определить которого можно только по реализуемой деятельности без внешней идентификации.

Таким образом, целесообразно изменение содержания диспозиции ст. 321 УК РФ в части раскрытия термина «дезорганизация» с закреплением соответствующих признаков данного деяния, а также ст. 20 УК РФ в части включения в установленный перечень составов преступлений, за которые предусмотрена ответственность с четырнадцатилетнего возраста, – ст. 295, 313, 317, 321 УК РФ. Данные изменения станут залогом комплексного решения вопросов уголовно-правовой защиты представителей правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы, и позволят устранить разночтения в рамках правоприменительной практики по рассматриваемой правовой норме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стяжкина С. А. Деорганизация учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 3. С. 289–296.
2. Кириловский О. В., Мельникова Н. А. Порядок применения мер безопасности в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких // *Ius Publicum et Privatum*. 2019. № 1 (3). С. 33–36.
3. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь–декабрь 2016 г. : информ.-аналит. сб. Тверь, 2017.
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2018 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2019.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2019 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2020.
7. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2020 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2021.
8. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <https://pda.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/index.php> (дата обращения 31.08.2023).
9. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2016 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2017.
10. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2020 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2021.
11. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.08.2023).
12. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 31.08.2023).
13. Деорганизация. URL: <https://glosum.ru> (дата обращения: 31.08.2023).
14. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2011 по делу № 44-О11-17. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. Официальный сайт Шекснинского районного суда Вологодской области. URL: https://sheksninsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=46214508&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 31.08.2023).
16. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.07.2010 по делу № 48-010-78. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

REFERENCES

1. Styazhkina S.A. Disorganization of the institutions providing the isolation from society: the criminal law aspect. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of the Udmurt University*, 2020, vol. 3, pp. 289–296. (In Russ.).
2. Kirilovskii O.V., Mel'nikova N.A. Poryadok primeneniya mer bezopasnosti v otnoshenii sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy i ikh blizkikh. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2019, no. 1 (3), pp. 33–36. (In Russ.).
3. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2016 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2016): information analytical collection]. Tver, 2017.
4. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2017 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2017): information analytical collection]. Tver, 2018.
5. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2018 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2018): information analytical collection]. Tver, 2019.
6. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2019 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2019): information analytical collection]. Tver, 2020.
7. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2020 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2020): information analytical collection]. Tver, 2021.
8. *Kratkaya kharakteristika ugovolno-ispolnitel'noi sistemy* [Brief description of the penal system]. Available at: <https://pda.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/index.php> (accessed August 31, 2023).
9. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2016 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2016): information analytical collection]. Tver, 2017.
10. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2020 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2020): information analytical collection]. Tver, 2021.
11. *Ofitsial'nyi sait Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed August 31, 2023).
12. *Tolkovyi slovar' Ozhegova* [Ozhegov's explanatory dictionary]. Available at: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed August 31, 2023).
13. *Dezorganizatsiya* [Disorganization]. Available at: <https://glosum.ru> (accessed August 31, 2023).
14. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2011 in case No. 44-O11-17. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Garant"* [Access from the Garant reference legal system]. (In Russ.).
15. *Ofitsial'nyi sait Sheksninskogo raionnogo suda Vologodskoi oblasti* [Official website of the Sheksninsky District Court of the Vologda Oblast]. Available at: https://sheksninsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=46214508&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (accessed August 31, 2023).
16. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/29/2010 in case No. 48-010-78. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Garant"* [Access from the Garant reference legal system]. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЖИТКОВ – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, zhitkoff2015@yandex.ru

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ШЕПЕЛЬ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vladimir.shepel77@gmail.com

ALEKSEI A. ZHITKOV – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, zhitkoff2015@yandex.ru

VLADIMIR V. SHEPEL' – Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, vladimir.shepel77@gmail.com

Статья поступила 20.11.2023

Научная статья
УДК 340:101
doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.011

К вопросу о существовании условно аксиоматических положений в УК РФ

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ КАБАНОВ

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, slavakoban1001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-5890>

Аннотация. В статье ставится вопрос о существовании в Уголовном кодексе Российской Федерации таких положений, которые можно отнести к разряду условно аксиоматических. Приводится анализ утверждений о том, что «более опасные деяния должны наказываться более строго», «преступление с квалифицирующими признаками обладает повышенной общественной опасностью», «общественная опасность лица, совершившего преступление при административной преюдиции, увеличивается», в результате чего устанавливается, что данные положения являются условно аксиоматическими в силу ограниченной сферы действия (распространяются лишь на конкретные составы преступлений). Делается вывод о существовании в УК РФ условно аксиоматических положений.

Ключевые слова: аксиомы; правовые аксиомы; уголовно-правовые аксиомы; условно аксиоматические положения; презумпции; фикции.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кабанов В. М. К вопросу о существовании условно аксиоматических положений в УК РФ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 92–96. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.011.

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00042.

Original article

Discussing Existence of Conditionally Axiomatic Provisions in the Criminal Code of the Russian Federation

VYACHESLAV M. KABANOV

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, slavakoban1001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-5890>

Abstract. The article discusses existence of provisions in the Criminal Code of the Russian Federation that can be classified as conditionally axiomatic. So, statements, such as “more dangerous acts should be punished more severely”, “a crime with qualifying signs has an increased public danger”, “public danger of a person

who has committed a crime under administrative prejudice increases”, are analyzed. It is found out that these provisions are conditionally axiomatic due to their limited scope (they apply only to specific elements of crimes). The conclusion is made about the existence of conditionally axiomatic provisions in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: axioms; legal axioms; criminal law axioms; conditionally axiomatic provisions; presumptions; fictions.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kabanov V.M. Discussing existence of conditionally axiomatic provisions in the Criminal Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 92–96. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.011.

The publication is prepared within the framework of the RFBR grant No. 20-011-00042.

Под правовыми аксиомами, как правило, подразумеваются положения юридической науки, сформированные в результате обобщения многовекового опыта правового регулирования общественных отношений, которые можно раскрыть через нормы права, закрепленные в законодательстве [1, с. 30–32]. Следовательно, под аксиомой уголовного права необходимо понимать основополагающее положение, каким-либо образом (прямо или косвенно) закрепленное в нормах уголовного права, подтвержденное общественно-исторической практикой и поэтому не нуждающееся в обосновании.

Однако анализ отдельных положений УК РФ, на первый взгляд являющихся аксиоматическими, выявил наличие некоторых исключений, обусловленных усеченной сферой их применения.

Разберем вышесказанное на конкретных примерах. Так, А. И. Экимов рассматривал положение «более опасные деяния должны наказываться более строго» в качестве аксиомы [2, с. 135]. Думается, что сегодня данная мысль нуждается в уточнении. Например, преступление против жизни – убийство – является одним из наиболее тяжких посягательств. Суровая уголовная ответственность за указанное деяние существовала в законодательстве всегда. Еще во времена Русской Правды за убийство допускалась кровная месть, а в Артикуле воинском Петра I – смертная казнь [3, с. 100–101]. Сегодня в ч. 2 ст. 105 УК РФ содержатся самые суровые наказания (лишение свободы на срок до 20 лет, пожизненное лишение свободы, смертная казнь), однако, применив ст. 64 УК РФ, можно выйти за пределы указанной санкции и назначить более мягкое наказание.

Аналогичная картина наблюдается и в другом примере. В частности, утверждение о том, что разбой более опасен, чем кража, может быть опровергнуто как конкретными обстоятельствами дела, позволяющими назначить за разбой более мягкое наказание, чем за кражу (например, санкции ч. 1, 2 ст. 162 весьма широки и не предусматривают нижнего предела), так и путем применения ст. 64 УК РФ.

Если говорить о таком преступлении, как террористический акт (ст. 205 УК РФ), то положение о том, что данное деяние является наиболее опасным преступлением и потому строго наказуемым, представляется аксиоматическим. Во-первых, данное деяние относится к категории особо тяжких преступлений, что подразумевает под собой наиболее строгое наказание. Во-вторых, санкция статьи предусматривает нижний предел, а само наказание не подлежит смягчению на основании ст. 64 УК РФ (ч. 3 ст. 64 УК РФ). В-третьих, согласно

ч. 5 ст. 56 УК РФ, если это преступление входит в совокупность преступлений или приговоров, то устанавливаются повышенные максимальные сроки лишения свободы – 30 и 35 лет соответственно. В-четвертых, согласно ч. 2.1 ст. 58 УК РФ отбывание части срока наказания назначается в тюрьме. В-пятых, положение о сокращенном сроке наказания, предусмотренное ч. 1 ст. 62 УК РФ, в таком случае не подлежит применению, а наказание назначается в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ (ч. 3 ст. 62 УК РФ). В-шестых, о повышенной общественной опасности таких деяний свидетельствует тот факт, что согласно ч. 5 ст. 78, ч. 4 ст. 83 УК РФ сроки давности не применимы. В-седьмых, согласно ч. 1 ст. 82 УК РФ отсрочка отбывания наказания в таком случае не предоставляется. То же самое касается деяний, предусмотренных ст. 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277–279 и 361 УК РФ.

Из вышеуказанного следует, что положение о том, что «более опасные преступления влекут более строгое наказание», является аксиоматичным только лишь в отношении конкретных видов преступлений (в частности, ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277–279 и 361 УК РФ), что позволяет отнести его к категории условно аксиоматичных.

Положение о том, что «преступление с квалифицирующими признаками обладает повышенной общественной опасностью» имеет схожую природу. В данном случае следует вести речь о двух видах опасности – отраженной законодателем в санкции статьи Особенной части УК РФ и об опасности конкретно совершенного преступления. Во-первых, анализ санкций статей Особенной части УК РФ, в которых устанавливаются наказания за преступления с квалифицирующими признаками, позволяет говорить о том, что такие деяния по мнению законодателя действительно более опасны, чем аналогичные преступления без квалифицирующих признаков. Так, Л. Л. Кругликов, Ю. Г. Зуев считают, что данное положение является презумпцией. Они указывают на то, что законодатель отбирает обстоятельства, которые влияют на увеличение как общественной опасности, так и санкции, но не в каждом случае они обязательно влияют на степень опасности, поэтому правотворец предусматривает как широкие пределы санкций, так и возможность применения положений ст. 64 УК РФ [4, с. 268]. Думается, что с этим положением следует согласиться. Если говорить не о составе преступления, а о самом преступлении, то действительно не всегда те квалифицирующие признаки, которые указаны в законе, свидетельствуют о повышенной общественной опасности. Приведем пример. Федеральным законом от 30.12.2020 № 543-ФЗ в ст. 213 УК РФ были внесены изменения, согласно которым признак «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» стал квалифицирующим. Сегодня, например, хулиганские действия, совершенные агрессивным лицом без использования оружия, в том случае, если лицо, исходя из внешних признаков может оказать сопротивление, показать владение специальными навыками (и без иных признаков, указанных в ч. 2, 3 ст. 213 УК РФ), будут наказываться по ч. 1, а действия лица, который применил незаряженное, неисправное, непригодное, декоративное или сувенирное оружие и объективно вел себя не так агрессивно, наказываются по ч. 2 (п. «а» ч. 1 в предыдущей редакции статьи) [5]. Думается, что во втором случае само деяние является менее общественно опасным. И на такие ситуации рассчитаны широкие санкции. Так, в санкции ч. 2 предусматривается лишение свободы на срок до семи лет, а в ч. 1 – на срок до пяти лет, то есть одна санкция полностью перекрывает другую. Иначе говоря, за квалифицированное хулиганство лицу могут назначить и два месяца лишения свободы, а за простое – пять лет, все будет зависеть от конкретных обстоятельств, а также от личности виновного. Кроме того, указанное положение может быть опровергнуто применением, например, ст. 64 УК РФ, то есть на-

значением более мягкого наказания, отражающего пониженную опасность указанного деяния. В рассматриваемом случае все факты указывают на то, что данное положение является презумпцией. Однако в отношении ряда квалифицированных составов преступлений (ч. 2, 3 ст. 205, ч. 2 ст. 205.1, ч. 2 ст. 205.2, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ч. 4 ст. 211, ч. 2 ст. 360 и ч. 3 ст. 361 УК РФ) положения ст. 64 УК РФ, позволяющей назначить наказание ниже низшего предела, не применимы (ч. 3 ст. 64 УК РФ). Кроме того, санкция за совершение преступления с квалифицирующими признаками в данном случае имеет низший предел, который является более суровым по отношению к основному составу. Но и в этом случае положение о том, что «преступление с квалифицирующими признаками обладает повышенной общественной опасностью» будет являться аксиоматичным только в отношении двух квалифицированных составов преступлений (ч. 4 ст. 206 и ч. 4 ст. 211 УК РФ), так как во всех остальных случаях верхний предел санкции основного состава преступления выше нижнего или равен нижнему пределу санкции квалифицированного состава, что позволяет назначить более суровое или равное наказание за совершение неквалифицированного преступления. Так, например, верхний предел санкции за совершение неквалифицированного террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) составляет 15 лет лишения свободы, что соответствует нижнему пределу санкции квалифицированного состава (ч. 3 ст. 205 УК РФ) и дает возможность назначить равное наказание за их совершение. В свою очередь максимальное наказание за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ч. 1 ст. 360 УК РФ), составляет шесть лет лишения свободы, что позволяет назначить наказание за совершение основного преступления выше, чем за квалифицированное (ч. 2 ст. 360 УК РФ предусматривает наказание от пяти до десяти лет лишения свободы).

Таким образом, рассматриваемое положение также можно отнести к разряду условно аксиоматичных, так как оно действует лишь в отношении квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 206 и ч. 4 ст. 211 УК РФ.

Сегодня в УК РФ имеет место положение об увеличении общественной опасности личности лица, совершившего преступление при административной преюдиции. Так, при наличии признака административной преюдиции постулируется, что общественная опасность лиц, совершивших административное правонарушение, за которое они были привлечены к административной ответственности (подвергнуты административному наказанию), и повторно в течение определенного срока совершивших аналогичное деяние, возрастает. Повторение ими деяния свидетельствует о том, что административно-деликтные меры не оказали должного влияния и их повторное применение уже нецелесообразно, поскольку лицо проявляет свою антиобщественную направленность, «сформировался стойкий стереотип противоправного поведения» [6, с. 52]. Сегодня преступления с административной преюдицией предусмотрены в ст. 116.1, 151.2, 157, 158.1, 171.4, 171.5, 180, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 201.2, 201.3, 212.1.1, ч. 1 ст. 215.3, ч. 1 ст. 215.4, ч. 2 ст. 255, 264.1, ч. 1 ст. 264.2, ч. 1 ст. 264.3, ст. 274.2, ч. 1 ст. 280.1, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 282, ст. 282.4, ч. 1 ст. 284.1, 284.2, ч. 1 ст. 285.5, 285.6, ч. 2 ст. 314.1, ч. 1 ст. 315, ч. 1, 2 ст. 330.1 УК РФ. Однако данное положение также является аксиоматичным только по отношению к определенным составам преступлений. В иных случаях факт привлечения лица к административной ответственности при повторном совершении аналогичного деяния не образует состава преступления.

Следует обратить внимание и на то, что в данном положении находит отражение фикция, согласно которой речь идет о повышении общественной опасности лица только в течение определенного периода времени, который начинается с момента вынесения лицу административного наказания (ст. 4.6 КоАП РФ), если же срок истек, а лицо совершило аналогичное деяние за его пределами, то административная преюдиция отсутствует.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии в УК РФ так называемых «условно аксиоматических положений». Данные положения отличаются от полноценных аксиом усеченной сферой действия и не являются презумпциями, так как в отличие от последних они при определенных условиях являются истинными и не подлежат доказыванию, презумпция же всегда выступает лишь в качестве предположения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Манов Г. Н. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 9. С. 29–36.
2. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. 134 с.
3. Кабурнеев Э. В. Развитие законодательства об ответственности за убийство // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 99–106.
4. Кругликов Л. Л., Зуев Ю. Г. О презумпциях как технико-юридическом средстве в уголовном праве // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 265–271.
5. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.11.2007. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Иванчин А. В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда Рос. Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53.

REFERENCES

1. Manov G.N. Axioms in the Soviet theory of law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*, 1986, no. 9, pp. 29–36. (In Russ.).
2. Ekimov A.I. *Interesy i pravo v sotsialisticheskom obshchestve* [Interests and law in a socialist society]. Leningrad, 1984. 134 p.
3. Kaburneev E.V. Development of legislation on responsibility for murder. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 7, pp. 99–106. (In Russ.).
4. Kruglikov L.L., Zuev Yu.G. On presumptions as a technical and legal means in criminal law. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2010, no. 4, pp. 265–271. (In Russ.).
5. On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed with hooligan motives: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2007. *Dostup iz spravochno-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus legal reference system].
6. Ivanchin A.V. On the benefits of reasonable use of administrative prejudice in criminal law (in connection with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 10, 2017 No. 2-P). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 4, pp. 50–53. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ КАБАНОВ – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, slavakoban1001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-5890>

VYACHESLAV M. KABANOV – Postgraduate Student at the Department of Criminal Law and Criminology of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, slavakoban1001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-5890>

Статья поступила 27.11.2023

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.012

Проблемы уголовно-правовой охраны персональных данных в сети «Интернет»

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА КОРНИЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, tatyana_vladi21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1978-9294>

ЕГОР ОЛЕГОВИЧ ЛАПЕНКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Аннотация. В статье рассматриваются понятия персональных данных и личной информации пользователей сайтов в сети Интернет, а также поднимается проблема защиты этих данных, раскрываются существующие угрозы и пути их реализации, в том числе с помощью ужесточения уголовно-правовой ответственности. Анализируется международное и национальное законодательство, предлагаются возможные способы блокировки доступа третьих лиц к персональным данным онлайн-ресурсов.

Ключевые слова: персональные данные; уголовно-правовая защита персональных данных; информация; личная информация; сеть Интернет.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Корнилова Т. В., Лапенков Е. О. Проблемы уголовно-правовой охраны персональных данных в сети «Интернет» // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 1 (25). С. 97–102. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.012.

Original article

Problems of Criminal Law Protection of Personal Data on the Internet

TAT'YANA V. KORNILOVA

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, tatyana_vladi21@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1978-9294>

EGOR O. LAPENKOV

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, egorlapenkov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Abstract. The article considers the concept of personal data and personal information of Internet users, as well as raises the problem of protecting this data, reveals existing threats and ways to implement them, including by tightening criminal liability. International and national legislation is analyzed, and possible ways to block third-party access to personal data of online resources are proposed.

Keywords: personal data; criminal law protection of personal data; information; personal information; the Internet.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kornilova T.V., Lapenkov E.O. Problems of criminal law protection of personal data on the Internet. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 97–102. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.012.

В условиях повсеместной цифровизации, а также совершенствования правовых систем появляются инновационные технологии, в том числе и в правовой сфере. Одним из молодых правовых институтов в Российской Федерации стал институт персональных данных. Впервые право на неприкосновенность частной жизни как самостоятельное право было сформулировано в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. В 2000 г. в Совете Безопасности Российской Федерации была сформирована рабочая группа по подготовке проекта принятого впоследствии Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [1].

Как любое нововведение в правовой отрасли, данный институт содержал в себе ряд неурегулированных вопросов. В частности, любое действие пользователей в сети Интернет имеет определенные риски, но применительно к персональным данным граждан Российской Федерации эти риски наиболее велики, поскольку представляют личную тайну и охраняются законодательством. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» относит персональные данные к конфиденциальной информации. Однако случаи хищения такой информации нередки. Так, только в 2020 г. было выявлено более десяти случаев масштабных краж личной информации участников различных организаций. Например, на продажу были выставлены персональные данные россиян, которые оформляли микрозаймы в 2017–2019 гг. В базе содержалось 12 млн записей с паспортными данными, телефонами и сведениями об электронных кошельках [2].

В связи с этим актуальность уголовно-правовой защиты персональных данных в сети Интернет в условиях постоянно совершенствующейся информационной сферы невероятно велика. Необходимо не только быстро реагировать на возникающие угрозы, но и быть на шаг впереди, чтобы защитить информацию пользователей от возможных угроз.

Прежде чем перейти к рассмотрению основной проблемы – защите персональных данных в сети Интернет – следует проанализировать данное понятие, а также определить, какая именно информация подпадает под рассматриваемую категорию.

Согласно Федеральному закону «О персональных данных», персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Следует отметить, что данное понятие сформулировано очень широко, отсутствуют конкретизирующие положения или примеры, что создает сложности правоприменения не только для граждан, но и опытных юристов. К слову, одна из предыдущих редакций закона содержала более конкретизированный пере-

чень сведений, относящихся к данной категории, а именно: фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация.

Следует подчеркнуть, что такое широкое определение содержится и в международно-правовых документах. Например, ст. 2 Конвенции Совета Европы от 28.01.1981 № 108 «О защите индивидуумов (частных лиц) при автоматизированной обработке персональных данных» содержит следующее определение персональных данных: персональные данные означают любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице («субъект данных»).

Такое широкое толкование имеет смысл, так как дает основание индивидуализации данного правового института к конкретным задачам в той или иной области его применения. Вместе с тем это же становится некой проблемой для правоприменителей и граждан. Не существует полного перечня информации, которая относится к понятию персональных данных, что вызывает определенные коллизии норм права и сложности для людей, которые пытаются сохранить личные данные о себе, что, как отмечает А. Г. Мираев, не позволяет сделать вывод о том, какая именно информация будет относиться к персональным данным [3, с. 77].

В сложившейся ситуации наиболее предпочтительным видится вариант применения ряда ограничительных принципов, что позволит интерпретировать конкретную информацию как персональные данные. Это в свою очередь позволит пользователям и обладателям личной информации определить границы ее использования и передачи другим лицам, а также правильно применять нормы российского законодательства о защите и охране персональных данных.

Несмотря на имеющиеся пробелы и недостатки в области определения информации, относящейся к персональным данным, немаловажным остается вопрос защиты таких данных от возможных угроз в сети Интернет, поскольку все больше граждан пользуются достижениями современного общества, такими как интернет-магазины, оформление сделок и договоров онлайн, регистрируются на различных сайтах и т. д. Во многом все эти операции связаны с предоставлением персональной информации, поскольку являются идентификатором личности и позволяют вести учет пользователей, их деятельности и др.

В сфере защиты персональных данных в сети Интернет существует ряд индивидуальных угроз, среди них:

- кибератаки на серверы, хранящие такую информацию, в целях преступного завладения ею, то есть ее хищение;
- незаконная передача такой информации организациями в целях получения материальной выгоды;
- искажение информации при ее использовании;
- самовольная передача такой информации гражданами в результате правовой неграмотности и неосведомленности о последствиях совершаемых действий.

Список угроз не является исчерпывающим, однако именно они представляют наибольшую опасность для персональных данных. Разберем каждую из них отдельно.

Начнем с последней угрозы, поскольку ее решение лежит на поверхности. Практически все в повседневной жизни сталкиваются с таким простым действием, как регистрация на каком-нибудь электронном сайте для получения доступа к информации или при оформлении онлайн-заказа и др. Однако даже такой процесс требует передачи сведений о фамилии, имени, отчестве человека, в ряде случаев паспортных данных, информации о

месте жительства и т. д., что относится к персональным данным, но далеко не каждый человек задумывается об этом. И причиной этому служит низкая правовая грамотность граждан Российской Федерации, которые свободно предоставляют операторам информацию о себе.

Для предотвращения нежелательного распространения персональной информации и в дальнейшем ее хищения, искажения или неправомерной передачи другим лицам необходимо повышать уровень правовой грамотности граждан. Иными словами, требуется проводить различные мероприятия с целью знакомства с основными положениями законодательства нашей страны, в простой и доступной форме для их правильного понимания и применения. Это могут быть лекции, беседы и т. д., статьи в Интернете, вложения с разъяснениями при передаче такой информации. При чем это должно осуществляться не как возможность, а как условие передачи информации, то есть лицо, желающее передать свои персональные данные какой-либо организации, должно не просто дать согласие на обработку и использование персональных данных, а конкретно ознакомиться с данной процедурой и возможными последствиями. Реализовать это можно, например, предусмотрев обязательное время перехода к следующему этапу регистрации.

Кроме того, видится эффективным введение презумпции того, что если в соглашении с пользователем прямо не предусмотрено согласие на распространение персональных данных, то право распространения данных у оператора отсутствует (ч. 4 ст. 10.1 Закона «О персональных данных») [4].

Следует согласиться с мнением Е. Г. Дмитриевой, которая предлагает добавить требование о том, что оператор должен разместить на сайте/платформе типовую форму, позволяющую отозвать согласие на обработку и распространение персональных данных в электронном виде непосредственно на самой платформе [4].

Что же касается других угроз, то здесь их решение не является таким простым.

Рассматривая возможные кибератаки на хранилища информации с персональными данными клиентов различных организаций, важно отметить, что решение этой проблемы становится возможным только при создании надежных и действенных механизмов электронной защиты информации. Видится наиболее целесообразным привлекать государство и его возможности для решения данной проблемы, поскольку затрагиваются интересы как отдельных людей, так и всего общества в целом, а согласно основным положениям законодательства нашей страны обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина являются приоритетными задачами.

Рассматривая остальные угрозы, необходимо подчеркнуть, что законодателем предусмотрена различная ответственность за совершение данных правонарушений. Это применимо и в случае хищения персональных данных.

Статья 24 Федерального закона «О персональных данных» прямо определяет виды ответственности. Лица, виновные в нарушении требований закона, несут гражданскую, уголовную, административную, дисциплинарную и иную предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность.

Так, например, взлом аккаунтов электронной почты либо социальных сетей определяется как нарушение тайны переписки, за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность:

а) наложение штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев;

- б) привлечение к обязательным работам на срок до трехсот шестидесяти часов;
- в) привлечение к исправительным работам сроком до одного года [5, с. 90].

Однако по общему количеству совершаемых преступлений в данной сфере, а также по имеющейся тенденции к росту их числа можно сделать вывод о низкой эффективности данных мер, несмотря на их уголовно-правовой характер. В целях повышения эффективности мер защиты в первую очередь видится ужесточение санкций за совершенные деяния. Основными правовыми нормами, охраняющими персональные данные, являются ст. 137, 140 и 272 УК РФ. На наш взгляд, целесообразно ужесточить санкцию именно за преступные деяния, указанные в ст. 137 и 272 УК РФ, а конкретно за незаконное распространение или сбор информации, а также за неправомерный доступ к ней.

В ч. 1 ст. 137 УК РФ необходимо увеличить размер штрафа до 500 тыс. руб., а также срок наказания в виде лишения свободы до 5 лет, аналогичные изменения внести и в ст. 272 УК РФ в целях обеспечения усиления уголовно-правовой охраны исследуемого института.

Также дополнительными мерами профилактики данных преступлений могут выступать:

1. Организация и проведение внешних независимых проверок по факту утечки или хищения персональных данных.
2. Создание упрощенных внесудебных механизмов защиты прав граждан в случаях неправомерного использования персональных данных. В частности, возможно создание института уполномоченного по правам человека в сфере защиты персональных данных [4].
3. Разработка систем и способов вычисления лиц, совершивших посягательства на персональные данные и др.

Что касается искажения личной информации пользователей, то здесь возможными мерами предупреждения может выступать создание системы учета и контроля баз данных, в которых хранится указанная информация, а также разработка специальных каналов передачи такой информации, в рамках которой должен быть предусмотрен механизм проверки достоверности передаваемой информации на предмет ее искажения и правомерности.

Также общим профилактическим средством может стать установление законодателем сроков хранения персональных данных, организация проверки и контроля их соблюдения. В рамках этого механизма может быть предусмотрена возможность подтверждения или изменения данных в целях продления или возобновления срока.

В рамках глобальной профилактической деятельности государства по предупреждению и пресечению правонарушений в области защиты персональных данных граждан необходимо усилить контроль за данной сферой, предусмотрев создание специальных подразделений, в функциональные обязанности которых было бы внесено данное положение, а также уделить внимание вопросу уголовной ответственности за соответствующие преступления.

В качестве решения проблемы нами предлагается ввести ряд ограничительных принципов, которые позволят интерпретировать конкретную информацию как персональные данные:

- указание на принадлежность сведений конкретному человеку;
- наличие в предоставляемых сведениях человека его биологических, социальных и документальных характеристик.

Таким образом, следует отметить, что существуют проблемы не только в области защиты персональных данных в сети Интернет, но и в таких первичных, базовых аспектах, как определение и толкование понятия «персональные данные», категории информации, относимой к таким данным, и др. Необходим комплексный подход к решению обозначенных проблем и постепенное внедрение систем и механизмов защиты (правовых например,

ужесточение уголовно-правовой ответственности за преступления против персональных данных, технических, направленных на устранение имеющихся угроз и законодательных пробелов). Особое внимание следует уделить государственному контролю и надзору в данной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Важорова М. А. История возникновения и становления института персональных данных // Государство и право: теория и практика : материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 2011. С. 33–38.
2. Громкие случаи утечек персональных данных в России в 2019–2020 годах. URL: <https://ria.ru/20200623/1573379104.html> (дата обращения: 26.09.2022).
3. Мираев А. Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 76–82.
4. Дмитриева Е. Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 18–23.
5. Давыдова О. Б. Защита персональных данных // Вестник науки и образования. 2018. № 6 (42). С. 89–90.

REFERENCES

1. Vazhorova M.A. History of the emergence and formation of the Institute of personal data. In: *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [State and law: theory and practice: proceedings of the International scientific conference]. Chelyabinsk, 2011. Pp. 33–38. (In Russ.).
2. *Gromkie sluchai utechek personal'nykh dannykh v Rossii v 2019–2020 godakh* [High-profile cases of personal data leaks in Russia in 2019–2020]. Available at: <https://ria.ru/20200623/1573379104.html> (accessed September 26, 2022).
3. Miraev A.G. The concept of personal data in the Russian Federation and the European Union. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2019, no. 5, pp. 76–82. (In Russ.).
4. Dmitrieva E.G. Problems of personal data protection in the digital world and ways to solve them. *Pravo i biznes = Law and Business*, 2021, no. 3, pp. 18–23. (In Russ.).
5. Davydova O.B. Protection of personal data. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*, 2018, no. 6 (42), pp. 89–90. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА КОРНИЛОВА – кандидат психологических наук, начальник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, tatyana_vladi21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1978-9294>

ЕГОР ОЛЕГОВИЧ ЛАПЕНКОВ – курсант 5 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

TAT'YANA V. KORNILOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Head of the Department of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Research Department of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, tatyana_vladi21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1978-9294>

EGOR O. LAPENKOV – 5th year cadet of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Статья поступила 23.12.2023

Научная статья

УДК 343.98:004

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.013

Концептуальные положения криминалистической методики расследования преступлений в сфере киберпространства

ОЛЕГ СТАСЬЕВИЧ КУЧИН

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Аннотация. Разработка концептуальных положений расследования преступлений в сфере киберпространства позволяет формализовать их существенную часть, что обеспечивает возможность создания групповой методики расследования этих преступлений. При этом речь идет также о разработке единой криминалистической характеристики преступлений данной группы и формировании совокупности таких характеристик, имеющих однотипную структуру.

Ключевые слова: преступление; киберпространство; криминалистика; расследование; криминалистическая методика; нейросети; уголовное право; IT-технологии.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кучин О. А. Концептуальные положения криминалистической методики расследования преступлений в сфере киберпространства // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 103–112. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.013.

Original article

Conceptual Provisions of the Forensic Methodology for Investigating Cyber Crimes

OLEG S. KUCHIN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Abstract. The development of conceptual provisions for the investigation of crimes in the field of cyberspace makes it possible to formalize their essential part, which makes it possible to create a group methodology for investigating these crimes. At the same time, we are also talking about the development of a unified forensic characteristic of crimes of this group and the formation of a set of such characteristics with a similar structure.

Key words: crime; cyberspace; criminalistics; investigation; forensic methodology; neural networks; criminal law; IT technologies.

© Кучин О. А., 2024

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kuchin O.A. Conceptual provisions of the forensic methodology for investigating cyber crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 103–112. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.013.

Разработка любых групповых (видовых, родовых и иных обобществленных) криминалистических методик расследования преступлений опирается на особенности процесса расследования как самих групп, так и отдельных преступлений. Это концептуальное положение однозначно применимо и к преступлениям, совершаемым в сфере киберпространства. В процессе следственной и судебной практики постоянно возникает ряд новых проблем, связанных со значительным разнообразием таких преступлений.

Основой разработки криминалистических методик расследования преступлений в сфере киберпространства являются их легальные признаки, изложенные законодателем в диспозициях статей Особенной части уголовного кодекса, определяющих соответствующую ответственность за эти деяния.

Анализ уголовно-правовых характеристик преступлений в сфере киберпространства показал, что применяемая в научной криминалистической литературе дефиниция «преступление в сфере киберпространства» с точки зрения положений уголовного права носит весьма условный и специфический характер. Такая же ситуация складывается и с иными криминалистическими видами или группами преступлений в любой сфере их совершения.

Основополагающей и составной частью всех объединенных криминалистических методик расследования преступлений является их криминалистическая характеристика, основанная на развернутой уголовно-правовой, криминологической, социологической, политической и оперативно-розыскной характеристике преступлений определенного вида или группы и соответствующих характеристиках обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании уже конкретного преступления.

Следовательно, научная концепция криминалистических методик расследования преступлений в сфере киберпространства носит интегрированный характер и аккумулирует положения не только уголовно-правовых, но и ряда наук информационно-кибернетического блока.

Быстрый рост преступлений в сфере киберпространства в настоящее время связан с активным использованием компьютерной техники, разнообразных компьютеризованных устройств и информационных технологий.

Переход преступников к использованию информационного пространства нейросетей, в котором действует довольно сложная система передачи информации, сопровождается рядом принципиально новых явлений, связанных с ментальными изменениями сознания и личного психического отношения к ним со стороны пользователей сети Интернет, а также почитателей различных IT-технологий. Они проявляются при криминалистическом исследовании различных возрастных и социальных групп людей, постоянно использующих компьютерную технику и информационные технологии. Полученные специалистами результаты и выводы научных исследований позволяют установить ряд специфических особенностей менталитета и поведения активных пользователей сети Интернет.

Российский законодатель криминализовал пока только лишь несколько деяний в сфере компьютерной информации, включив в гл. 28 УК РФ всего четыре состава. Но следует

отметить, что уже во многие составы преступлений внесены квалифицирующие признаки, которые прямо указывают на использование виновными лицами компьютерной техники, информационных технологий и Интернета.

Российские специалисты в области криминалистики давно отмечают, что признаки использования IT-технологий рассредоточены в настоящее время по многим составам преступлений, изложенным в УК РФ. Поэтому для преступлений в сфере киберпространства характерны проявления множественности их совершения. И хотя данная группа общественно опасных деяний пока еще не выделена в отдельную главу УК РФ, но, как уже указывалось нами ранее, соответствующие криминальные проявления отмечаются в нескольких десятках различных составов преступлений.

Преступные деяния в сфере киберпространства надлежит выделить в отдельную криминалистическую группу. И, следовательно, для преступлений данной криминалистической группы необходимо разработать групповую криминалистическую характеристику как основную, концептуальную составную часть криминалистической методики ее расследования.

Специалистами отмечается, что многие примеры криминального поведения в сфере киберпространства представляют собой одинаковые повторяющиеся преступления, совершенные разными лицами.

Так, например, к таким преступлениям относятся публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием электронной почты или СМС-сообщений по мобильной телефонной связи от одного лица к другому или нескольким лицам. При этом во многих случаях речь идет не только об экстремизме, но и о призывах к массовым беспорядкам и иным тяжким преступлениям. Ряд экстремистских преступлений в сфере киберпространства характеризуются сложным составом и определенной формой соучастия двух и более лиц.

Согласимся с мнением некоторых специалистов, что исследование в данной области должно быть направлено не только на формирование единой криминалистической характеристики группы преступлений в сфере киберпространства и их совокупностей, но и на формирование совокупности таких характеристик, имеющих однотипную структуру.

Структура информационного наполнения криминалистических характеристик преступлений данной категории должна быть разработана на основе развернутых уголовно-правовых характеристик и обстоятельств, подлежащих установлению, а также накопленного судебно-следственного опыта и различных эмпирических данных. Именно такой научный подход необходим для формирования криминалистических характеристик различных видов преступлений в сфере киберпространства как основы частных криминалистических методик их расследования.

В науке обоснованно отмечается тот факт, что необходимо создавать объемные описания криминалистических характеристик преступлений данной группы и уже на их основе создавать подробные частные методики их расследования.

Выявление, раскрытие и расследование преступлений в сфере киберпространства, должны совершаться не только с применением традиционных криминалистических технологий, но и новых возможностей, алгоритмов и программ, позволяющих создать соответствующие компьютерные модели криминалистических характеристик этих преступлений и их совокупностей.

Криминалистические методики расследования преступлений в сфере киберпространства концептуально нацелены на раскрытие содержательных особенностей отдельных на-

правлений расследования, выдвижение и обоснование следственных версий с их последующей проверкой, а также выполнение конкретных следственных действий.

Необходима постоянная разработка криминалистических тактических приемов соответствующих следственных действий с электронными носителями цифровой информации, электронными документами и иной электронной продукцией текстового и графического характера. При этом определенное внимание должно уделяться применению разумных тактических рекомендаций для работы с закодированной и зашифрованной электронной информацией, имеющей правовой статус, в рамках криминалистических методик расследований и современных информационных технологий, включая элементы искусственного интеллекта.

Многие специалисты предлагают осуществлять разработку научно обоснованных подходов для формирования комплекса криминалистических методик для всех преступлений в сфере киберпространства.

На основе нескольких таких методик и с учетом особенностей соответствующей криминалистической характеристики конкретного преступления данного вида следователь сможет сформировать частную криминалистическую методику, адаптированную для расследования конкретного криминального факта в сфере киберпространства или их определенной совокупности.

Для формирования научных основ частных криминалистических методик, выверенных с правовой точки зрения, были проведены исследования различных подходов к обоснованию требований по структуре и содержанию частных криминалистических методик. Ряд специалистов предлагает сократить структуру частных криминалистических методик расследования преступлений до четырех элементов: криминалистическая характеристика данного вида преступления; типичные следственные ситуации и программы расследования; тактика отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; организация профилактической деятельности следователя при расследовании данных преступлений [1].

Мы категорически не согласны с такой позицией.

Вместе с тем В. О. Давыдов обоснованно предлагает определить базовую методику расследования как совокупность разработанных криминалистической наукой и апробированных в следственной практике комплексов методических рекомендаций по расследованию преступлений, сформированных на основании их уголовно-правовой и криминалистической классификаций и предназначенных для оптимизации и повышения эффективности работы следователя [2].

Подобная методика расследования является базовой и комплексной, представляя собой совокупность выработанных криминалистической наукой и апробированных следственной практикой методических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию криминалистическими средствами и методами преступлений, объединенных в единый предмет исследования [2].

Структура данной методики включает в себя следующие элементы: криминалистическая характеристика преступной деятельности в сфере киберпространства; комплекс рекомендаций по разрешению типичных следственных ситуаций и сопутствующих им задач начального и последующего этапов расследования; комплекс рекомендаций по решению информационных задач и версионной работе по делам данной группы; комплекс рекомендаций по планированию и организации расследования; комплекс рекомендаций по взаимодействию следователя с оперативно-розыскными подразделениями как при их

раздельной деятельности, так и в рамках совместных следственно-оперативных групп, а также с правоохранительными органами иностранных государств и международными полицейскими организациями; комплекс рекомендаций по назначению судебных экспертиз; комплекс рекомендаций по проведению отдельных следственных действий и тактических операций на первоначальном и последующих этапах расследования; комплекс рекомендаций по взаимодействию субъекта расследования со средствами массовой информации, в том числе и сети Интернет, а также по использованию помощи общественности; комплекс рекомендаций по предупреждению преступлений в сфере киберпространства на территории Российской Федерации средствами и методами криминалистики [2].

При этом криминалистическая характеристика преступной деятельности в сфере киберпространства представляет собой систематизированное описание массива фактических данных и основанных научных выводов о наиболее типичных криминалистически значимых элементах, проявляющихся в механизме преступной деятельности в сфере киберпространства в территориальном диапазоне, знание которых необходимо для разработки соответствующей базовой частной методики расследования, определения перечня обстоятельств, подлежащих установлению, выдвижения следственных версий и определения основных направлений расследования.

Результат научного исследования, сделанного В. О. Давыдовым, позволяет говорить о том, что структура преступности в сфере киберпространства в целом должна соответствовать структуре механизма этой преступной деятельности и включать в себя типовые сведения о следующих элементах и взаимозависимостях между ними: субъект преступной деятельности (его организованные формы, а также ролевые функции и типологические свойства личности их руководителей, активных членов и иных лиц, оказавшихся косвенно связанных с субъектом преступной деятельности подобного вида); мотивы и цели; способы совершения преступной деятельности, в том числе включающие совокупность преступных действий по сокрытию следов, а также намеренному афишированию преступного результата; место создания региональных звеньев преступного формирования, действующих на территории Российской Федерации, и непосредственного осуществления ими преступной деятельности; обстановка, связанная с преступной деятельностью; типологические свойства личности и ролевые функции потерпевших; предметы преступного посягательства, с которыми связаны фактическое наступление вредных последствий и характер преступного результата; средства и орудия, используемые для совершения преступной деятельности рассматриваемой криминалистической группы, а также преступный результат [2].

Механизм преступной деятельности в сфере киберпространства представляет собой сложную динамическую систему, в которой следует выделить две группы способов:

- 1) базовые способы совершения основной преступной деятельности;
- 2) вспомогательные способы преступной деятельности.

Все они одинаково направлены на обеспечение функционирования элементов организационно-структурных криминальных модулей, включая и региональные звенья.

В качестве криминалистически значимых особенностей данных способов совершения преступных деяний следует выделить использование информационно-коммуникационных технологий и ресурсов сети Интернет, которые в силу своей прикладной специфики отличаются повторяемостью поведенческих актов и использованием информационно-коммуникационных технологий в целях организации и руководства деятельностью звеньев преступных формирований, создания условий для совершения ими преступных деяний в том или ином субъекте Российской Федерации.

В основе противодействия расследованию, реализуемого членами преступных группировок, лежат криминализованные связи как членов самого местного звена, так и функциональных звеньев иерархического организационно-структурного модуля, а его механизм складывается из совокупности действий, сочетание и последовательность которых варьируются в зависимости от инициативы субъекта противодействия, этапов расследования, особенностей способов противодействия, их комбинаций и др. и охватывает противодействие расследованию, осуществляемое непосредственно сразу после совершения преступления в сфере киберпространства, осуществляемое после возбуждения уголовного дела и на последующих стадиях его расследования.

Неотъемлемым элементом механизма преступной деятельности в сфере киберпространства является комплекс действий, направленных в подавляющем большинстве случаев на совершение преступления высокотехнологичными способами, связанными с использованием информационно-коммуникационных сервисов сети «Интернет».

Преступная мотивация представляет собой субъективную детерминирующую систему взаимосвязанных элементов, характеризующих субъект преступной деятельности и другие ее составляющие, на основе изучения закономерностей возникновения и развития криминальных процессов.

Цель преступной деятельности в сфере киберпространства выступает как мысленная модель идеально представляемого и желаемого преступного результата, к достижению которого стремится лицо, совершающее преступление рассматриваемой группы.

Однозначно необходимо обратить внимание на специфические особенности преступности в сфере киберпространства, установленные по результатам исследований и накопленного эмпирического материала. Полученные результаты предопределили ряд акцентов в дальнейших разработках особенностей совершения данных преступлений в разных социальных группах, а также различных проявлений множественности преступлений данного вида. Безусловно, в рамках выявленных особенностей проявляется и ряд внешних факторов, оказывающих существенное влияние на количественное и качественное изменение динамики преступных проявлений данной группы.

Считаем, что при разработке научно-методических основ для создания и формирования частных криминалистических методик расследования преступлений в сфере киберпространства и их совокупностей возможно использовать ряд элементов методических разработок, предложенных В. О. Давыдовым [2].

Одновременно В. В. Бычков и В. А. Прорвич выделяют следующие структурные элементы комплекса тех информационных технологий, которые могут быть заложены в основу базовой иерархической системы, позволяющей осуществлять формирование адаптированных частных криминалистических методик расследования преступлений в сфере киберпространства или их совокупностей:

1. Информационные технологии, позволяющие контролировать процессы формирования электронных документов и иных сведений, в различных информационных системах, отражающих особенности субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений в информационном пространстве компьютерных сетей, включая Интернет, на предмет установления их соответствия либо несоответствия требованиям действующего законодательства и формирования информационных эталонов соответствующей деятельности законопослушных субъектов.

2. Информационные технологии, нацеленные на надлежащее раскрытие бланкетных, отсылочных и смешанных диспозиций уголовно-правовых норм по преступлениям в сфере киберэкстремизма и их совокупностей с различными формами соучастия, для формирования развернутых уголовно-правовых характеристик преступлений, совершаемых в информационном пространстве компьютерных сетей, позволяющих выделить полную совокупность обязательных и факультативных признаков конкретных преступлений рассматриваемого вида и их совокупностей, а также перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, ориентирующих следствие на поиск криминалистически значимой информации на различных стадиях доследственной проверки и производства по соответствующим уголовным делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма.

3. Информационные технологии, нацеленные на сопоставление электронных документов и сведений из различных информационных систем со сформированными информационными эталонами в последовательно-параллельном режиме, для выявления закодированных информационных следов противоправных действий определенных субъектов, имеющих признаки преступлений определенного вида, и их фиксации, для последующего построения и обоснования следственных версий и формирования доказательств по расследуемому уголовному делу.

4. Информационные технологии, нацеленные на сопоставление определенных групп электронных документов и сведений из различных информационных систем со сформированными информационными эталонами в последовательно-параллельном режиме для выявления распределенных закодированных информационных следов противоправных действий определенных субъектов, имеющих признаки преступлений в сфере киберпространства, их совокупностей, и их фиксации для последующего построения и обоснования следственных версий и формирования доказательственной базы.

5. Информационные технологии, нацеленные на создание интерактивных экспертных систем с элементами искусственного интеллекта различного вида, позволяющих следователю при обработке информации, имеющей правовой статус, в диалоговом режиме контролировать сохранение статуса промежуточных и итоговых результатов ее обработки.

6. Информационные технологии, нацеленные на надлежащее применение специальных знаний и профессиональных компетенций судебных экспертов и специалистов, включая созданные на их основе алгоритмы обработки информации, имеющие правовой статус, реализованные сведущими лицами в форме проблемно ориентированных компьютерных программ, предназначенных для использования в диалоговых режимах различного формата в составе интерактивных экспертных систем.

7. Информационные технологии, нацеленные на создание интерактивных экспертных систем с элементами искусственного интеллекта различного вида, позволяющих следователю при расследовании преступлений в сфере киберпространства и их совокупностей организовать коллективную обработку информации, имеющей правовой статус, в параллельно-последовательном режиме со специалистами и судебными экспертами, с применением средств контроля за сохранением правового статуса промежуточных и итоговых результатов ее обработки [3].

Соответствующие методы обработки документированной электронной информации должны обеспечивать контроль за сохранением промежуточных и итоговых результатов.

Основным назначением таких методов является выделение той части сведений, имеющих в электронной документации, которые имеют признаки криминала, на фоне намного большей по объему информации, отражающей правомерные действия граждан.

Если же речь идет о целенаправленной обработке электронной документации, изъятый следователем из определенных информационных систем, чтобы выявить в ней ту часть, которая имеет признаки криминального характера, то вполне понятно, что и соответствующие следы также носят закодированный информационный характер. Такие следы могут носить не информационно-замкнутый характер, поддающийся интерпретации для установления определенных фактов и обстоятельств, а фрагментарный, не отражающий характеристику определенного события, которое может идентифицироваться как криминальное. При этом соответствующие фрагменты могут быть рассеяны по различным электронным документам, а для их идентификации и установления информационного следа криминального события необходима целенаправленная, проблемно-ориентированная обработка определенных групп документов, в том числе с использованием информационных эталонов законопослушной деятельности.

Электронные документы создаются, хранятся, передаются и преобразовываются в том числе и в другие электронные документы с помощью определенных компьютерных программ, которые принято называть также компьютерными кодами. Соответственно, определенные фрагменты криминальной информации, которые могут быть выявлены и зафиксированы в некоторой совокупности электронных документов, могут идентифицироваться как закодированные информационные следы преступлений рассматриваемого вида.

С помощью соответствующих методов на основе выявленных в определенной совокупности электронных документов и зафиксированных закодированных информационных следов преступлений могут быть идентифицированы их связи с соответствующими информационными системами и их обладателями. Это позволяет сформировать на их основе доказательства, изобличающие определенных лиц в причастности к расследуемым высокотехнологичным преступлениям.

Методы обработки электронных документов могут сочетаться с иными способами обработки документации на бумажных носителях информации, а также, например, с алгоритмами выполнения отдельных видов следственных действий. Это позволяет использовать прямые и обратные связи таких действий для получения кумулятивного эффекта, что повышает эффективность расследования соответствующих уголовных дел.

Отталкиваясь от сформированных таким образом обязательных и факультативных признаков преступлений в сфере киберпространства, с помощью уже обсуждавшихся подходов, основанных на специальных знаниях и элементах искусственного интеллекта, разработанных в рамках информатики, можно построить методы обработки текстовых формулировок тех положений законодательства, которые необходимы для раскрытия содержательных особенностей диспозиций конкретных уголовно-правовых норм.

В ряде случаев с помощью указанных алгоритмов и на основе выявленных признаков можно идентифицировать наличие не одного, а двух и более совершенных преступлений в сфере киберпространства, что предполагает в дальнейшем планирование и производство дополнительных следственных действий.

Важно обратить внимание и на то, что подобные информационные технологии, позволяющие целенаправленно анализировать текстовую информацию с использованием определенной системы критериев и информационных эталонов, уже существуют и актив-

но используются в ряде отраслей человеческой деятельности. На их основе может быть разработана система алгоритмов различного вида, матричных классификаторов и иного компьютерного инструментария, позволяющего обеспечить надлежащее информационное обеспечение всего комплекса следственных и иных процессуально регламентированных действий по преступлениям рассматриваемого вида.

Фактически речь идет о разработке и создании силами ученых и специалистов в различных отраслях права, экономики и информатики иерархической системы методов, позволяющих формализовать информационно-правовое пространство, характеризующее различные варианты деятельности законопослушных субъектов информационного общества различного вида и уровня. Научно обоснованное структурирование такого пространства позволит также создать определенную систему типовых действий законопослушных субъектов и использовать их в качестве эталонов при выявлении противоправных действий в различных сферах информационного общества.

Поэтому в настоящее время все более ощущается необходимость в научном обеспечении способов преобразования растущего количества криминалистически значимой информации в новое качество информационной модели исследуемых преступлений в сфере киберпространства. Здесь возникает ряд новых положений, согласно которым по признакам состава преступления компьютерные технологии обработки электронных документов позволяют получить значительно большее количество сведений, нежели с помощью других методов.

Все вышеизложенные положения должны составить современную концепцию криминалистической методики выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере киберпространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Возгрин И. А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 485.
2. Давыдов В. О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера : дис. ... д-ра юрид. наук. Тула, 2018. С. 525–528.
3. Бычков В. В., Прорвич В. А. Алгоритмы выявления признаков экстремистской и террористической деятельности с использованием Интернета на основе информационных шаблонов возможных составов преступлений данного вида // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 43–50.

REFERENCES

1. Vozgrin I.A. *Vedenie v kriminalistiku. Istoriya, osnovy teorii, bibliografiya* [Introduction to criminology. History, fundamentals of theory, bibliography]. Saint Petersburg, 2003. P. 485.
2. Davydov V.O. *Metodika rassledovaniya transnatsional'noi prestupnoi deyatel'nosti ehkstremit'skogo kharaktera: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Methods of investigation of transnational extremist criminal activities: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Tula, 2018. Pp. 525–528.
3. Bychkov V.V., Prorvich V.A. Algorithms for detecting signs of extremist and terrorist activities using the Internet based on information templates of possible crimes of this type. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya = Investigation of Crimes: Problems and Solutions*, 2022, no. 2, pp. 43–50. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЕГ СТАСЬЕВИЧ КУЧИН – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

OLEG S. KUCHIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Forensic Enquiry and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Статья поступила 19.02.2024

Научная статья

УДК 341.4: 341.16

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.014

Международное сотрудничество в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере обеспечения продовольственной безопасности

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА МАЛИМОНОВА

Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия, needle_mas@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты международного сотрудничества в области борьбы с преступлениями в сфере обеспечения продовольственной безопасности, осуществлен анализ причин нестабильности и паллиативности взаимодействия российских правоохранительных органов с коллегами из международных полицейских и иных организаций. Рассмотрено проведение международной операции по борьбе с преступлениями и правонарушениями в сфере обеспечения продовольственной безопасности, по противодействию производству и обороту контрафактной продукции «OPSON». Сделан вывод о высокой эффективности проводимых совместных мероприятий, а также о крайней нежелательности их приостановления или отмены.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; продукты питания; международное сотрудничество; операция OPSON; защищенные каналы связи.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Малимонова А. С. Международное сотрудничество в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере обеспечения продовольственной безопасности // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 113–119. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.014.

Original article

International Cooperation in Combating Crimes Committed in the Field of Food Security

ANASTASIYA S. MALIMONOVA

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, needle_mas@bk.ru

Abstract. The article provides examples of the results of international cooperation in combating crimes in the field of food security and analyzes causes of instability and palliative interaction between Russian law enforcement agencies and colleagues from international police and other organizations. The author, in particular, analyzes the international operation to combat crimes and offenses in the field of food security and counteract production and trafficking of counterfeit OPSON prod-

ucts. The author concludes about high efficiency of joint activities and extreme undesirability of their suspension or cancellation.

Keywords: food security; food products; international cooperation; OPSON operation; secure communication channels.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Malimonova A.S. International cooperation in combating crimes committed in the field of food security. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 113–119. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.014.

Преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности представляют собой серьезную угрозу здоровью и благополучию населения, нейтрализация которой требует трансграничного сотрудничества. Все государства уязвимы в этой области, учитывая возросшую интеграцию и глобализацию цепочек поставок. Для защиты от такой угрозы созданы международные организации, такие как Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Всемирная торговая организация (ВТО), Фонд сельскохозяйственного развития и др. Все они занимаются разработкой программ и методик, обеспечивающих распределение продовольствия по земному шару, сокращение количества голодающего населения, улучшение качества еды и питьевой воды и т. д. Также этими структурами регулярно фиксируются случаи нарушения правил продовольственной безопасности. Однако данные организации могут лишь обратить внимание национальных и международных правоохранительных органов на несоблюдение законодательства в рассматриваемой области, так как они не обладают полномочиями по расследованию преступлений.

На данный момент самой крупной полицейской организацией в мире является Международная организация уголовной полиции Интерпол, членами которой являются 195 стран, включая Российскую Федерацию. Также на Европейском континенте деятельностью по расследованию преступлений занимается Европол – агентство Европейского союза (ЕС) по сотрудничеству правоохранительных органов. Несмотря на то что Европол является структурой ЕС, в целях раскрытия преступлений и изобличения преступников он сотрудничает не только с государствами – членами ЕС, организациями и физическими лицами – резидентами ЕС, но и с третьими лицами – международными организациями и странами, не входящими в ЕС. С такими лицами Европол работает на основании специальных соглашений. Так, между Европоллом и Российской Федерацией в Риме заключено стратегическое соглашение [1], в соответствии с условиями которого стороны договорились взаимодействовать в сфере предупреждения, выявления, пресечения и расследования целого ряда преступлений. Между Интерполом и Европоллом взаимодействие производится на основании оперативного соглашения [2].

В целях ликвидации с рынка контрафактных и некачественных продуктов питания и напитков и изобличения причастных к ним лиц и организованных преступных групп Интерпол и Европол, руководствуясь своими уставами и оперативным соглашением, ежегодно с 2011 г. проводят масштабную интернациональную операцию «OPSON». В ее рамках правоохранительные, таможенные и иные уполномоченные внутригосударственные органы проводят проверки в магазинах, на рынках, в аэропортах и морских портах с целью обнаружения и конфискации пищевых продуктов, не соответствующих требованиям безопасности.

В первой операции, проведенной в 2011 г., участвовали 10 стран, в основном европейских. Но с каждым годом масштабы операции росли, и в 2021 г. участниками стали уже 72 страны из Африки, Америки, Азии, Европы и Ближнего Востока. Российская Федерация принимает участие в рассматриваемой операции с 2015 г., и результаты впечатляют: в 2018 г. Россия сообщила Интерполу о выявлении 48 подпольных производств продовольственных товаров, изъятии более 1,6 млн литров контрафактного алкоголя, возбуждении уголовных дел в отношении 282 человек [3]. По словам А. Шабаршова, с 2015 по 2019 г. отечественными правоохрнительными органами в рамках операции проведено порядка 50 тыс. проверок и арестовано 711 лиц, причастных к незаконному обороту продуктов питания [4]. По данным Интерпола, в 2020 г. в ходе операции «OPSON-IX» было изъято опасных продуктов питания и напитков на сумму более 40 млн долларов США, ликвидировано 19 организованных преступных групп и арестовано 407 человек по всему миру [5].

На сегодняшний день проведено уже 10 операций «OPSON». Согласно опубликованным отчетам о результатах операция состоит из трех фаз: подготовительной, операционной и постоперационной. В ходе первой фазы проводится встреча представителей Интерпола, Европола и национальных учреждений, на которой обсуждаются результаты предыдущих операций, озвучиваются основные проблемы, даются рекомендации по противодействию преступности, организуются учебные мероприятия. Затем наступает главная фаза – операционная, длящаяся обычно четыре месяца, в рамках которой участники непосредственно проводят проверки и расследования. Каждая страна-участница самостоятельно принимает решение о видах контроля, которые будут осуществляться. Интерпол и Европол проводят перекрестную проверку своих баз данных и координируют передачу информации для поддержки проводимых следственных и оперативных мероприятий. Следующим – постоперационным – этапом называется деятельность участников по передаче данных о результатах мероприятий в соответствующие службы Интерпола и Европола для анализа, в результате которого дается оценка уровня криминогенности той или иной продовольственной сферы, определяются наиболее эффективные действия по борьбе с преступностью, а также области, требующие дополнительных усилий правоохрнительных органов.

Необходимо отметить, что важнейшая роль в проведении операции отводится защищенным каналам связи, по которым среди участников распространяются планы действий, рекомендации, а также осуществляется обмен оперативной информацией. В рамках Европола действуют каналы «SIENA» и «EPE», на вооружении Интерпола находится глобальная телекоммуникационная система «I-24/7» (24 часа в сутки 7 дней в неделю). В. Богданов отмечает, что к системе «I-24/7» российское Бюро Интерпола присоединилось одним из первых, что позволило повысить оперативность и качество трансграничной передачи информации [6].

Характеристики системы «I-24/7» позволяют безопасно и оперативно обмениваться информацией, в том числе персональными данными. Также система служит для удаленного доступа к базам данных Интерпола в режиме реального времени. Сюда входят сведения о разыскиваемых преступниках, их биометрические данные, информация о похищенных или утраченных проездных документах и др. Многие базы взаимосвязаны: при положительном результате проверки хотя бы по одной из них пользователь автоматически получает максимум криминальной информации об объекте [7].

К каналам Европола Россия не присоединилась ввиду отсутствия соответствующего соглашения. Римское соглашение не предусматривает предоставления персональных

данных. Россия и Европол обмениваются информацией стратегического и тактического характера о состоянии и развитии преступности, новых формах противодействия ей, каналах перевода денежных средств, полученных преступным путем. Проводятся стажировки, консультации и семинары [8].

Сетевое приложение безопасного обмена информацией (SIENA) обеспечивает быстрый и удобный обмен оперативной и стратегической информацией о преступлениях между должностными лицами Европола, аналитиками и экспертами, государствами – членами ЕС и третьими лицами, с которыми Европол имеет соглашения о сотрудничестве. В свою очередь EPE – это безопасная веб-платформа для специалистов различных областей правоохранительной деятельности. Примечательно, что персональные данные и секретная информация не хранятся и не распространяются через рассматриваемую систему. EPE представляет собой широкий круг онлайн-сообществ экспертов, посвященных конкретным сферам правоохранительной деятельности. Эксперты являются профессионалами с богатым практическим опытом и знаниями. Сочетание правовой базы EPE, его аналитического потенциала позволяет Европолу вносить уникальный вклад в международное полицейское сотрудничество.

Россией и Европолом предпринимались попытки разработки и заключения оперативного соглашения, позволившего бы российским правоохранительным органам присоединиться к каналам Европола, однако стороны не смогли прийти к консенсусу по данному вопросу [8]. Более того, ситуация осложнилась после того, как правление Европола в марте 2022 г. приняло решение приостановить любое сотрудничество с Россией, в том числе в рамках стратегического соглашения, заключенного в ноябре 2003 г.

Кроме международных полицейских организаций важную роль в обнаружении и расследовании преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности играют также группы подразделений финансовой разведки «Эгмонт». Россия является частью этого образования – Росфинмониторинг входит в группу «Эгмонт» с июня 2002 г. Группа «Эгмонт» объединяет подразделения финансовой разведки (ПФР) 165 юрисдикций и предоставляет своим членам возможность обмена информацией по специальному защищенному каналу связи [9].

Защищенная сеть группы «Эгмонт» (ESW) – электронная система связи, которая позволяет осуществлять зашифрованный обмен электронными сообщениями и информацией финансовой разведки между членами. ESW является необходимым средством эффективного функционирования группы «Эгмонт», поэтому главы ПФР выдают мандат на ESW, утверждают и контролируют регламенты ее функционирования и структуру управления [10, с. 8].

Эта сеть представляет собой информационный узел, дающий возможность ПФР разных стран, входящих в группу «Эгмонт», получать информацию о других ПФР (их задачах, структуре организаций, их возможностях), способах легализации преступных доходов, средствах анализа финансового состояния и новых технологических разработках. Узел также позволяет ПФР связываться между собой посредством защищенной системы электронной почты. Так как информационный узел доступен только для сотрудников ПФР, созданы условия использования служебной информации в защищенной среде. Такой возможности ПФР не имеют больше нигде [11].

Несмотря на то что Росфинмониторинг не является правоохранительным органом и не обладает полномочиями по возбуждению и расследованию уголовных дел, в результате проверок, проводимых этим органом, можно выявить первичную информацию о готовя-

щихся или совершенных преступлениях, ответственных лицах и возбудить уголовное дело или провести соответствующие оперативно-розыскные мероприятия. Так, в докладе ФАТФ (группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег) «Отмывание денег посредством торговли: тенденции и развитие» [12] указано, что преступники орудуют в тех отраслях экономики, в правовом регулировании которых имеются пробелы или неясность в вопросах применения правовых норм, а также где наблюдаются непоследовательность и несогласованность действий контролирующих органов. Под эти критерии попадает множество видов экономической деятельности, а это означает, что для преступности уязвимы как дорогие продукты, поставляющиеся в небольших объемах, так и дешевые продукты, поставляющиеся тоннами.

В схемах отмывания денег участвует и агропромышленный комплекс: злоумышленники используют сельскохозяйственную продукцию, особенно скоропортящиеся продукты, такие как свежие фрукты и овощи, для вывода своих преступных доходов в другие юрисдикции. Распространенным примером является поставка больших объемов дешевых продуктов. Преступники проникают в уже сложившиеся легитимные цепочки поставок и используют их как средство введения незаконно полученных денежных средств в финансовую систему. Таким образом, осуществляются абсолютно законные поставки продукции, подготавливается вся сопроводительная и иная документация, но по прибытии оказывается, что товар не имеет никакой потребительской ценности, так как слишком долго находился в пути и испортился, поэтому он утилизируется сразу по прибытии.

В этом случае не страдают ни кошельки, ни здоровье потребителей. Однако такие схемы влияют на экономику в целом, а также на степень доступности и достаточности продовольствия населению, что является неотъемлемой частью продовольственной безопасности государства.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что обеспечение продовольственной безопасности – важнейшая задача, стоящая перед отдельными государствами и международным сообществом в целом. Для России важно, что Интерпол не прекратил сотрудничество, оставил открытыми каналы связи между странами для обмена информацией и поисков преступников, по-прежнему предоставляет российским правоохранительным органам набор инструментов и возможностей для координации совместных действий, хотя и с введением дополнительной процедуры обработки и рассмотрения запросов российской стороны [13].

Результаты операции «OPSON» демонстрируют, чего можно добиться для защиты потребителей во всем мире объединением усилий правоохранительных органов и осуществлением ими скоординированных действий. Отчеты о проведенных операциях дают большое количество информации, позволяющей увидеть общую картину преступного посягательства, составить вероятный портрет преступника, понять способ совершения преступления и способы борьбы с ними. Сложившаяся в мире кризисная ситуация подтолкнет преступников на поиск новых способов совершения преступлений, как это произошло в разгар пандемии COVID-2019. Считаем, что разногласия государств в вопросах международной политики не должны влиять на сложившуюся систему борьбы с преступностью международного уровня, так как это приведет исключительно к нестабильности системы, а значит, откроет новые возможности для совершения преступлений и противодействия обнаружению лиц, причастных к ним.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией (заключено в г. Риме 06.11.2003) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 3. С. 58–62.
2. Agreement between Interpol and Europol // Europol : официальный сайт. URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/agreement_between_Interpol_and_Europol.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
3. Deadly and dangerous fake food and drink seized in global operation // Interpol. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2018/Deadly-and-dangerous-fake-food-and-drink-seized-in-global-operation> (дата обращения: 10.05.2022).
4. Шабаршов А. Борьба на всех направлениях // Щит и меч. 2019. № 2 (1642). С. 3.
5. Food fraud in times of COVID-19. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Food-fraud-in-times-of-COVID-19> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Богданов В. Российскому бюро Интерпола исполнилось 28 лет URL: <https://rg.ru/2018/09/27/rossijskomu-biuro-interpola-ispolnilos-28-let.html> (дата обращения: 05.05.2022).
7. Фалалеев М. Найдут и догонят. Выдачи в Россию ожидают два десятка пойманных преступников. URL: <https://rg.ru/2020/09/22/vydachi-v-rossiiu-ozhidaiut-dva-desiatka-rojmannyh-prestupnikov.html> (дата обращения: 05.05.2022).
8. Прокопчук А. В. Взаимодействие в борьбе с организованной преступностью, которая не знает границ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 16. С. 71–74
9. Группа «Эгмонт». URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/egmont> (дата обращения: 11.05.2022).
10. Устав Группы подразделений финансовой разведки Эгмонт. URL: https://egmontgroup.org/wp-content/uploads/2021/09/Egmont_Group_Charter_-_Revised_September_2018_Russian.pdf (дата обращения: 11.05.2022).
11. Смитиенко С. Б. Участие Группы «Эгмонт» в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма // Вестник экономической безопасности. 2009. № 3. С. 118–124.
12. Tradebased Money Laundering: Trends and Developments. URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/trade-based-money-laundering-trends-and-developments.html> (дата обращения: 11.05.2022).
13. Ukraine: INTERPOL General Secretariat statement. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement> (дата обращения: 05.05.2022).

REFERENCES

1. Agreement on cooperation between the Russian Federation and the European Police Organization (concluded in Rome of November 6, 2003). *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov = Bulletin of International Treaties*, 2004, no. 3, pp. 58–62. (In Russ.).
2. *Agreement between Interpol and Europol. Europol: official website*. Available at: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/agreement_between_Interpol_and_Europol.pdf (accessed May 10, 2022).
3. Deadly and dangerous fake food and drink seized in global operation. *Interpol: official website*. Available at: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2018/Deadly-and-dangerous-fake-food-and-drink-seized-in-global-> (accessed May 10, 2022).
4. Shabarshov A. Struggle in all directions. *Shchit i mech = Shield and Sword*, 2019, no. 2 (1,642), p. 3. (In Russ.).
5. *Food fraud in times of COVID-19*. Available at: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Food-fraud-in-times-of-COVID-19> (accessed May 10, 2022).
6. Bogdanov V. *Rossiiskomu byuro Interpola ispolnilos' 28 let* [The Russian government turned 28]. Available at: <https://rg.ru/2018/09/27/rossijskomu-biuro-interpola-ispolnilos-28-let.html> (accessed May 5, 2022).

7. Falaleev M. *Naidut i dogonyat. Vydachi v Rossiyu ozhidayut dva desyatka poimannykh prestupnikov* [They will be found and caught up. Two dozen captured criminals are awaiting extradition to Russia]. Available at: <https://rg.ru/2020/09/22/vydachi-v-rossiiu-ozhidaiut-dva-desiatka-pojmannykh-prestupnikov.html> (accessed May 5, 2022).
8. Prokopchuk A.V. Interaction in the fight against organized crime, which knows no borders. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* = *National Interests: Priorities and Security*, 2009, no. 16, pp. 71–74. (In Russ.).
9. *Gruppa "Egmont"* [Egmont Group]. Available at: <https://www.fedsfm.ru/activity/egmont> (accessed May 11, 2022).
10. *Ustav Gruppy podrazdelenii finansovoi razvedki Egmont* [The Charter of the Egmont Group of Financial Intelligence Units]. URL: https://egmontgroup.org/wp-content/uploads/2021/09/Egmont_Group_Charter_-_Revised_September_2018_Russian.pdf (accessed May 11, 2022).
11. Smitienko S.B. Participation of the Egmont Group in the fight against money laundering and terrorist financing. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti* = *Bulletin of Economic Security*, 2009, no. 3, pp. 118–124. (In Russ.).
12. *Tradebased money laundering: trends and developments*. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/trade-based-money-laundering-trends-and-developments.html> (accessed May 11, 2022).
13. *Ukraine: INTERPOL General Secretariat statement*. Available at: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement> (accessed May 5, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА МАЛИМОНОВА – аспирант кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, Россия, needle_mas@bk.ru

ANASTASIYA S. MALIMONOVA – Postgraduate Student at the Department of Criminology of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, needle_mas@bk.ru

Статья поступила 10.10.2022

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.015

Преступления в сфере компьютерной информации: реальное состояние и перспективы реализации

АЛЛА ВАЛЕРЬЕВНА ПЕЛЕВИНА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, allochka_90@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются преступления в сфере компьютерной информации, исследуется их эволюция, дается доктринальная оценка реального состояния, выявляются юридико-технические изъяны в конструировании уголовно-правовых положений, формулируются предложения по их устройству. Отмечается особая роль Уголовного кодекса Российской Федерации в правовой защите информации (гл. 28).

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации; закон; преступления в сфере компьютерной информации; информация; информационные отношения; статья; должностное лицо; примечание; терминологический инструментарий; законодательная ошибка; коллизии.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Пелевина А. В. Преступления в сфере компьютерной информации: реальное состояние и перспективы реализации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 120–128. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.015.

Original article

Computer Crime: Problems of Identifying the Corpus Delicti and Exercising Criminal Liability

ALLA V. PELEVINA

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, allochka_90@bk.ru

Abstract. The article considers computer crimes, studies their evolution, gives a doctrinal assessment of the real state, identifies legal and technical flaws in the construction of criminal law provisions, and formulates proposals for their correction. The special role of the Criminal Code of the Russian Federation in the legal protection of information is noted.

Key words: Constitution of the Russian Federation; Criminal Code of the Russian Federation; law; computer crimes; information; information relations; article; official; note; terminological tools; legislative error; collisions.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Pelevina A.V. Computer crime: problems of identifying the corpus delicti and exercising criminal liability. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 120–128. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.015.

Эволюция современного мира характеризуется массовым внедрением информационных технологий во все сферы человеческого бытия. Информационные отношения стали его неотъемлемой частью, важнейшим направлением деятельности законодательных и исполнительных органов государственной власти, учреждений и организаций, граждан, значимым фактором общественной жизни, определяющим стратегию и тактику развития мировой цивилизации [1, с. 75].

Изложенное выше положение нашло свое реальное воплощение в принятой 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации. Так, в Основном законе закреплено право на информацию, позволяющую обеспечить развитие свободного демократического общества. Регламентированное право на информацию принадлежит любому лицу, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также другим обстоятельствам, если оно находится на территории Российской Федерации.

Конкретизация указанного положения нашла свое подтверждение в п. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, где провозглашается свобода информации, то есть право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом – посредством межличностного общения, средств массовой информации, материальных носителей информации. Кроме того, в п. 5 ст. 29 устанавливается запрет на цензуру массовой информации, а в п. 1 ст. 24 содержится запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни без согласия лица.

В различных национальных законодательных источниках конституционное положение закрепляет право на обладание, пользование, воспроизведение, защиту, уничтожение ненужной информации.

Особую роль в правовой защите информации играет Уголовный кодекс Российской Федерации. Свидетельством этому являются уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28), включенные в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Такой подход подтверждает стремление законодателя адекватно отразить потребности общества в уголовно-правовой охране информационных отношений [2, с. 635].

Уголовно-правовое обеспечение информационных отношений в современных условиях является одним из важнейших направлений деятельности субъектов уголовной политики [3]. Неслучайно за последнее время преступные элементы стали активно использовать средства коммуникации и массовой информации в своих противоправных целях. По различным оценкам, в мире получили возможность пользоваться Интернетом более четырех миллиардов лиц, в Российской Федерации количество пользователей превышает

87 млн. Доступность в использовании, мобильность и простота, оперативность, минимальность материальных затрат, быстрота и масштабы распространения информации, высокий уровень закрытости делают ее привлекательной для криминальных элементов [4, с. 237; 5, с. 4].

Глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» в первоначальной редакции УК РФ включала в себя три статьи: «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (ст. 272), «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ» (ст. 273), «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» (ст. 274).

Продолжая законотворческую работу по совершенствованию нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, законодатель внес изменение в названия ст. 273 и 274. В настоящее время они получили новую редакцию: «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» (ст. 273 УК РФ); «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» (ст. 274 УК РФ) [6].

Одновременно с этим законодатель внес изменение в диспозиции указанных статей, а также включил две новые статьи об ответственности: за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) [7], нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ) [8].

Таким образом, в указанных статьях содержится описание шестнадцати составов преступлений. В частности, в ст. 272 УК РФ – четыре состава преступления, ст. 273 УК РФ – три, ст. 274 УК РФ – два, ст. 274.1 УК РФ – пять и ст. 274.2 УК РФ – два.

С учетом квалифицированных видов из числа преступлений в сфере компьютерной информации (16 составов) шесть деяний относятся к числу преступлений небольшой тяжести (ч. 1, 2, 3 ст. 272, ч. 1 ст. 274, ч. 1, 2 ст. 274.2 УК РФ), четыре средней тяжести (ч. 1, 2 ст. 273, ч. 2 ст. 274, ч. 1 ст. 274.1 УК РФ) и шесть тяжкие (ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, ч. 2, 3, 4, 5 ст. 274.1 УК РФ).

Применение такого юридико-технического приема конструирования составов преступлений позволило более точно установить степень общественной опасности посягательств, личности виновного и, исходя из этого, дифференцировать ответственность.

Вносимые в конструкции статей юридико-технические изменения законодатель снабдил тремя примечаниями. Так, в ст. 272 в примечании 1 сформулировано понятие компьютерной информации, под которой понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

В примечании 2 определены стоимостные критерии, позволяющие установить причиненный вред в результате совершения преступления (крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей). Одновременно с этим в примечании к ст. 274.2 УК РФ законодатель сформулировал дефиницию должностного лица [9].

Включенные в уголовный закон юридико-технические новации нельзя признать совершенными, отвечающими требованиям, предъявляемым к конструированию криминообразующих признаков, в связи с чем они породили следующие проблемы в их применении.

1. Проблемы использования понятия «должностное лицо». Согласно уголовно-правовой доктрине субъектом преступления признается лицо, обладающее юридически закре-

пленными в законе признаками: во-первых, совершенное деяние должно быть запрещено уголовным законом и обладать общественной опасностью; во-вторых, лицо, совершившее общественно опасное деяние, должно быть способно нести уголовную ответственность.

В ст. 19 УК РФ уголовную ответственность законодатель связывает с тремя обязательными признаками: физическое лицо, возраст, вменяемость. В некоторых случаях, кроме указанных выше признаков, характеризующих субъект преступления, он может обладать дополнительными признаками, влияющими на квалификацию совершенного лицом деяния.

Признаки специального субъекта в конструкциях диспозиций довольно часто закрепляются в уголовно-правовых нормах, где устанавливаются дополнительные признаки субъекта, включая ответственность должностных лиц.

Однако, несмотря на указанные выше положения, в ряде случаев принятые законодательные решения следует признать юридически не вполне обоснованными с точки зрения законодательной техники, противоречащими правовой логике, что ставит их под сомнение. Все это в полной мере следует отнести к установлению уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации должностного лица.

В первоначальной редакции законодатель в УК РФ выделил две группы субъекта преступления: должностное лицо и лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации. Так, согласно примечаниям 1–4 к ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» законодатель сформулировал дефиниции должностного лица применительно к лицу, занимающему государственные должности Российской Федерации, занимающему государственные должности субъекта Российской Федерации, а также государственных служащих и служащих в органах местного самоуправления.

Одновременно с этим в примечании 1 к ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» дано определение лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой и иной организации. Такой подход в конструировании признаков специальных субъектов позволил четко провести их разграничение исходя из выполнения ими служебных обязанностей в различных юридических образованиях.

Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ законодатель включил в УК РФ ст. 274.2, в которой предусмотрел ответственность за нарушение порядка установки, эксплуатации и модернизации в сети связи, технических средств, противодействию угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования, либо несоблюдение технических условий их установки или требований к сетям связи при использовании указанных технических средств, совершенный *должностным лицом* (курсив наш. – А. П.) или *индивидуальным предпринимателем* (курсив наш. – А. П.), подвергнутыми административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 13.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». В примечании к ст. 274.2 УК РФ указывается, что «под должностным лицом в настоящей статье понимается лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации». В данном случае в примечании к ст. 274.2 УК РФ законодатель формулирует понятие должностного лица применительно к осуществлению выполняемой функции в коммерческой и иной организации, что противоречит ранее сформулированным положениям в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ под должностным лицом понимается лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию осуществляющее функции предста-

вителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие в Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Кроме того, оно противоречит и примечанию 1 к ст. 201 УК РФ, в котором говорится о том, что «лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, за исключением организаций, указанных в п. 1 примечаний к статье 285 настоящего Кодекса, либо в некоммерческой организации, не являющимся государственным органом, органом местного самоуправления либо государственным или муниципальным учреждением, признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лицо постоянно, временно либо по специальному полномочию, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях» [9].

Изложенное выше положение свидетельствует о допущенных юридико-технических ошибках в определении специального субъекта в указанных примечаниях. Примененный юридико-технический прием в конструировании общей и специальной уголовно-правовой нормы свидетельствует о том, что специальная норма (ст. 274.2 УК РФ) не может содержать меньше криминообразующих признаков, чем общая (ст. 285 УК РФ).

Кроме того, возникает определенное сомнение в установлении ответственности и их несоразмерности в исследуемых статьях. Так, за совершение деяния, указанного в ст. 274.2 УК РФ, предусматривается наказание до трех лет лишения свободы, а в ст. 285 УК РФ – до четырех лет свободы.

На сегодняшний день законодатель не определил, кто именно признается в них должностным лицом, а кто – выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Решить возникшую проблему, по нашему мнению, позволит проведение унификации указанных понятий, используемых в ст. 201, 285 и 274.2 УК РФ.

2. Проблемы использования терминологического инструментария. Законодатель в процессе правотворческой деятельности при конструировании криминообразующих признаков диспозиции статей гл. 28 использует разнообразный терминологический инструментарий.

Важным при этом является исключение как юридико-технических, так и сущностно-содержательных ошибок, направленных на реализацию принципа унификации правовых

норм, то есть приведение их к единой форме. В процессе унификации как юридико-технического приема в уголовном законе обеспечивается единообразие конструирования уголовно-правовых положений, их четкость и строгость в описании, логичность, что позволяет упростить их, уменьшить в объеме. Все это будет способствовать правильному его применению, устраним неоправданные случаи дифференциации [10, с. 19–20].

Однако, несмотря на очевидность и бесспорность данных положений и на предпринимаемые меры, законодателю не удалось избежать ошибок. Примером может служить конструирование криминообразующих признаков в процессе законотворческой деятельности уголовно-правовых норм гл. 28 УК РФ, в частности терминов иностранного происхождения, таких как «блокирование», «модификация», «инфраструктура» и др., которые требуют в процессе применения определенности, ясности, доступности понимания сущностно-содержательных признаков, закрепленных в них [11, с. 116].

Такой юридико-технический прием при описании признаков противоправных деяний создает определенные трудности при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации правоприменителем. При уяснении тех или иных многочисленных терминов, сущностно-содержательных признаков в конструкциях диспозиций у правоприменителя в процессе их реализации возникает потребность в их уяснении. Подтверждением этому могут служить понятия, их юридико-техническая характеристика, содержащиеся в статьях, определяющих ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру (ст. 274.1 УК РФ), нарушение правил централизованного управления техническими средствами, противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ). Например, «компьютерная программа», «несанкционированное уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации», «нейтрализация средств защиты компьютерной информации», «средства хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации», «критическая информационная инфраструктура Российской Федерации» и т. д.

Указанный правовой терминологический инструментарий законодателем по понятным причинам не определяется. По мнению некоторых ученых, правоприменитель вынужден обращаться к текстам комментариев к УК РФ, которые даются научными, практическими работниками, которые в большей своей части носят субъективный, порой и противоречивый, а в ряде случаев взаимоисключающий характер [12, с. 464]. Применение данного приема в конструировании не может служить улучшением понимания закона, повышением его качества и в конечном не усилит ее превентивную силу.

В этих условиях высшая судебная инстанция также не дает каких-либо толкований данных терминов, что в определенной степени влияет на качество и эффективность правоприменительной деятельности при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации.

Обращение к нормативно-правовым актам не решает возникающих проблем. В частности, используемая в них терминология в сфере информационных отношений унифицирована недостаточно, а в ряде случаев носит противоречивый характер. Так, в Федеральном законе от 27.06.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» законодатель в различных вариантах использует термин «информация»: это

сведения (сообщения, данные) независимо от форм их представления; «информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств»; информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Однако в уголовном законодательстве используемые криминообразующие признаки трактуются по-разному. Так, в ст. 280 и 282 УК РФ данный криминообразующий признак сформулирован как с «использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”», а в ст. 280.1 УК РФ – «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)» (выд. авт.). Примененный юридико-технический подход при формулировании криминообразующих признаков не только не свидетельствует о их единообразии, но и противоречит принципу унификации, что расширяет возможности его толкования в процессе правоприменительной деятельности.

Вызывают определенные затруднения толкование термина в использовании сети Интернет оборота в одном случае «в том числе», в другом «включая», что свидетельствует о лексических противоречиях. По мнению А. А. Бережного, во-первых, «в том числе» предполагает как наличие, так и отсутствие данного средства. «Включая» может указывать на его обязательное присутствие [13, с. 19]. Во-вторых, термин «электронные сети», примененный в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 280.1 УК РФ, не включен ни в основной квалифицированный состав ст. 282 УК РФ, ни в качестве квалифицированного состава ч. 2 ст. 280, ни в качестве основного и квалифицированного состава ст. 282 УК РФ.

Решение возникших внутриотраслевых коллизий видится в унификации формулировок, охватывающих все признаки характеризующих данное явление. Полагаем, что законодателю следует внести изменения в редакцию указанных статей и изложить ее аналогично имеющимся в ст. 280 УК РФ: с использованием средств массовой информации либо электронных или телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

В свою очередь в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646, определен термин «информационная инфраструктура» как совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети «Интернет» и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или используемых на основании международных договоров Российской Федерации.

Уголовный кодекс Российской Федерации при регламентации ответственности преступлений в сфере компьютерной информации использует понятие «информационно-телекоммуникационная сеть», сфера компьютерной информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов А. П. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации : учеб.-практ. пособие. Н. Новгород, 2007. С. 75.
2. Полный курс Уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 4. Преступления против общественной безопасности. 672 с.
3. Хасамова З. И. Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникативных технологий // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 117–120.

4. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. 490 с.
5. Летелкин Н. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сети «Интернет» : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 218 с.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» : федер. закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4743.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5227.
9. О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24.02.2021 № 16-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 9. Ст. 1463.
10. Кругликов Л. Л. Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. 310 с.
11. Кузнецов А. П. Бацин И. В. Негативные парадигмы конструирования норм главы 22 УК РФ // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 112–116.
12. Актуальные проблемы Особенной части Уголовного права : учеб. / отв. ред. И. А. Подройкина, С. И. Улеська. М., 2019. С. 464.
13. Бережной А. А. Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны в области противодействия преступлениям экстремистской направленности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 17–21.

REFERENCES

1. Kuznetsov A.P. *Otvetstvennost' za prestupleniya v sfere komp'yuternoi informatsii: ucheb.-prakt. posobie* [Responsibility for crimes in the field of computer information: textbook and practical guide]. Nizhny Novgorod, 2007. 127 p.
2. *Polnyi kurs Ugolovnogo prava: v 5 t. T. 4. Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti* [Complete course of criminal law: in 5 volumes. Volume 4. Crimes against public safety]. Ed. by Korobeev A.I. Saint Petersburg, 2008. 672 p.
3. Khasamova Z.I. On the specifics of qualifying crimes committed with the help of information and communication technologies. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2016, no. 1 (55), pp. 117–120. (In Russ.).
4. Petryanin A.V. *Kontseptual'nye osnovy protivodeistviya prestupleniyam ehkstremitstskoi napravlennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual foundations of countering extremist crimes: theoretical and applied research: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2015. 490 p.
5. Letelkin N.V. *Ugolovno-pravovoe protivodeistvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei, vklyuchaya seti "Internet": dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal law counteraction to crimes committed using information and telecommunication networks, including the Internet: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2018. 218 p.
6. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 420-FZ of December 7, 2011. In: *Sobr.*

- zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2011. No. 50. Art. 7,362. (In Russ.).
7. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the Adoption of the Federal Law "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation": Federal Law No. 194-FZ of July 26, 2017. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2017. No. 31 (Part I). Art. 4,743. (In Russ.).
8. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law No. 260-FZ of July 14, 2022. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2022. No. 29 (Part II). Art. 5,227. (In Russ.).
9. On Amendments to Articles 201 and 285 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 16-FZ of February 24, 2021. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 9. Art. 1,463. (In Russ.).
10. Kruglikov L.L., Smirnova L.E. *Unifikatsiya v ugolovnom prave* [Unification in criminal law]. Saint Petersburg, 2008. 310 p.
11. Kuznetsov A.P., Batsin I.V. Negative paradigms of designing of standards of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1 (29), pp. 112–116. (In Russ.).
12. *Aktual'nye problemy Osobennoi chasti Ugolovnogo prava: ucheb.* [Actual problems of the Special Part of Criminal Law: textbook]. Ed. by Podroikin I.A., Ules'k S.I. Moscow, 2019. 768 p.
13. Berezhnoi A.A. Information security as an object of criminal law protection in the field of countering extremist crimes. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of the 16th International Scientific and Practice Conference]. Moscow, 2019. Pp. 17–21. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЛА ВАЛЕРЬЕВНА ПЕЛЕВИНА – ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, allochka_90@bk.ru

ALLA V. PELEVINA – Assistant at the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Faculty of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, allochka_90@bk.ru

Статья поступила 05.10.2023

Научная статья

УДК 343.811

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.016

Некоторые проблемы предупреждения преступности в исправительных учреждениях

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ САВУШКИН

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

Аннотация. Достижение цели уголовно-исполнительного законодательства по предупреждению совершения осужденными преступлений в исправительных учреждениях возможно в условиях комплексного и всестороннего изучения ее причин и условий, а также анализа уровня латентной преступности. В статье поднимаются вопросы ведомственной категоризации преступлений, которая вступает в конфликт с категориями преступлений, установленными уголовным законодательством.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность; дифференциация осужденных; лишение свободы; причины преступности; особо учитываемые преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Савушкин С. М. Некоторые проблемы предупреждения преступности в исправительных учреждениях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (24). С 129–134. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.016.

Original article

Some Issues of Crime Prevention in Correctional Institutions

SERGEI M. SAVUSHKIN

The Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Tomsk, Russia, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

Abstract. Achieving the goal of penal legislation to prevent convicted persons from committing crimes in correctional institutions is possible in the context of a comprehensive study of its causes and conditions, as well as an analysis of the level of latent crime. The article raises issues of departmental categorization of crimes, which conflicts with the categories of crimes established by criminal law.

Key words: penitentiary crime; differentiation of convicts; deprivation of liberty; causes of crime; specially considered crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Savushkin S.M. Some issues of crime prevention in correctional institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 129–134. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.016.

Уголовно-исполнительное законодательство ставит своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. Исправление осужденных и оказание им помощи для последующей успешной ресоциализации невозможно в среде, в которой совершаются преступления, то есть в небезопасной пенитенциарной среде.

При исследовании проблем, связанных с предотвращением преступности, будем использовать понятие пенитенциарной преступности в узком смысле: это массовое, социально обусловленное, имеющее уголовно-правовой характер явление, представляющее собой совокупность всех совершенных в исправительных учреждениях осужденными преступлений за определенный период времени.

Предупреждение преступлений возможно только в условиях ясного представления уровня и структуры преступности в исправительных учреждениях. На сегодняшний день имеются факторы, которые не позволяют заниматься предупреждением преступности.

О наличии проблем в области правопорядка и законности в исправительных учреждениях можно судить на основании того, что в местах лишения свободы ежегодно совершаются такие преступления, как убийство, покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в том числе повлекшее смерть потерпевшего, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, приобретение и сбыт наркотических средств, побеги из мест лишения свободы, иные преступления.

В. А. Уткин отмечает усиление консолидации значительной части осужденных в их стремлении противодействовать законным требованиям администрации исправительных учреждений [1, с. 157]. А. В. Кудрявцев и Р. Н. Сучков отмечают, что структура пенитенциарной преступности представлена достаточно широким кругом преступных деяний, однако специфическое место в ней занимают так называемые особо учитываемые преступления. По их мнению, к таковым относится ряд преступлений в соответствии со статистикой ФСИН России. Также ими указывается на то, что данные преступления, с учетом специфики функционирования учреждений, представляют существенную угрозу для пенитенциарной безопасности. Именно поэтому они и отнесены к категории особо учитываемых [2, с. 76–77].

Мы не можем согласиться с авторами относительно причин отнесения таких преступлений к особо учитываемым. Данные преступления вызывают большой общественный резонанс или затрагивают граждан, общественное мнение которых влияет на оценку деятельности территориальных органов ФСИН России. Особо учитываемые преступления считаются таковыми не из-за ведомственной статистики, а по причине того, что они выступают одним из показателей рейтинговой оценки эффективности деятельности территориальных органов ФСИН России.

Мы придерживаемся точки зрения О. В. Прониной, которая отмечает, что повышенное внимание в деятельности исправительных учреждений уделяется предупреждению особо учитываемых преступлений. Проводимая работа, по ее мнению, позволяет удерживать стабильную оперативную обстановку в исправительных учреждениях, своевременно пресекать негативные процессы, происходящие в среде осужденных [3, с. 110]. Повышенное внимание должно уделяться профилактике любых преступлений, совершение которых воз-

можно в пенитенциарной среде, держать на контроле какую-то группу преступлений представляется не обоснованным.

К особо учитываемым относятся преступления, квалифицируемые по ст. 105, 111, 206, 313 (побег из под охраны), ч. 1, 2 ст. 212 УК РФ. Ранее к указанной группе относились преступления, которые квалифицировались по ст. 321 УК РФ. Необходимо отметить, что ст. 313 УК РФ особо учитывается по ведомственной классификации общественной опасности преступления.

Ведомственная классификация преступлений опасна тем, что в определенной мере игнорируется законодательная градация категорий преступлений, установленная уголовным законом. Деление преступлений по степени общественной опасности является монопольным правом законодателя. В определенной мере управляемость исправительного учреждения является более приоритетной задачей, нежели безопасность осужденных к лишению свободы, что не совсем верно.

Согласно директиве ФСИН России от 27.11.2023 № 01-90285 «О приоритетных направлениях деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2024 году» в течение 2023 г. в пенитенциарных учреждениях зарегистрировано 641 преступление (АППГ – 853). Допущено 24 особо учитываемых преступления (АППГ – 33). В отчетах о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях (2-УИС), за 2022 и 2023 гг. указаны другие цифры. В 2023 г. всего зарегистрировано 885 преступлений (АППГ – 1100), из которых особо учитываемых 29 (АППГ – 47). Статистика только по исправительным колониям тоже в большинстве случаев не совпадает с вышеприведенной в директиве. Так, в 2023 г. зарегистрировано 626 преступлений (АППГ – 820), из которых особо учитываемых 14 (АППГ – 33).

В уголовно-исполнительной системе вопросам борьбы с преступностью уделяется большое внимание. В 2023 г. в результате оперативно-розыскных мероприятий, проведенных учреждениями и органами ФСИН России во взаимодействии с подразделениями МВД России и ФСБ России, возбуждались уголовные дела по ст. 210.1 УК РФ в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, что является эффективным превентивным средством борьбы с неформальной классификацией осужденных.

А. С. Морозов отмечает, что на сегодняшний день заложены основы правоприменительной практики судов по привлечению к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Во всех без исключения проанализированных им приговорах судов по привлечению к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии указывалось на то, что лицо признано вором в законе, то есть лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Таким образом, судебная практика идет по пути отождествления данных понятий посредством ссылки на мнения экспертов, раскрывающих содержание понятийного аппарата и иных элементов криминальной субкультуры и криминальной стратификации [4, с. 363].

По мнению Н. Н. Кутакова и Д. Г. Метлина, система мер предупреждения преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания путем применения установленных мер воспитательного воздействия не является совершенной и в целом делает процесс исполнения наказания контрпродуктивным. Они указывают на то, что на практике сотрудникам приходится сталкиваться с игнорированием предъявляемых требований со стороны одних осужденных и открытым противостоянием со стороны других [5, с. 201].

Профилактическая работа с осужденными отрицательной направленности является одной из самых приоритетных в деятельности исправительных учреждений. Проводимая

работа позволила выявить 77 группировок осужденных отрицательной направленности, 48 из которых разобщены. Выявлено и поставлено на оперативный и профилактический учет 267 лидеров уголовно-преступной среды, из которых 90 утратили свой преступный авторитет.

В рамках работы по предупреждению противоправных намерений лидеров уголовно-преступной среды, связанных с распространением криминальной субкультуры и идеологии запрещенного международного общественного движения «АУЕ», к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ привлечено 637 лиц.

А. В. Агарков и А. А. Шиков отмечают, что в настоящее время оперативные подразделения ФСИН России и иных правоохранительных органов ведут активную работу по выявлению и пресечению деятельности членов многочисленных ячеек экстремистской организации «АУЕ» в местах лишения свободы [6, с. 79]. Проводимая работа способствует укреплению правопорядка, улучшению состояния дисциплины среди осужденных и стимулированию их правопослушного поведения.

Одной из последних проблем, которой необходимо уделить внимание в рамках проводимого исследования, является профилактика проникновений на территорию исправительных учреждений запрещенных предметов, которые оказывают влияние на уровень преступности. В. А. Шиханов, Ж. Е. Ермуханов отмечают, что в настоящее время вопросы незаконного поступления запрещенных предметов на территорию учреждений ФСИН России очень актуальны [7, с. 145].

Н. В. Румянцевым и Д. Ф. Костаревым был проанализированы статистические данные изъятия запрещенных предметов в исправительных учреждениях с 2017 по 2022 г. По результатам исследования отмечается ежегодное увеличение количества изымаемых запрещенных веществ и предметов. По их мнению, указанная тенденция связана с изменением криминологической характеристики осужденных в худшую сторону [8, с. 177]. В исправительных учреждениях увеличивается доля лиц, осужденных два и более раз за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Также осужденные знают особенности надзора, обладают навыками сокрытия запрещенных предметов, более конспиративны при организации незаконных действий. Центральным аппаратом ФСИН России регулярно анализируются причины сложившейся ситуации и ставятся задачи перед территориальными управлениями, в которых наблюдается неблагоприятная ситуация по указанному направлению деятельности, по профилактике преступности.

В целях эффективного функционирования уголовно-исполнительной системы необходимо установление групп основных показателей, отражающих в том числе информацию об уровне особо учитываемых преступлений в исправительных учреждениях. Статистические данные не дают полной картины преступности, хотя их анализ позволяет сделать определенные выводы о тенденциях в рассматриваемой сфере.

Для получения более полного представления об исследуемых явлениях необходимо учитывать уровень латентной преступности, которая обусловлена рядом обстоятельств субъективного и объективного характера, в частности влиянием на поведение осужденного норм, традиций криминального мира; спецификой деятельности исправительных учреждений, для которых цель работы – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как со стороны осужденных, так и иных лиц, что, в свою очередь, вынуждает к сокрытию от учета именно тех деяний, которые непосредственно посягают на установленный порядок исполнения наказания; существующей практикой оценки деятельности учреждений, которая поставлена в зависимость от количества зарегистрированных преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уткин В. А. «Концепция 2030» как идеология модернизации уголовно-исполнительной системы // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты : сб. материалов международ. научно-практ. конф. (Новосибирск, 23 мая 2019 г.). Новокузнецк, 2019. С. 156–158.
2. Кудрявцев А. В., Сучков Р. Н. Современные детерминанты совершения в учреждениях уголовно-исполнительной системы особо учитываемых преступлений и характеристики личности потерпевших и лиц, совершивших данные преступления // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 76–79.
3. Пронина О. В. Предотвращение особо учитываемых преступлений на территории исправительных учреждений как способ обеспечения личной безопасности осужденных // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 110–118.
4. Морозов А. С. Криминологический портрет лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: по результатам анализа вступивших в силу обвинительных приговоров суда по части 4 статьи 210 УК РФ и статьи 210.1 УК РФ // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 361–371.
5. Кутаков Н. Н., Метлин Д. Г. Воспитательное воздействие в системе профилактики противоправных действий осужденных в отношении сотрудников исправительных учреждений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (44). С. 198–206.
6. Агарков А. В., Шиков А. А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 77–86.
7. Шиханов В. А., Ермуханов Ж. Е. Оборот запрещенных предметов на режимных территориях уголовно-исполнительной системы: вопросы криминализации // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3 (29). С. 144–148.
8. Румянцев Н. В., Костарев Д. Ф. Деятельность сотрудников исправительных учреждений по профилактике незаконного оборота запрещенных предметов // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 3 (23). С. 173–183.

REFERENCES

1. Utkin V.A. "The concept of 2030" as the ideology of modernization of the penal system. In: *Razvitie ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: organizatsionnye, pravovye i ehkonomicheskie aspekty: sb. materialov mezhdanarod. nauchno-prakt. konf. (Novosibirsk, 23 maya 2019 g.)* [Development of the penal system: organizational, legal and economic aspects: collection of materials of the International scientific and practical conference (Novosibirsk, May 23, 2019)]. Novokuznetsk, 2019. Pp. 156–158. (in Russ.).
2. Kudryavtsev A.V., Suchkov R.N. Modern determinants of committing crimes of special concern in institutions of the penal system and personality characteristics of victims and persons who committed these crimes. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2020, no. 2 (55), pp. 76–79. (In Russ.).
3. Pronina O.V. Prevention of highly counted crimes in correctional territories as shrayons. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of DSU*, 2023, vol. 45, no. 1, pp. 110–118. (In Russ.).
4. Morozov A.S. Criminological portrait of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy: based on the results of the analysis of the court's convictions that have entered into force under Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 361–371. (In Russ.).
5. Kutakov N.N., Metlin D.G. Educational influence in the system of illegal acts prevention of

convicted inmates against correctional staff employees. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2022, no. 1 (44), pp. 198–206. (In Russ.).

6. Agarkov A.V., Shikov A.A. Recording investigation into activities of criminal leaders and AUE extremist organization members. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 77–86. (In Russ.).

7. Shikhanov V.A., Ermukhanov Zh.E. Turnover of prohibited items in the regime areas of the penal system: criminalization issues. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 3 (29), pp. 144–148. (In Russ.).

8. Rumyantsev N.V., Kostarev D.F. Activities of correctional officers to prevent illegal trafficking of prohibited items. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 3 (23), pp. 173–183. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ САВУШКИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, Томск, Россия, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

SERGEI M. SAVUSHKIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Tomsk, Russia, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

Статья поступила 04.03.2024

Научная статья

УДК 343.9

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.017

Содержание и значение криминалистической тактики в структуре криминалистического знания: терминологические аспекты

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ СВЕТЛИЧНЫЙ

Тульский государственный университет, Тула, Россия, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Аннотация. Статья посвящена анализу дискуссионных вопросов относительно использования в теории и на практике ключевых терминов – криминалистической тактики как раздела криминалистической науки. Рассматриваются вопросы формирования и развития криминалистической тактики, анализируются научные подходы к ее содержанию, терминологической составляющей, обозначаются дискуссионные вопросы, требующие дальнейшего осмысления и обсуждения. Опираясь на правила терминологии и принимая во внимание этимологию и генезис термина «тактика», обосновывается позиция о том, что уместность его использования находится в прямой зависимости от конкретной следственной ситуации, обусловленной прогностической и поисковой деятельностью следователя.

Ключевые слова: криминалистика; терминологический аппарат; методология науки; криминалистические знания; криминалистическая тактика; следователь; следственные действия; тактика следственных действий; организация и подготовка следственного действия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Светличный А. А. Содержание и значение криминалистической тактики в структуре криминалистического знания: терминологические аспекты // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 135–143. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.017.

Original article

Content and Significance of Forensic Tactics in the Structure of Forensic Knowledge: Terminological Aspects

ALEKSANDR A. SVETLICHNYI

Tula State University, Tula, Russia, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Abstract. The article analyzes controversial issues regarding the use and usage in theory and practice of key terms of forensic tactics as a branch of forensic science. The author studies issues of formation and development of forensic tactics, analyzes

approaches of leading forensic scientists to its content, terminological component, identifies controversial issues that require further reflection and discussion in the scientific community. Based on the rules of terminology and taking into account the etymology and genesis of the term “tactics”, the author substantiates his position that the appropriateness of its use is directly dependent on the specific investigative situation caused by the predictive and search activities of the investigator.

Keywords: criminology; terminological apparatus; methodology of science; forensic knowledge; forensic tactics; investigator; investigative actions; tactics of investigative actions; organization and preparation of investigative action.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Svetlichnyi A.A. Content and significance of forensic tactics in the structure of forensic knowledge: terminological aspects. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 135–143. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.017.

Каждая наука в результате длительного процесса ее формирования и развития приобретает свою терминологию и понятийно-категориальный аппарат, усвоение и использование которого выступают показателем профессионализма в той или иной области знания. С другой стороны, степень сформированности понятийно-категориального аппарата науки является первостепенным показателем, своеобразным индикатором, характеризующим ее качественное состояние на том или ином этапе развития. Анализируя язык науки, выступающий важнейшим элементом ее методологии, мы можем рассуждать о степени ее зрелости. В то же время наличие терминологических проблем говорит не только об имеющихся теоретических недостатках, но и способствует возникновению многих проблем в сфере практической деятельности, так как затрудняет процесс взаимопонимания субъектов, создает сложности при их взаимодействии.

Ученые-криминалисты всегда осознавали высокую степень значимости вопросов терминологии науки и уделяли данным проблемам повышенное внимание в своих работах. Например, отдельные вопросы языка криминалистики были предметом исследования О. Я. Баева, А. Р. Белкина, Т. С. Волчецкой, Н. П. Майлис, Т. В. Толстухиной и других ученых, заложивших и продолжающих развивать фундаментальные основы науки о раскрытии и расследовании преступлений.

Как следует из анализа исторических научных трудов о становлении криминалистики как самостоятельной науки [1, с. 43; 2, с. 496; 3, с. 140; 4, с. 153; 5, с. 131], ее терминологический аппарат развивался и совершенствовался параллельно со всей наукой в целом.

В то же время рассматривая современный понятийный аппарат криминалистики, крайне важно понимать, в каких условиях он формировался, что оказало влияние на его развитие и обусловило специфику генезиса. На наш взгляд, как мы отмечали ранее в своих работах, современная криминалистика, обладая своими предметом и объектом исследования и выступая самостоятельной областью знания, первоначальное развитие получила на основе и под непосредственным влиянием и воздействием различных наук уголовно-правового цикла, в том числе уголовного сыска (в дальнейшем – уголовного процесса и уголовного розыска), уголовного права и др. [6, с. 71]. Именно поэтому и в наше время периодически возникают терминологические проблемы в отношении, например, криминалистического учения о розыске. Так, в 1920-е гг. некоторые ученые рассуждали о том, что розыск, преследование и задержание преступника, а также розыск предметов, добытых

преступным путем, относятся исключительно к проблемам уголовной (криминалистической) тактики [7, с. 21].

Анализ последующих исторических аспектов развития криминалистики показывает, что появление в ней новых направлений всегда выступало своеобразным импульсом для развития ее языка. При этом, как справедливо отмечают ученые, появление нового категориального аппарата связано не только с научно-техническим прогрессом, но и с расширением и развитием собственно криминалистического научного знания, что, в свою очередь, говорит о постоянных эволюционных процессах в криминалистике [8–10].

Другим фактором, оказавшим существенное влияние на формирование терминологического аппарата криминалистики, послужило то обстоятельство, что она всегда для решения своих частных задач и внесения весомого вклада в достижение общей цели всех уголовно-правовых наук – противодействия преступности – брала на вооружение необходимые для этого разработки естественных, технических, экономических и иных наук. В настоящее время интеграционность происходящих в криминалистике процессов не вызывает сомнений [6; 10–12]. Безусловно, заимствования современных достижений науки, техники, искусства и ремесла и внедрение их в деятельность следователя или дознавателя приносят пользу при поиске, фиксации и изъятии необходимой доказательственной информации, способствуют формированию максимально полной доказательственной базы. Однако интеграционность криминалистики не всегда позитивно отражается на ее терминологическом аппарате. Далекое не все заимствования терминов происходят с учетом правил терминологии. Это создает определенные сложности и требует активного обсуждения в научном сообществе с целью выработки гармоничных решений данных методологических проблем.

Одним из примеров интеграции в криминалистику термина из области других наук является термин «тактика», который в настоящее время настолько удачно вошел в оборот теории раскрытия и расследования преступлений и в сферу практического применения, что его использование почти не вызывает ни у кого вопросов. Данный термин лежит в основе множества уже чисто криминалистических терминологических образований, например «тактика следственных действий», «тактический прием», «тактическая комбинация», «тактическое решение» и др. Более того, один из основополагающих разделов криминалистики – криминалистическая тактика – также содержит в своем названии этот термин.

Проведенный нами анализ учебников, монографий, статей и иных научных работ по криминалистике последних лет убедительно доказывает, что в подавляющем большинстве научных изысканий ученые при выработке рекомендаций по тому или иному следственному действию неизменно используют термин «тактика»: «тактика осмотра места происшествия», «тактика обыска или выемка», «тактика следственного эксперимента», «тактика допроса», «тактика проверки показаний на месте», «тактика предъявления для опознания» [13–18] и др. При этом мало кто принимает во внимание ту или иную следственную ситуацию, ставит этот вопрос в зависимость от прогностической и поисковой деятельности следователя или дознавателя.

Однако, если обратиться к истории возникновения данного термина, введения его в научный оборот, все становится не так однозначно и очевидно, возникают справедливые вопросы об уместности его употребления.

Обратимся к этимологии и значению термина «тактика». Согласно этимологическим словарям, слово происходит от др.-греч. *такτικός* – относящийся к построению войска, от *τάξις* – построение, расположение [19]. В французском языке (от *taxis* «строй») обозна-

чало «строевое искусство» [20]. Учитывая моду в Российском государстве XVII–XVIII вв. на французский язык, термин, как и многие другие, перекочевал в русский язык, где также стал активно употребляться, но преимущественно в сфере военного искусства. В частности, на первоначальном этапе употребления слово «тактика» использовалось для обозначения отдельной отрасли военной науки, которая занимала второстепенное положение по отношению к стратегии и оперативному искусству. Тактика предлагала изучение сущности боя, способов его ведения, выделение разнообразных закономерностей, на основе которых вырабатывались соответствующие рекомендации.

Спустя несколько десятилетий благодаря благозвучности, деривативности, способности к образованию терминологических единиц и другим положительным терминологическим признакам, способствующим интеграции термина в другие области знания, термин «тактика» вышел за пределы военного искусства и стал активно проникать в иные сферы. Неизменным осталось лишь то, что было присуще ему изначально: его употребление всегда обозначало соперничество, противоборство двух и более сторон (например, шахматная тактика, политическая тактика и др.).

Исходя из сказанного не сложно понять, почему термин «тактика» так легко вошел в сферу криминалистического знания, где элементам противоборства уделяется центральное значение, и весьма прочно укоренился в его терминологическом аппарате. Сам предмет криминалистики заключается в изучении закономерностей возникновения следов при совершении преступления, механизма преступлений, информации о нем, закономерностей собирания, исследования, анализа и использования доказательств, что способствует не только установлению или изобличению личности преступника, формированию доказательственной базы для дальнейшего привлечения виновных к уголовной ответственности, но и направлено на противодействие и борьбу с преступностью в целом.

Впервые термин «тактика» для рассмотрения вопросов и выработки рекомендаций при расследовании преступлений, то есть в криминалистической науке, был использован немецким ученым Л. Вейнгардом. На первых страницах изданной в начале XX в. в России его научной работе «Уголовная тактика» была такая фраза: «Цель этой книги – дать руководство к составлению планов (расследования) и их выполнению. Она имеет в виду дать криминалисту то, что дает военному стратегия и тактика. Поэтому я и назвал ее «уголовная тактика» [21, с. 5].

Это положило начало научным разработкам и рекомендациям по криминалистической тактике в рамках отдельной области знания, а в дальнейшем – самостоятельного раздела криминалистики.

Отметим, что уже на первоначальном этапе использования термина «тактика» в криминалистике позиции ученых относительно его места, значения и, главное, содержания довольно часто менялись. Например, А. Н. Васильев под тактикой предлагал понимать метод действия в расследовании для достижения цели, рассчитанный на оптимальный эффект при относительно минимальной затрате времени и сил [22, с. 250]. И. Вакарелски, В. Гуткунет, Е. У. Зицер в содержание тактики включали в основном способы и приемы следственных действий. А. Вайнгарт, И. Н. Якимов понимали тактику несколько шире и помимо приемов производства отдельных действий при расследовании преступлений включали в нее характеристику преступника, тайные способы общения преступников, классификацию способов совершения преступлений.

Проанализировав труды отечественных криминалистов до середины прошлого столетия, мы пришли к выводу, что криминалистическая тактика рассматривалась как часть кри-

миналистического знания, предметом исследования которой выступали, с одной стороны, отдельные аспекты организации следственной деятельности, с другой – общие положения частных методик расследования преступлений. Это было вызвано тем обстоятельством, что стали активно разрабатываться частные методики расследования преступлений, а их теоретические основы оставались в пределах сферы криминалистической тактики.

Однако в начале 1950-х гг. мнение ученых по данному вопросу несколько поменялось. На наш взгляд, связано это, прежде всего, с формированием теоретической части криминалистической методики расследования преступлений. Благодаря этому аспекту криминалистическая тактика трансформировалась в самостоятельный раздел, предметом исследования которого стали только элементы следственной деятельности.

Традиционным стало понимание криминалистической тактики, предложенное Р. С. Белкиным и Е. М. Лифшицом: это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, и приемов проведения отдельных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений [23, с. 3].

В настоящее время криминалистическая тактика как общая система расследования преступлений занимает центральное место в криминалистике. Ввиду отсутствия общепринятого определения понятия «криминалистическая тактика» в научной литературе ведутся дискуссии в отношении ее роли в системе научного знания, толкования ее целей, структуры и задач.

Тем не менее в современных научных исследованиях доминирует мнение о роли криминалистической тактики как определенной системы рекомендаций о целесообразности применения того или иного приема в процессе расследования преступления.

Содержательную характеристику криминалистической тактике можно найти в определении И. О. Тюниса: «Это раздел криминалистики, представляющий собой систему научных положений и разработанных на их основе рекомендаций по организации и планированию расследования и судебного разбирательства, определению поведения лиц, осуществляющих доказывание, а также проведению отдельных следственных действий» [24, с. 11].

Как полагает В. Я. Карлов, криминалистическая тактика – это «система научных положений и рекомендаций по организации и планированию расследования и тактике проведения отдельных следственных действий, направленных на собирание и исследование доказательств по уголовным делам» [25, с. 3].

По обоснованному мнению Б.В. Ширшова, в содержательной части криминалистической тактики можно выделить несколько ее основных задач: разработка рекомендаций по организации, планированию расследования и проверке следственных версий; разработка тактических приемов подготовки и реализации тактических операций, а также отдельных следственных (судебных) действий; разработка рекомендаций применения специальных знаний при производстве следственных и судебных действий.

Заслуживает внимание позиция А. А. Бессонова, подчеркивающего, что суть содержания криминалистической тактики отражается во взаимосвязи с другими разделами криминалистики, прежде всего, криминалистической техникой и криминалистической методикой [26, с. 112]. Мы полностью поддерживаем точку зрения, что разработка наиболее эффективных тактических приемов и комбинаций должна происходить только на основе тесной интеграции криминалистических знаний всех разделов криминалистики.

Интересный взгляд на значение и содержание криминалистической тактики у В. Ю. Шепитько. Указанный автор вполне справедливо предлагает разграничивать такие понятия, как «тактика следственного действия» и «организация следственного действия». Так, например, выбор порядка проведения, например, обыска (последовательный, параллельный, встречный) не следует, по его мнению, относить к тактическим, его необходимо расценивать как порядок организации следственного действия [27, с. 10].

На наш взгляд, это абсолютно правильная позиция, корреспондирующая с этимологией и первоначальным смыслом и содержанием термина «тактика». Однако здесь стоит отметить, что провести четкие разграничения между «тактикой» и «организацией» довольно сложно. Как, например, расценивать организацию проведения тактической операции, необходимость которой возникает непосредственно в процессе этой тактической операции и организовать ее заранее было невозможно? Тем не менее, на наш взгляд, вполне логично разграничивать организацию расследования (планирование расследования, организация отдельных следственных действий и подготовка к ним; организация всего расследования в целом) от тактики проведения следственных действий. Однако, учитывая, что сделать это не всегда просто, тактика выполнения следственных действий и их организация должны обосновываться конкретной сложившейся следственной ситуацией.

Отдельного внимания заслуживает вопрос обоснованности использования термина «тактика» при выработке рекомендаций по проведению следственных действий. Мы полагаем, что его употребление будет уместно только лишь в тех случаях, когда в сложившийся момент расследования следственной ситуации присутствует элемент противоборства, который и будет обязывать следователя разрабатывать тактическую линию его поведения для получения максимально возможной доказательственной информации.

Исходя из этого получается, что, например, рекомендации по проведению допроса в бесконфликтной ситуации, когда следователь получает искренние признательные показания, будут вовсе не «тактическими». Или также некорректно употреблять термин «тактика» при описании линии поведения следователя, когда происходит обыск в отсутствие стороннего противодействия.

Поясним, что это вовсе не означает, что в указанных выше примерах не следует разрабатывать рекомендации для следователя для повышения эффективности производства следственных действий, они также нужны и важны, более того, могут быть весьма разнообразны в зависимости от конкретной сложившейся следственной ситуации. И в разделе «криминалистическая тактика» этим вопросам также уделяется внимание, ибо отсутствие разработанных в теории должных рекомендаций может привести к уничтожению или потере доказательственной информации (следователь на обеспечил сохранность имеющихся следов на месте преступления и они были повреждены дождем/снегом/ветром) либо признанию судом полученных доказательств недопустимыми (не было заранее обеспечено участие понятых, а в момент проведения следственного действия их не удалось найти из-за отдаленности места происшествия/позднего времени и т. д.).

Полагаем, что в описанных выше примерах корректнее использование терминов «организация» либо «подготовка».

Таким образом, в настоящее время важность криминалистической тактики как раздела криминалистики не вызывает сомнения. Это одна из важнейших ее составляющих, гармоничное сочетание которой с другими разделами науки обеспечивает выработку должных рекомендаций, направленных на повышение эффективности раскрытия и расследования

преступлений. Вместе с тем криминалистическая тактика не лишена ряда методологических проблем и противоречий, связанных с ее содержанием, терминологической составляющей, решение которых требует вынесения их в сферу научного обсуждения для последующей выработки гармоничных решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокун П. В., Журавлева О. С. История развития криминалистики в России // Эпоха науки. 2018. № 13. С. 40–44.
2. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. 486 с.
3. Никифоров В. Г. История развития криминалистики // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 140–141.
4. Чельшев А. И. История становления отечественной криминалистики // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1. С. 152–155.
5. Вытовтова Н. И. История развития методологии криминалистики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 130–133.
6. Светличный А. А. Генезис и некоторые современные тенденции формирования терминологического аппарата криминалистики // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 2 (53). С. 69–74.
7. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 2003. 496 с.
8. Балалаева М. В. Теоретические вопросы криминалистической экспертологии и практические аспекты ее реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 535–537.
9. Белицкий В. Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 9–15.
10. Светличный А. А. Интеграция научных знаний как фактор унификации и оптимизации формирования единой терминоведческой системы дисциплин уголовно-правового блока // Юридическое образование и наука. 2022. № 3. С. 36–41.
11. Светличный А. А. Интегрирование терминологических моделей смежных дисциплин уголовно-правового блока в единую терминологическую систему // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 2 (59). С. 146–150.
12. Светличный А. А. Современные интеграционные процессы терминологического аппарата уголовно-правовых наук // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 102–113.
13. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 980 с.
14. Галимханов А. Б. Тактика допроса несовершеннолетнего обвиняемого с участием защитника // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию проф. Л. Л. Каневского. Уфа, 2019. С. 118–121.
15. Буланова К. Э., Гареева Э. Р. Тактика осмотра трупа на месте его обнаружения // Аллея науки. 2017. Т. 4, № 9. С. 682–685.
16. Ваньков Е. И. Тактика производства проверки показаний на месте // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посв. 50-летию Всерос. гос. ун.-та юстиции. Казань, 2020. С. 68–74.
17. Мазанова А. Д. Тактика предъявления для опознания // Вестник современных исследований. 2018. № 8.4 (23). С. 205–207.
18. Зварич А., Драганчук Е. Тактика контроля и записи переговоров: актуальные вопросы теории и практики // Бюллетень инновационных технологий. 2018. Т. 2, № 1 (5). С. 20–23.

19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М., Т. 4. 2009. 861 с.
20. Шанский Н. М. , Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2004. 398 с.
21. Вейнгард Л. Уголовная тактика. Овруч, 1910. 463 с.
22. Васильев А. Н. Криминалистика. Следственная тактика (общие положения). М., 1971. 462 с.
23. Белкин Р. С., Лифшиц Е. М. Тактика следственных действий. М., 1997. 176 с.
24. Тюнис И. О. Криминалистика : учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 220 с.
25. Карлов В. Я. Криминалистическая тактика : учеб. пособие для бакалавров. М., 2013. 182 с.
26. Бессонов А. А. Криминалистическая тактика : учеб. М., 2015. 199 с.
27. Шепитько В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. Харьков, 1995. 200 с.

REFERENCES

1. Sorokun P.V., Zhuravleva O.S. The development of legal education in Russia. *Epokha nauki = Age of Science*, 2018, no. 13, pp. 40–44. (In Russ.).
2. Belkin R.S. *Istoriya otechestvennoi kriminalistiki* [History of domestic criminology]. Moscow, 1999. 486 p.
3. Nikiforov V.G. History of criminology development. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 4, pp. 140–141. (In Russ.).
4. Chelyshev A.I. History of the formation of Russian criminology. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2006, no. 1, pp. 152–155. (In Russ.).
5. Vytovtova N.I. History of the development of criminology methodology. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, 2004, no. 3, pp. 130–133. (In Russ.).
6. Svetlichnyi A.A. Genesis and some modern trends in the formation of the terminological apparatus of criminology. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2023, no. 2 (53), pp. 69–74. (In Russ.).
7. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovolnoi tekhnike i taktike* [Criminalistics. Handbook of criminal technique and tactics]. Moscow, 2003. 496 p.
8. Balalaeva M.V. Theoretical issues of forensic expert science and practical aspects of its implementation in law-making and law enforcement activities. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2022, no. 16, pp. 535–537. (In Russ.).
9. Belitskii V.Yu. Conceptual and categorical apparatus of forensic science. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2020, no. 1 (13), pp. 9–15. (In Russ.).
10. Svetlichnyi A.A. Integration of scientific knowledge as a factor of unification and optimization of the establishment of the unified terminology science system of criminal law disciplines. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*, 2022, no. 3, pp. 36–41. (In Russ.).
11. Svetlichnyi A.A. Integration of terminological models of related disciplines of the criminal law block into a unified terminological system. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*, 2022, no. 2 (59), pp. 146–150. (In Russ.).
12. Svetlichnyi A.A. Modern integration processes of the terminological apparatus of criminal law sciences. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya Tula State University*, 2022, no. 1, pp. 102–113. (In Russ.).

13. *Kriminalistika: ucheb. dlya vuzov* [Criminalistics: study manual]. Ed. by Belkin R.S. Moscow, 2005. 980 p. (In Russ.).
14. Galimkhanov A.B. Tactics of interrogation of a minor accused with the participation of a defender. In: *Kriminalisticheskie problemy ehffektivnosti bor'by s prestupnost'yu i inymi pravonarusheniyami sredi molodezhi: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 95-letiyu prof. L.L. Kanevskogo* [Forensic problems of the effectiveness of combating crime and other offenses among young people: materials of the international scientific and practical conference, dedicated to the 95th anniversary of Prof. L.L. Kanevskii]. Ufa, 2019. Pp. 118–121. (In Russ.).
15. Bulanova K.E., Gareeva E.R. Tactics of examining a corpse at the place of its discovery. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2017, vol. 4, no. 9, pp. 682–685. (In Russ.).
16. Van'kov E.I. Tactics of on-site verification of testimony. In: *Gosudarstvo i obshchestvo: aktual'nye voprosy vzaimodeistviya: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf., posv. 50-letiyu Vseros. gos. un. yustitsii* [State and society: topical issues of interaction: materials of the II All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the All-Russian State University of Justice]. Kazan, 2020. Pp. 68–74. (In Russ.).
17. Mazanova A.D. Tactics of presentation for identification. *Vestnik sovremennykh issledovaniy = Bulletin of Modern Research*, 2018, no. 8 (23), pp. 205–207. (In Russ.).
18. Zvarich A., Draganchuk E. Tactics of control and recording negotiations: topical questions of theory and practice. *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii = Bulletin of Innovative Technologies*, 2018, vol. 2, no. 1 (5), pp. 20–23. (In Russ.).
19. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Volume 4]. Moscow, 2009. 861 p.
20. Shanskii N.M., Bobrova T.A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov* [School etymological dictionary of the Russian language. Origin of words]. Moscow, 2004. 398 p.
21. Weingard L. *Ugolovnaya taktika. Ovruch* [Criminal tactics. Ovruch]. 1910. 463 p.
22. Vasil'ev A.N. *Kriminalistika. Sledstvennaya taktika (obshchie polozheniya)* [Criminalistics. Investigative tactics (general provisions)]. Moscow, 1971. 462 p.
23. Belkin R.S., Lifshits E.M. *Taktika sledstvennykh deistvii* [Tactics of investigative actions]. Moscow, 1997. 176 p.
24. Tyunis I.O. *Kriminalistika: ucheb. posobie* [Criminalistics: study manual]. Moscow, 2020. 220 p.
25. Karlov V.Ya. *Kriminalisticheskaya taktika: ucheb. posobie dlya bakalavrov* [Criminalistic tactics study manual for bachelors]. Moscow, 2013. 182 p.
26. Bessonov A.A. *Kriminalisticheskaya taktika: ucheb.* [Criminalistic tactics: textbook]. Moscow, 2015. 199 p.
27. Shepit'ko V.Yu. *Teoreticheskie problemy sistematizatsii takticheskikh priemov v kriminalistike* [Theoretical problems of systematization of tactical techniques in criminology]. Kharkov, 1995. 200 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ СВЕТЛИЧНЫЙ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета, Тула, Россия, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

ALEKSANDR A. SVETLICHNYI – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Forensic Examination and Customs Affairs of the Tula State University, Tula, Russia, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Статья поступила 13.11.2023

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.018

Теоретическая характеристика оценочных понятий в уголовном праве

ЯНА МАКСИМОВНА ХАЛЕЗОВА

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
ykhalezova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается одно из средств юридической техники – оценочные понятия в уголовном праве, дается их теоретическая характеристика, делается вывод о том, что существование оценочных понятий в уголовном праве объективно и необходимо, однако наблюдается потребность в выработке универсального стандарта их законодательного закрепления и интерпретации.

Ключевые слова: уголовное право; юридическая техника; оценочные понятия; оценочные категории.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Халезова Я. М. Теоретическая характеристика оценочных понятий в уголовном праве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 144–151. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.018.

Original article

Theoretical Characteristics of Evaluative Concepts in Criminal Law

YANA M. KHALEZOVA

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, ykhalezova@bk.ru

Abstract. The article considers one of the means of legal technique – evaluative concepts in criminal law, gives their theoretical characteristics, concludes that the existence of evaluative concepts in criminal law is objective and necessary, however, there is a need to develop a universal standard for their legislative consolidation and interpretation.

Keywords: criminal law; legal technique; evaluative concepts; evaluative categories.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Khalezova Ya.M. Theoretical characteristics of evaluative concepts in criminal law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 144–151. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.018.

Наивысшая степень эффективности уголовного законодательства будет достигнута лишь тогда, когда все его нормы будут способны должным образом обеспечивать функционирование процессов, протекающих в обществе. Однако ввиду многогранности и динамичности социальной жизни формализовать весь объем подлежащих регулированию общественных отношений объективно не представляется возможным. По этой причине законодатель при конструировании норм Уголовного кодекса Российской Федерации обращается к одному из приемов юридической техники – к оценочным понятиям.

В юридической науке и практике единого представления об определении оценочных понятий, их роли и месте в механизме правового регулирования, в том числе уголовно-правового, до сих пор не сложилось.

Проблема оценочных понятий затрагивалась еще в дореволюционных трудах классиков наук криминального цикла (Н. С. Таганцева, П. И. Люблинского, Я. М. Фойницкого, Н. А. Неклюдова, С. В. Познышева и др.), которые не только вносили предложения по их уточнению, но и нередко критиковали законодателя за использование тех или иных оценочных формулировок. К сожалению, ими не было выработано комплексного подхода к их определению, признакам, видам, функциям и т. д.

В числе первых, кто системно подошел к изучению оценочных понятий в общей теории права, был профессор С. И. Вильнянский [1, с. 13–14], а в области уголовного права – Я. М. Брагинин [2, с. 63], В. Н. Кудрявцев [3, с. 120–129], М. И. Ковалев [4], А. В. Наумов [5, с. 97], Е. А. Фролов [6, с. 45–46], Н. Ф. Кузнецова [7], чьи идеи до сих пор представляют научную ценность. При этом в трудах упомянутых авторов имеются лишь общие представления об оценочных понятиях, требующие более детального осмысления.

Так, например, Я. М. Брагинин оценочными именовал понятия, «законодателем не определенные и конкретизируемые непосредственно при применении уголовного закона» [2, с. 63].

Академик В. Н. Кудрявцев, исследуя вопросы квалификации преступлений, частично затрагивал проблемы толкования оценочных понятий, определение содержания которых связывал с устоявшимися юридическими знаниями лиц, применяющих закон [8, с. 143].

М. И. Ковалев берет за основу утверждение о том, что оценочными можно считать категории, отражающие позицию интерпретатора [4, с. 70]. Согласно выведенной им юридико-технической формуле, «чем абстрактнее описаны действия... тем конкретнее должны быть указаны последствия этих действий. И наоборот!» [4, с. 73]. Необходимо отметить, что подобная формула большинством исследователей расценивается как универсальная.

Фундаментальными исследованиями доктрины советского уголовного права, посвященными оценочным понятиям, являются две монографические работы В. В. Питецкого [9] и С. Д. Шапченко [10].

Как отмечает В. В. Питецкий, к оценочным стоит относить признаки, позволяющие на законодательном уровне охватить достаточно значительный по объему круг правовых явлений, за счет того, что их содержание формулируется исходя из правосознания юриста [11, с. 12].

С. Д. Шапченко в своем диссертационном исследовании приходит к выводу, что это некие общие представления, необходимые законодателю для предоставления право-

применителю возможности самостоятельно регулировать общественные отношения [10, с. 12].

В конце XX в. в трудах В. П. Махоткина [12], Н. Г. Иванова [13], Т. В. Кленовой [4, с. 20–23] и Б. А. Миренского [15, с. 34] были затронуты вопросы, касающиеся теории и практики применения оценочных понятий в уголовном праве.

В начале 2000-х гг. научный интерес к данной теме значительно усилился, появились работы Н. А. Лопашенко [16], К. К. Панько [17, с. 300], Е. В. Кобзевой [18], А. А. Малиновского [19]. В понимании последнего оценочные категории есть результат обобщения правовой действительности, выраженный в общих чертах в законодательстве [19].

Б. Н. Коробец полагал, что оценочные понятия имеют неопределенное содержание для того, чтобы правоприменитель на основе оценки фактических обстоятельств преступного деяния мог самостоятельно их конкретизировать [20, с. 9].

Нельзя не упомянуть об ученых, изучавших общетеоретические аспекты законодательного существования оценочных понятий, таких как В. М. Баранов, В. А. Толстик [21, с. 156–183], С. И. Вильнянский [1], Т. В. Кашанина [22], А. Ф. Черданцев [23, с. 192] и др.

Существенный вклад в исследование рассматриваемой категории сделан Т. В. Кашаниной, которая придерживается позиции, что это предписания законодателя, обобщающие типичные свойства правовых реалий, детально им не разъясняемые, а конкретизируемые должностными лицами непосредственно в процессе применения права [22, с. 8].

По мнению профессора В. А. Толстика, под оценочными понимаются термины, характеризующие общие свойства абстрактных явлений правовой действительности на усмотрение интерпретатора [21, с. 167–168].

Проанализировав приведенные дефиниции, мы приходим к выводу о том, что несмотря на разнообразные формулировки оценочных понятий понимание их авторами во многом схоже, что позволяет выделить их конкретные признаки в уголовном праве:

- неконкретизированность в законе или ином нормативно-правовом акте;
 - определимость их содержания правоприменителем исходя из конкретных обстоятельств дела;
 - относительная свобода усмотрения их содержания лицом, применяющим закон;
 - отражение не предмета в его целостности, а свойств или отношений этого предмета.
- Приведем краткую характеристику каждого из признаков.

Неконкретизированность в законе или ином нормативно-правовом акте. На эту специфическую черту указывает большинство исследователей (Я. М. Брайнин, А. В. Наумов, А. А. Малиновский, Н. А. Лопашенко). Ее суть заключается в том, что законодатель не всегда способен однозначно описать признаки того или иного предмета, процесса или явления, что связано со сложностью, динамичностью и многообразием регулируемых общественных отношений. Все это обуславливает законодательную неопределенность, выражающуюся как в полном отсутствии составляющих содержание оценочного понятия признаков (например, аморальность ст. 61, 107, 113 УК РФ), так и в частичном, но не исчерпывающем перечислении их свойств (например, иные действия сексуального характера ст. 132–133 УК РФ) [24, с. 95]. По этой причине законодатель наделяет субъекта правоприменения некой самостоятельностью при выборе содержания оценочного понятия с учетом фактических обстоятельств дела.

Исходя из вышеизложенного вытекает следующий признак оценочных понятий, заключающийся в том, что их содержание определяется правоприменителем исходя из конкретных обстоятельств дела. Специфика уголовно-правовых норм с оценочными признаками

состоит в том, что решающим выводом об их содержании наделяется лицо, применяющее такую норму, с учетом всех предшествующих конкретному событию обстоятельств. Речь идет об объективных и субъективных началах толкования норм. Поэтому весьма кстати замечание В. Н. Кудрявцева, высказавшего мысль о том, что «усмотрение правоприменителя объективно по природе, так как зависит от фактических обстоятельств дела, и субъективно по характеру отражения реальных фактов в сознании должностных лиц» [3, с. 122].

Третий признак, относящийся к исследуемой категории, заключается в наличии относительной свободы усмотрения ее содержания лицом, применяющим закон. Он выражается в установленной законом автономности правоприменителя, соединенной с уровнем его правосознания и системой профессиональных ценностей, определяющей его отношение к каждому конкретному делу [25, с. 94].

Помимо вышеперечисленных признаков Е. В. Кобзева выделяет еще один – отражение не предмета в его целостности, а свойств или отношений этого предмета [24, с. 96]. Она полагает, что оценочное понятие отражает не само общественно опасное деяние, а какую-либо его внутреннюю характеристику, черту (например, аморальный, систематичный и т. д.) [24, с. 96].

Стоит также сказать о том, что до сих пор в юридической литературе не сложилось однозначного подхода к сущности и эффективности использования оценочных понятий в уголовном праве. По мнению профессора П. И. Люблинского, в кодекс не должны вводиться неопределенные и расплывчатые понятия [26, с. 15].

С. С. Тихонова, высказывая свое мнение по данному поводу, полагает, что подобный оценочно-правовой подход к содержанию уголовно-правовых предписаний на практике способен превратиться в произвол [27, с. 98]. М. П. Пронина, например, считает, что перенасыщение права оценочными категориями является барьером как в восстановлении нарушенных прав, так и в их реализации [28, с. 188]. Т. А. Лесниевски-Костарева разделяет перечисленные мнения и выступает за полный отказ от употребления оценочных понятий при конструкции уголовно-правовых норм [29, с. 304]. Ряд специалистов, напротив, относятся к сторонникам существования оценочных категорий в праве. По мнению Т. В. Кашаниной, это своего рода амортизаторы в праве, позволяющие регулировать конкретную ситуацию с учетом ее особенностей [22].

Нельзя согласиться с категоричным отказом ряда исследователей от использования оценочных понятий в уголовном законе, поскольку их существование обуславливается самим ходом общественного бытия. Стремительно развивающиеся общественные отношения, преступные проявления всегда находятся на шаг впереди законодателя, не обладающего возможностью незамедлительно по ряду объективных причин реагировать на них. В этой связи применение в уголовном законе оценочных понятий является одним из способов минимизации подобных ситуаций, способствующим оперативному воздействию на уголовно-правовые отношения без законодательной санкции [30, с. 101].

По мнению В. В. Питецкого, использование оценочных понятий в уголовном праве следует связывать с наличием в общественной жизни большого количества многообразных явлений, требующих уголовно-правового опосредования, обеспечивающегося за счет использования, при формулировании уголовно-правовых норм, оценочных понятий. Кроме того, указывает В. В. Питецкий, прогностические возможности правотворческих органов, связанные с предвидением развития преступности, сильно ограничены. Это препятствие преодолевается различными средствами, среди которых наиболее продуктивными предстают оценочные понятия [9, с. 9].

Законодатель не должен и не может формализовать все признаки состава преступления и понятия, связанные с условиями его применения, эту задачу как раз таки и решают оценочные категории [31, с. 95].

В заключение отметим, что существование оценочных понятий в уголовном праве объективно и необходимо. Однако их применение в законодательстве должно отвечать требованию целесообразности, при формулировании уголовно-правовых положений их необходимо использовать только тогда, когда без них невозможно обойтись. Чрезмерное количество оценочных понятий может повлечь за собой произвол в виде усмотрения правоприменителя, что недопустимо в правовом государстве. С другой стороны, они делают нормы гибкими и динамичными, расширяют сферу их действия. Следует согласиться с мнением профессора Т. В. Кленовой о том, что усилия научного сообщества должны быть направлены не на обоснование необходимости увеличения (уменьшения) оценочных понятий, а на определение правил их применения и толкования [31, с. 95], выработку универсального стандарта их интерпретации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вильнянский С. И. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института, Вып. 7. Харьков, 1956. С. 3–18.
2. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. 240 с.
3. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. 324 с.
4. Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 68–74.
5. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. 176 с.
6. Фролов Е. А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы уголовного права и криминологии : сб. науч. тр. Свердловск, 1973. 226 с.
7. Кузнецова Н. Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и языка закона // Социалистическая законность. 1973. № 9. С. 29–33.
8. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. 301 с.
9. Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. 16 с.
10. Шапченко С. Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988. 24 с.
11. Питецкий В. В. Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства // Советская юстиция. 1991. № 2. С. 12–13.
12. Махоткин В. П. Оценочные понятия в уголовном праве и проблемы разработки нового законодательства // Проблемы формирования социалистического правового государства : труды Академии МВД СССР. М., 1991. С. 75–82.
13. Иванов Н. Г. Об унификации оценочных признаков уголовного закона // Российская юстиция. 1996. № 4. С. 18–26.
14. Кленова Т. В. Объективное и субъективное в процессе квалификации преступлений // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации : межвуз. сб. науч. ст. Самара, 1990. С. 20–30.
15. Миренский Б. А. Теоретические основы разработки уголовного законодательства (на материалах независимых государств Средней Азии и Казахстана : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1993. 44 с.
16. Лопашенко Н. А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 2. С. 28–38.

17. Паныко К. К. Техничко-юрідическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 291–301.
18. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в Уголовном законе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 318 с.
19. Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 268–272.
20. Коробец Б. Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 21 с.
21. Юридическая техника : учеб. / под ред. В. М. Баранова. М., 2021. 648.
22. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 17 с.
23. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. 195 с.
24. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2004. 226 с.
25. Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973. 159 с.
26. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Петроград, 1917. 268 с.
27. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве : курс лекций. Н. Новгород, 2008. 244 с.
28. Пронина М. П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование : моногр. М., 2021. 352 с.
29. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 2000. 387.
30. Кобзева Е. В. Казуальное толкование уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. 99–104.
31. Кленова Т. В. Оценочные понятия Уголовного кодекса Российской Федерации проблемы законодательного и судебного толкования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 94–97.

REFERENCES

1. Vil'nyanskii S.I. Application of the norms of Soviet law. *Uchenye zapiski Khar'kovskogo yuridicheskogo instituta = Scientific Notes of the Kharkov Law Institute*, 1956, no. 7, pp. 3–18. (In Russ.).
2. Brainin Ya.M. *Ugolovnyi zakon i ego primenenie* [Criminal law and its application]. Moscow, 1967. 240 p.
3. Kudryavtsev V.N. *Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestuplenii* [Theoretical foundations of the qualification of crimes]. Moscow, 1963. 324 p.
4. Kovalev M.I. The optimal ratio of formal and evaluative in criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1973, no. 11, pp. 68–74. (In Russ.).
5. Naumov A.V. *Primenenie ugolovno-pravovykh norm* [Application of criminal law norms]. Volgograd, 1973. 176 p.
6. Frolov E.A. Stability of the law and the correlation of formally defined and evaluative concepts in criminal law. In: *Problemy ugolovnogo prava i kriminologii: sb. nauch. tr.* [Problems of criminal law and criminology: collection of scientific works]. Sverdlovsk, 1973. 226 p. (In Russ.).
7. Kuznetsova N.F. The effectiveness of criminal law norms and the language of law. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*, 1973, no. 9, pp. 29–33. (In Russ.).
8. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [General theory of qualification of crimes]. Moscow, 1972. 301 p.

9. Pitetskii V.V. *Otsenochnye ponyatiya v sovetskom ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Evaluative concepts in Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1979. 16 p.
10. Shapchenko S.D. *Otsenochnye priznaki v sostavakh konkretnykh prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Evaluative signs in the composition of specific crimes: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kiev, 1988. 24 p.
11. Pitetskii V.V. Specification of evaluative features of criminal law. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1991, no. 2, pp. 12–13. (In Russ.).
12. Makhotkin V.P. Evaluative concepts in criminal law and problems of developing new legislation. In: *Problemy formirovaniya sotsialisticheskogo pravovogo gosudarstva: trudy Akademii MVD SSSR* [Problems of forming a socialist rule of law: proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow, 1991. Pp. 75–82. (In Russ.).
13. Ivanov N.G. On the unification of evaluative features of criminal law. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 1996, no. 4, pp. 18–26. (In Russ.).
14. Klenova T.V. Objective and subjective in the process of qualifying crimes. In: *Ugolovnaya otvetstvennost': osnovaniya i poryadok realizatsii: mezhvuz. sb. nauch. st.* [Criminal liability: grounds and procedure for implementation: interuniversity collection of scientific articles]. Samara, 1990. Pp. 20–30. (In Russ.).
15. Mirenskii B.A. *Teoreticheskie osnovy razrabotki ugovnogo zakonodatel'stva (na materialakh nezavisimyykh gosudarstv Srednei Azii i Kazakhstana: avtoref. ... dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theoretical foundations of the development of criminal legislation (based on the materials of the independent states of Central Asia and Kazakhstan: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1993. 44 p.
16. Lopashenko N.A. Once again about the evaluation categories in the legislative formulations of crimes in the field of economic activity. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2002, no. 2, pp. 28–38. (In Russ.).
17. Pan'ko K.K. Technical and legal quality of the internal properties of the criminal law. In: *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie: sb. st. v 2 t.* [Lawmaking technique of modern Russia: status, problems, improvement: collection of articles in 2 volumes]. Nizhny Novgorod, 2001. Pp. 291–301. (In Russ.).
18. Kobzeva E.V. *Otsenochnye priznaki v Ugolovnom zakone: dis. ... kand. jurid. nauk* [Evaluative features in Criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2002. 318 p.
19. Malinovskii A.A. Evaluative concepts in legislation. In: Baranov V.M. (Ed.). *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie: sb. st. v 2 t.* [Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement: collection of articles in 2 volumes]. Nizhny Novgorod, 2001. Pp. 268–272. (In Russ.).
20. Korobets B.N. *Otsenochnye ponyatiya v rossiiskom ugovnom prave (sotsial'naya obuslovlennost' i yuridicheskaya sushchnost'): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Evaluative concepts in Russian criminal law (social conditionality and legal essence): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2007. 21 p.
21. *Yuridicheskaya tekhnika: ucheb.* [Legal technique: textbook]. Ed. by Baranova V. M. Moscow, 2021. 648 p.
22. Kashanina T.V. *Otsenochnye ponyatiya v sovetskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Evaluative concepts in Soviet law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1974. 17 p.
23. Cherdantsev A.F. *Voprosy tolkovaniya sovetskogo prava* [Issues of interpretation of Soviet law]. Sverdlovsk, 1972. 195 p.
24. Kobzeva E.V. *Otsenochnye priznaki v ugovnom zakone* [Evaluative signs in criminal law]. Ed. by Lopashenko N.A. Saratov, 2004. 226 p.
25. Bokhan V.F. *Formirovanie ubezhdeniya suda* [Formation of the court's conviction]. Minsk, 1973. 159 p.

26. Lyublinskii P.I. *Tekhnika, tolkovanie i kazuistika Ugolovnogo kodeksa* [Technique, interpretation and casuistry of the Criminal Code]. Petrograd, 1917. 268 p.
27. Tikhonova S.S. *Yuridicheskaya tekhnika v ugolovnom prave: kurs lektsii* [Legal technique in criminal law: course of lectures]. Nizhny Novgorod, 2008. 244 p.
28. Pronina M.P. *Yuridicheskaya tekhnika v ugolovnom zakonodatel'stve: teoretiko-prikladnoe issledovanie: monogr.* [Legal technique in criminal legislation: theoretical and applied research: monograph]. Moscow, 2021. 352 p.
29. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti: teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal liability: theory and legislative practice]. Moscow, 2000. 387 p.
30. Kobzeva E.V. Casual interpretation of criminal law norms containing evaluative signs. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of the International scientific and practical conference]. Moscow, 2004. Pp. 99–104. (In Russ.).
31. Klenova T.V. Evaluative concepts of the Criminal Code of the Russian Federation problems of legislative and judicial interpretation. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy 4-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2007. Pp. 94–97. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯНА МАКСИМОВНА ХАЛЕЗОВА – соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия, ykhalezova@bk.ru

YANA M. KHALEZOVA – External Doctoral Candidate at the Department of Criminal and Penal Law of the Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, ykhalezova@bk.ru

Статья поступила 16.11.2022

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.019

Полномочия следователя по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее важные аспекты реализации следователем своих полномочий по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса. Автор исходит из того, что для жалоб, в которых должностные лица, занимающиеся производством по уголовному делу, излагают свою позицию, отличающуюся от точки зрения их непосредственного руководителя или осуществляющего надзор прокурора, предусмотрена специальная процессуальная процедура подачи, рассмотрения и разрешения обращений такого рода. Используя официальные статистические данные, правовые аналогии и результаты сравнительного анализа жалоб и ходатайств, он приходит к выводу о том, что уровень законности российского уголовного судопроизводства пока оставляет желать лучшего, в связи с чем востребованность процедуры уголовно-процессуального обжалования остается довольно высокой. Приводятся аргументы в пользу назревшей необходимости совершенствования норм действующего уголовно-процессуального законодательства в этой части и формулируются предложения, способные повысить как процессуальную самостоятельность следователя, так и правовую защищенность участников досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: жалоба; нарушения закона; обжалование; письменные возражения; предварительное следствие; прокурор; руководитель следственного органа; следователь; уголовное судопроизводство; ходатайство.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шаталов А. С. Полномочия следователя по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 152–162. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.019.

The Investigator's Powers to Appeal the Prosecutor's Decisions Taken at Pre-Trial Stages of the Criminal Process

ALEKSANDR S. SHATALOV

Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Abstract. The article considers crucial aspects of the investigator's exercise of powers to appeal the prosecutor's decisions taken at pre-trial stages of the criminal process. The author proceeds from the fact that for complaints in which officials involved in criminal proceedings state their position, which differs from the point of view of their immediate supervisor or the supervising prosecutor, a special procedural procedure is provided for filing, reviewing and resolving appeals of this kind. Using official statistical data, legal analogies and results of a comparative analysis of complaints and petitions, he concludes that the level of legality of Russian criminal proceedings still leaves much to be desired, and therefore the demand for the procedure of criminal procedural appeal remains quite high. Arguments in favor of improving norms of the current criminal procedure legislation in this part are presented and proposals are formulated that can increase both procedural independence of the investigator and legal protection of participants in pre-trial proceedings in criminal cases.

Keywords: complaint; law violation; appeal; written objections; preliminary investigation; prosecutor; head of the investigative body; investigator; criminal proceedings; petition.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shatalov A.S. The investigator's powers to appeal the prosecutor's decisions taken at pre-trial stages of the criminal process. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 152–162. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.019.

Процессуальные потребности участников уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном обжаловании были и остаются довольно высокими. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что количество жалоб на разного рода нарушения законности при возбуждении уголовного дела и производстве предварительного расследования ежегодно исчисляется тысячами. Органами прокуратуры, например, в 2021 г. было учтено 4 251 163 таких нарушения, а в 2022 г. – 4 212 828 [1]. Это свидетельствует не только о том, что состояние законности при производстве по уголовным делам пока оставляет желать лучшего, но и о назревшей необходимости совершенствования нормативных положений УПК РФ с целью повышения гарантий защищенности участников уголовного судопроизводства. Кроме того, сохраняет остроту проблема дифференциации уголовно-процессуального обжалования. С учетом постоянно увеличивающейся сферы его применения процессуалисты говорят о необходимости совершенствования его структуры и принципов формирования [2–5]. В качестве наиболее важных проблем теоретического характера ими упоминаются неразвитость терминологического аппарата, отсутствие научно обоснованных определений таких понятий, как «обжалование», «субъект права обжалования», «объект обжалования», «предмет обжалования», «свобода обжалования», «злоупотребление

правом на обжалование», оказывающих влияние на правоприменительную деятельность, а также закономерности развития обжалования, типологические и видовые сходства и отличия его элементов в отдельных стадиях и производствах [6;7].

Одним из фундаментальных положений, на которых строится уголовное судопроизводство, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве провозглашено право на обжалование процессуальных действий и решений. Процессуалисты в своих исследованиях придают этому принципу уголовного судопроизводства не только правоохранительный смысл [8, с. 79], но и рассматривают его как способ обеспечения права на ходатайство [9, с. 145], а сами ходатайства и жалобы – как наиболее действенное средство стимулирования процессуальной активности участников уголовного судопроизводства [10, с. 39]. Сущностной характеристикой данного права справедливо признается свобода обжалования, распространенная на действия и решения органов и должностных лиц, участвующих в производстве по уголовному делу. Гарантируя заинтересованным лицам возможность обращаться с жалобами, законодатель стремится к обеспечению реальной состязательности и равноправия сторон, позволяет их представителям восстанавливать нарушенные права и защищать законные интересы, предупреждает различные злоупотребления и иные нарушения законности [11, с. 4]. Свобода обжалования проявляется также в возможности подачи жалобы каждым гражданином, чьи права и законные интересы оказались нарушенными, в отсутствие законодательных предписаний относительно формы и содержания жалобы, в возможности выбора языка, на котором она составляется, а также в недопустимости незаконного преследования обратившихся с ней лиц.

Нормативные положения, относящиеся к порядку обжалования, довольно многочисленны и содержатся практически во всех разделах УПК РФ. Но их действие, как правило, распространяется на частные случаи подачи жалоб. Что касается общего порядка обжалования действий и решений суда и должностных лиц, то он регламентирован нормами гл. 16 УПК РФ (ст. 123–127). Содержащееся в ней правовое регулирование свидетельствует, в частности, о том, что подача жалоб имеет много общего с заявлением ходатайств. На это обстоятельство обращают внимание в своих работах процессуалисты [12, с. 25]. Тем не менее это различные по своей юридической природе официальные обращения участников уголовного судопроизводства, большинство из которых целенаправленно занимается правоохраной. Их ходатайства выступают в качестве персонализированного процессуального средства, предназначенного для устранения разного рода упущений в деятельности органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора или суда, а само обращение с ходатайством призвано инициировать совершение вполне определенных процессуальных действий и принятие конкретных решений, которых по разным причинам пока еще не было. В то время как мотивом обжалования выступает стремление заявителя или его представителей не только выразить отрицательное отношение к уже имевшим место действиям (бездействию) и решениям органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, но и признать ничтожными их последствия или добиться их скорейшего пересмотра в свою пользу. Иными словами, обжалование действий и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда рассматривается законом не только в качестве наиболее надежного средства обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, но и полноценного способа устранения имевших место нарушений закона. Причем те участники уголовного судопроизводства, которые в силу своей принадлежности

к тому или иному правоохранительному органу государства обязаны выполнять правоохранительную функцию, также обладают правом на обращение с жалобой, но только в специально оговоренных законом случаях, а правом заявлять ходатайства они не наделены. С учетом того что некоторые решения по ходатайствам не могут быть обжалованы, нам не представляется возможным согласиться с тем, что «право на подачу жалобы выступает средством обеспечения права на заявление ходатайства и возражение» [13 с. 6]. Вместе с тем процессуалисты, разделяющие данное мнение, правильно обращают внимание на то, что право на жалобу охватывает не только возможность не согласиться с решением по ходатайству, но и выразить несогласие по многим иным поводам [14, с. 108, 109]. В следственной и судебной практике к ним, в частности, принято относить: предъявление надуманных требований к жалобам участников уголовного судопроизводства; несоблюдение разумных сроков принятия, регистрации и рассмотрения жалоб; их разрешение по правилам, не предусмотренным действующим уголовно-процессуальным законодательством; рассмотрение по правилам уголовного судопроизводства жалоб, напрямую не связанных с уголовно-процессуальными правоотношениями; отказ в принятии жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ, и др.

Иногда ходатайства и жалобы сливаются воедино. Это происходит, когда обжалование сопровождается одной или несколькими официальными просьбами, то есть ходатайствами. И наоборот: в ходатайстве может быть выражена жалоба, поскольку одновременно с просьбой о производстве каких-либо действий или принятии решений в нем может указываться на нарушение прав и законных интересов лица, допущенное, к примеру, в результате отказа в удовлетворении ранее заявленного ходатайства. Вместе с тем обжалование неединственное средство обнаружения ошибок и устранения нарушений закона, допущенных участниками уголовного судопроизводства. Например, суд, осуществляя правосудие, вправе самостоятельно и независимо принимать меры по устранению нарушений, допущенных органами дознания и предварительного следствия с целью восстановления прав участников уголовного судопроизводства и создания всех необходимых условий для рассмотрения дела по существу [15]. В результате этим лицам обеспечивается гарантированное ст. 46 Конституции Российской Федерации право на судебную защиту их прав и свобод.

Участники уголовного судопроизводства пользуются этим правом довольно активно, что подтверждается следующими официальными статистическими данными. В следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, например, с учетом жалоб, разрешенных в порядке ст. 124 УПК РФ, в 2022 г. было рассмотрено 611 537 обращений [16]. В органах прокуратуры в том же году было рассмотрено 387 876 жалоб, 85 974 (22 %) из которых были удовлетворены [17]. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в областных и равных им судах в 2022 г. было рассмотрено 429,4 тыс. представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) в порядке судебного контроля, исполнения приговоров и др. [18]. За первое полугодие 2023 г. в суды поступило 55 718 жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, многие из которых разрешения не получили. Из общего их числа было удовлетворено 1920 (3,4 %) жалоб, отказано в удовлетворении по 9139 (16,4 %) жалобам, а по 42 571 (76,4 %) производство было либо прекращено, либо они были отозваны, возвращены или переданы по подсудности [19].

Приведенные статистические данные позволяют убедиться в том, что действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда довольно активно

обжалуются в порядке, установленном нормами гл. 16 УПК РФ, участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Наиболее часто этим правом они пользуются в досудебном производстве по уголовному делу. Адвокат, например, по просьбе своего подзащитного или собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к нему иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы этого лица. Нередкими являются случаи, когда своим правом обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора или руководителя следственного органа, соответственно, вышестоящему прокурору или руководителю вышестоящего следственного органа пользуются должностные лица, осуществляющие производство по уголовным делам (ч. 4 ст. 124 УПК РФ). Так, в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора (ч. 3 ст. 38 УПК РФ). Следовательно, принадлежность дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора к стороне обвинения и выполнение ими одной и той же процессуальной функции не исключают возникновения у них существенных разногласий по наиболее важным вопросам предварительного расследования. Как правило, они влекут за собой обжалование следователем наиболее важных решений, принятых прокурором, в том числе: об отмене постановления о возбуждении уголовного дела; о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия; об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Каждое из этих решений упоминается в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Однако их перечень исчерпывающим не является. В нем, например, не упоминается о предусмотренном ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ праве следователя обжаловать вышестоящему прокурору постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Причем данное решение может быть обжаловано не только самим следователем, но и подозреваемым, обвиняемым и их защитниками.

Все эти предусмотренные законом возможности указывают на то, что обжалование следователем решений прокурора является неотъемлемой частью права на обжалование процессуальных действий и решений как такового. Его присутствие в общей системе принципов уголовного судопроизводства обусловлено необходимостью осуществления защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также подвергнутых уголовному преследованию лиц от незаконного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод. При этом установленный ч. 1–3 ст. 124 УПК РФ порядок рассмотрения прокурором или руководителем следственного органа жалоб участвующих в уголовном процессе частных лиц, не согласных с действиями (бездействием) и решениями должностного лица, осуществляющего производство по делу на начальных стадиях уголовного процесса, не распространяется на указанный в ч. 4 данной статьи порядок обжалования следователем действий (бездействия) и решений руководителя следственного органа или прокурора руководителю вышестоящего следственного органа или вышестоящему прокурору в порядке ведомственного контроля или прокурорского надзора. Следовательно, для жалоб такого рода, в которых должностные лица, занимающиеся производством по уголовному делу, вправе изложить свою позицию, расходящуюся с точкой зрения их непосредственно-

го руководителя или осуществляющего надзор прокурора, предусмотрена специальная, отличная от других процедура рассмотрения и разрешения. Ее закрепление в данной статье УПК РФ означает, что «автономные споры органов предварительного расследования и прокурора относительно существа или объема обвинения и квалификации содеянного соответствуют публично-правовой природе уголовного процесса» [20]. В этой связи закрепленный в УПК РФ порядок обжалования следователем отдельных решений прокурора не распространяется на лиц, отстаивающих в ходе досудебного производства по уголовным делам свои личные интересы. Следовательно, он не может расцениваться как нарушающий их права и законные интересы.

Право следователя на обжалование ограничено не только рамками возбуждения уголовного дела и предварительного расследования как начальных стадий уголовного процесса, но и четко определенным в законе кругом решений прокурора, которые он вправе обжаловать. Но в любом случае каждый акт их обжалования – это продукт волеизъявления следователя, сопряженный с необходимостью получения согласия руководителя следственного органа на направление жалобы вышестоящему прокурору. Следователи Следственного комитета Российской Федерации, например, в течение последних пяти с половиной лет (с 2018 по 2022 г. и первое полугодие 2023 г.) 2056 раз обжаловали решения прокуроров об отмене постановлений о возбуждении уголовного (в том числе в 2018 г. – 357, в 2019 г. – 392, в 2020 г. – 216, в 2021 г. – 188, в 2022 г. – 320, в первом полугодии 2023 г. – 583). Такая реакция следователей на принятые прокурором решения наблюдалась в 76,3 % случаев от общего количества отмененных постановлений о возбуждении уголовных дел. В течение этого же временного периода было зафиксировано 4656 фактов обжалования ими решений прокуроров о возвращении уголовного дела (в том числе в 2018 г. – 1359, в 2019 г. – 1319, в 2020 г. – 686, в 2021 г. – 70, в 2022 г. – 674, в первом полугодии 2023 г. – 548), которые они принимали, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, что составило 43,04 % от общего количества возвращенных ими уголовных дел [21].

Значительное количество обжалуемых следователями решений прокуроров свидетельствует о наличии целого ряда вопросов, возникающих не только в связи с использованием следователем своего права, предусмотренного п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, но и при реализации прокурором надзорных полномочий по отмене решений следователя. Анализ вышеизложенных статистических данных позволяет утверждать, что ныне действующий механизм разрешения процессуальных разногласий, возникающих между следователем и прокурором, не в состоянии полностью их устранить. Противоречия и вызванные ими последствия характерны для вполне конкретных следственных ситуаций, требующих углубленного осмысления процессуалистами. К таковым следует отнести: принятие следователем повторного решения о возбуждении уголовного дела после отмены прокурором аналогичного постановления, вынесенного следователем ранее по тому же самому поводу; произвольное укрупнение следователем пределов обжалования при направлении вышестоящему прокурору возражений в связи с отменой прокурором принятых им решений об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела; инициирование следователем обжалования решений прокурора частными лицами и оказание им в этом практической помощи; оставление без рассмотрения жалоб следователей на постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия и некоторые другие.

Согласно ч. 4 ст. 221 УПК РФ постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю может быть обжаловано последним в течение 72 часов с момента поступле-

ния к нему уголовного дела с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии сего решением – Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). Вышестоящий прокурор в течение десять суток с момента поступления соответствующих материалов обязан вынести постановление либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя, либо об отмене постановления нижестоящего прокурора. В последнем случае он утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд [22, с. 46]. Однако в следственной практике обжалование таких решений нередко приобретает затяжной характер. Средний срок обжалования следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела составляет около двадцати пяти суток, а при повторном обжаловании – более сорока пяти суток. Обжалование решения в Генеральной прокуратуре Российской Федерации иногда занимает около восьмидесяти пяти суток. При обжаловании решения прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела средний срок рассмотрения жалобы следователя составляет более пятнадцати суток, при повторном обжаловании он достигает почти сорока суток, а обжалование этого решения Генеральному прокурору Российской Федерации – пятидесяти суток.

Чрезмерная длительность таких сроков отчасти объясняется тем, что следователь вправе обжаловать решения прокурора только с согласия руководителя следственного органа, получение которого связано с определенными временными затратами. Избежать их нет никакой возможности, поскольку без такого согласия обращение следователя будет лишено юридической силы, невзирая на то, что он обладает процессуальной самостоятельностью и несет персональную ответственность за ход и результат предварительного расследования. С учетом данных обстоятельств в органах прокуратуры Российской Федерации действует правило, согласно которому правом на обжалование решений прокурора может воспользоваться только тот следователь, который осуществляет производство по сообщению о преступлении или уголовному делу, а его несоблюдение исключает вынесение прокурором какого-либо процессуального решения [23]. В отличие от законодательно закрепленной необходимости согласования обжалования следователем решений прокурора со своим непосредственным руководителем, данное правило нами расценивается как вполне рациональное, не ущемляющее процессуальной самостоятельности следователя и не приводящее к превышению пределов разумных сроков обжалования.

Для того чтобы избежать чрезмерного и необоснованного промедления при разрешении жалоб следователя на решения прокурора, необходимо исключить из п. 5 ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ указания на его обязанность подавать свои жалобы «с согласия руководителя следственного органа». Полагаем, что здесь присутствует ресурс для укрепления процессуальной самостоятельности следователя. Поэтому для повышения эффективности процесса реализации его права на обжалование следует признать необходимым и достаточным направление им обычного письменного уведомления руководителю следственного органа о факте состоявшегося обжалования конкретного решения прокурора с одновременным направлением ему копии соответствующей жалобы. Также представляются весьма интересными широко обсуждаемые в процессуальном сообществе идеи о наделении следователя правом обжалования в судебном порядке решений руководителя следственного органа, вышестоящего прокурора и суда, которые он считает незаконными и необоснованными, и о наделении прокурора полномочиями по разрешению жалоб сле-

дователя на указания руководителя следственного органа, ограничивающие его процессуальную самостоятельность [24–26].

Анализ полномочий следователя по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса, убеждает в необходимости совершенствования некоторых нормативных предписаний действующего уголовно-процессуального законодательства. Принципиальными видятся: повышение уровня процессуальной самостоятельности следователя; признание за ним права на обжалование промежуточных судебных решений в вышестоящую судебную инстанцию; ограничение полномочий руководителя следственного органа по участию в рассмотрении жалоб следователя; наделение прокурора полномочиями по разрешению жалоб следователя на ограничивающие его процессуальную самостоятельность указания руководителя следственного органа. Для этого необходимо последовательно совершенствовать правовую основу обжалования с целью исключения фактов подмены уголовно-процессуального обжалования при производстве по уголовным делам иными правовыми механизмами, специально не предназначенными для обеспечения своевременного осуществления уголовного преследования и соблюдения общей продолжительности уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://epp.genproc.gov.ru/wed/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 25.12.2023).
2. Курышева Н. С. Актуальные вопросы производства по жалобе на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора : моногр. М., 2009. 180 с.
3. Лазарева В. А. Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 268 с.
4. Рябоконева С. И. Институты ходатайств и жалоб: один из вопросов неопределенности правовой регламентации // Проблемы права. 2018. № 4 (68). С. 88–92.
5. Юркевич М. А. Обжалование в уголовном судопроизводстве : науч.-практ. пособие. М., 2014. 207 с.
6. Волколупов В. Г. Обжалование процессуальных действий и решений или бездействия властных субъектов в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 332 с.
7. Рудакова С. В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. 564 с.
8. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : моногр. / под ред. В. Н. Григорьева. М., 2022. 448 с.
9. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. 219 с.
10. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. 320 с.
11. Лалиев А. И. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении судом жалоб на действия органов дознания и предварительного следствия // Российский судья. 2010. № 10. С. 4–6.
12. Лугинец Э. Ф. Процессуальная свобода в реализации правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 22–26.
13. Усаров М. И. Право на жалобу как принцип уголовного процесса и средство защиты прав несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.
14. Рудакова С. В. Обжалование действий и решений следователя по УПК РСФСР 1922–1923 гг. и УПК РФ 2001 г. // Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию

принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 28 апреля 2023 г.) / сост. А. Г. Харатишвили. СПб., 2023. С. 107–115.

15. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70306506/> (дата обращения: 25.12.2023).

16. Справка о результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан за 2022 год. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/about> (дата обращения: 25.12.2023).

17. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 25.12.2023).

18. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (дата обращения: 25.12.2023).

19. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за первые 6 мес. 2023 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.phd?id=5> (дата обращения: 25.12.2023).

20. По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 5-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344215/ (дата обращения: 25.12.2023).

21. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 25.12.2023).

22. Горак Н. В. Прокурор и руководитель следственного органа как субъекты рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и их должностных лиц // Библиотека криминалиста. 2015. № 6 (23). С. 46–50.

23. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17092021-n-544-ob-organizatsii/> (дата обращения: 25.12.2023).

24. Герцен П. О. О праве участников со стороны обвинения на обжалование в апелляционном порядке промежуточных решений суда, вынесенных на досудебном этапе: защита частных и публичного интересов // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 47–50.

25. Химичева О. В., Шаров Д. В. О реализации свободы обжалования в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 99–104.

26. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 204 с.

REFERENCES

1. Statistical data on the main performance indicators of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January–December 2022. *General'naya prokuratura RF: ofitsialnyi sait* [Office of the Prosecutor General of the Russian Federation]. Available at: <http://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>. (In Russ.). (Accessed December 25, 2023).

2. Kurysheva N.S. *Aktual'nye voprosy proizvodstva po zhalobe na deistviya (bezdeistvie) i resheniya doznavatelya, sledovatelya i prokurora: monogr.* [Actual issues of proceedings on a complaint against actions (inaction) and decisions of the inquirer, investigator and prosecutor: monograph]. Moscow, 2009. 180 p.

3. Lazareva V.A. *Zashchita prav lichnosti v ugovnom protsesse Rossii: ucheb. posobie dlya vuzov* [Protection of personal rights in the criminal process of Russia: textbook]. Moscow, 2023. 268 p.
4. Ryabokonev S.I. Institutions of petitions and complaints: one of the issues of uncertainty of legal regulation. *Problemy prava = Issues of Law*, 2018, no. 4 (68), pp. 88–92. (In Russ.).
5. Yurkevich M.A. *Obzhalovanie v ugovnom sudoproizvodstve: nauch.–prakt. posobie* [Appeal in criminal proceedings: study guide]. Moscow, 2014. 207 p.
6. Volkolupov V.G. *Obzhalovanie protsessual'nykh deistvii i reshenii ili bezdeistviya vlastnykh sub"ektov v ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk* [Appeal of procedural actions and decisions or inaction of government entities in criminal proceedings: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Volgograd, 2022. 332 p.
7. Rudakova S.V. *Ugovno-protsessual'noe obzhalovanie iego sistema v otechestvennom dosudebnom proizvodstve: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Criminal procedural appeal and its system in domestic pre-trial proceedings: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2023. 564 p.
8. Maksimov O.A. *Khodataistva i zhaloby kak forma vyrazheniya naznacheniya ugovnogo sudoproizvodstva: monogr.* [Petitions and complaints as a form of expression of the purpose of criminal proceedings: monograph]. Ed. by Grigor'ev V.N. Moscow, 2022. 448 p.
9. Shestakova S.D. *Sostyazatel'nost' ugovnogo protsessa* [Adversarial nature of the criminal process]. Saint Petersburg, 2001. 219 p.
10. Smirnov A.V. *Sostyazatel'nyi protsess* [Adversarial process]. Saint Petersburg, 2001. 320 p.
11. Laliev A.I. Problems of the implementation of the principle of competition when considering complaints by the court against the actions of the bodies of inquiry and preliminary investigation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2010, no. 10, pp. 4–6. (In Russ.).
12. Luginets E.F. Procedural freedom in implementation of legal institute of petitions and complaints in criminal proceedings. *Yurist"-Pravoved" = Lawyer-Legal Expert*, 2018, no. 1 (84), pp. 22–26. (In Russ.).
13. Usarov M.I. *Pravo na zhalobu kak printsip ugovnogo protsessa i sredstvo zashchity prav nesovershennoletnikh obvinyaemykh i poterpevshikh v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The right to a complaint as a principle of criminal procedure and a means of protecting the rights of juvenile defendants and victims at the stage of preliminary investigation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2004. 27 p.
14. Rudakova S.V. Appeal of the actions and decisions of the investigator under the 1922–1923 Criminal Procedural Code of the RSFSR and the 2001 Criminal Procedural Code of the Russian Federation. In: *Pervye ugovno-protsessual'nye kodeksy: k 100-letiyu prinyatiya UPK RSFSR 1922–1923 gg.: materialy Vseros. nauch.–prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Sankt-Peterburg, 28 aprelya 2023 g.)* [The first criminal procedural codes: to the 100th anniversary of the adoption of the 1922–1923 Criminal Procedural Code of the RSFSR: materials of the All-Russian Science and Practice Conference with the International participation (Saint Petersburg, April 28, 2023)]. Comp. by Kharatishvili A.G. Saint Petersburg, 2023. Pp. 107–115. (In Russ.).
15. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 2 iyulya 2013 g. № 16-P Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii chasti pervoi stat'i 237 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina Respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda* [The decision of the Constitutional Court of Russia. No. 16-P of July 2, 2013 in the case of checking constitutionality of the Provisions of Part One of Article 237 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan Gadaev B.T. and the request of the Kurgan Regional Court]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70306506/> (accessed December 25, 2023).
16. Data on the results of the work of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation on the consideration of citizens' appeals for 2022. *Ofitsial'nyi sait Sledstvennogo komiteta RF* [Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation]. Available at: <https://sledcom.ru/about/> (accessed December 25, 2023).
17. *Statisticheskie dannye ob osnovnykh pokazatelyakh deyatel'nosti organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2022 g.* [Statistical data on key indicators of the

activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January–December 2022] Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (accessed December 25, 2023).

18. *Obzor sudebnoi statistiki o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei v 2022 godu* [Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates in 2022]. Available at: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (accessed December 25, 2023).

19. *Osnovnye statisticheskie pokazateli deyatel'nosti sudov obshchei yurisdiktsii za pervye 6 mes. 2023 goda* [Key statistical indicators of the activity of courts of general jurisdiction for the first 6 months of 2023]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php&id=5> (accessed December 25, 2023).

20. *Opreделение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 No. 5-О "По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение конституционных прав част'ю первой стат'и 125 и част'ю четвертой стат'и 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-О of January 14, 2020 "On the complaint of citizen Anna N. Marina for violation of constitutional rights by Part 1 of Article 125 and Part 4 of Article 221 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation"]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344215/ (accessed December 25, 2023).

21. Statistical data on key indicators of activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. *Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. Available at: <http://crimestat.ru/analytics> (In Russ.). (Accessed December 25, 2023).

22. Gorak N.V. The prosecutor and the head of investigatory body as subjects of complaints to action (inaction) and to decisions of the bodies of preliminary investigation and their officials. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2015, no. 6 (23), pp. 46–50. (In Russ.).

23. *Prikaz General'nogo prokurora RF от 17 sentyabrya 2021 g. No. 544 "Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za protsessual'noi deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya"* [Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 544 of September 17, 2021 "On the organization of prosecutorial supervision of procedural activities of preliminary investigation bodies"]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17092021-n-544-ob-organizatsii/> (accessed December 25, 2023).

24. Gertsen P.O. On the right of the accused parties to an appeal of interim court decisions made at the pre-trial stage: protection of private and public interests. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2020, no. 16, pp. 47–50. (In Russ.).

25. Khimicheva O.V., Sharov D.V. Appeal freedom realization in the criminal proceedings. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 1 (49), pp. 99–104. (In Russ.).

26. Chervotkin A.S. *Provezhutochnye sudebnye resheniya i poryadok ikh peresmotra v rossiiskom ugolovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Interim court decisions and the procedure for their review in the Russian criminal process: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2013. 204 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Criminal Procedure Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Статья поступила 24.12.2023

Научная статья

УДК 347.63

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.020

Актуальные вопросы правового регулирования установления отцовства в Российской Федерации

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ОНИЩЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФЕДОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nesti2028@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование установления отцовства в Российской Федерации, анализируются положения действующего законодательства и сложившаяся судебная практика, а также проблемы, возникающие в связи с наличием пробелов в данной сфере. Отмечается, что применение презумпции отцовства не всегда отвечает интересам родителей и ребенка.

Ключевые слова: отец; брак; отцовство; презумпция; свидетельство о рождении; алименты.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Для цитирования: Онищенко И. С., Федорова А. В. Актуальные вопросы правового регулирования установления отцовства в Российской Федерации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 163–168. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.020.

Original article

Topical Issues of Legal Regulation of Establishing Paternity in the Russian Federation

IRINA S. ONISHCHENKO

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia

North-Western Institute of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia

onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

© Онищенко И. С., Федорова А. В., 2024

ANASTASIYA V. FEDOROVA

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, nesti2028@inbox.ru

Abstract. The article considers legal regulation of establishing paternity in the Russian Federation, analyzes provisions of current legislation and established judicial practice, as well as problems associated with the presence of gaps in this area. It is noted that the use of paternity presumption does not always meet the interests of parents and children.

Key words: father; marriage; paternity; presumption; birth certificate; alimony.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

For citation: Onishchenko I.S., Fedorova A. V. Topical issues of legal regulation of establishing paternity in the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 163–168. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.020.

В современном мире особую значимость приобретают вопросы отцовства в связи с кризисом института семьи, ростом числа разводов и повторно заключаемых браков.

В семейном праве существует понятие «презумпция отцовства». Это означает, что, когда ребенок рождается в браке (а также в течение 300 дней с момента его расторжения, признания недействительным или смерти супруга), супругам нет необходимости доказывать происхождение ребенка, то есть отцом автоматически признается супруг (бывший супруг) (ч. 2 ст. 48 СК РФ).

В ч. 3 ст. 48 СК РФ регулируется порядок признания отцовства в тех случаях, когда брак не зарегистрирован. Для того чтобы официально признать данный юридический факт, необходимо осуществить следующие действия:

– обоим родителям подать совместное заявление в орган ЗАГС, в том числе в период беременности;

– только отцу обратиться в орган ЗАГС (причем в данном случае необходимо одобрение органа опеки и попечительства). Данный порядок предусмотрен для тех случаев, когда мать умерла, признана судом недееспособной, ее место нахождения неизвестно или она лишена родительских прав. При этом можно отметить, что закон защищает и права ребенка, который достиг совершеннолетия, вводя запрет на установление отцовства без его согласия;

– в судебном порядке в случае отсутствия согласия предполагаемого отца или его смерти. В последнем случае устанавливается факт признания отцовства, как правило, в целях реализации наследственных прав ребенка.

Аналогичные основания регистрации заявления об установлении отцовства прописаны и в ст. 48 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

Таким образом, установление отцовства возможно двумя способами:

– добровольным, когда отец (биологический или нет) выражает свое согласие быть записанным в этом качестве в свидетельстве о рождении и нести все связанные с этим статусом обязанности (воспитывать, содержать и т. п.);

– принудительным, то есть через суд. В таком порядке разрешаются вопросы установления отцовства и в тех случаях, которые не охвачены вышеуказанными нормами. Например, в суд могут обратиться не только родители, но и другие заинтересованные лица. Так,

в случае отсутствия брака и заявления родителей в суд могут обратиться опекуны (попечители), иные лица, на иждивении которых находится ребенок, или он сам после наступления совершеннолетия.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ суд устанавливает факт признания отцовства. Этот факт имеет юридическое значение для получения наследства, назначения пенсии по случаю смерти кормильца, возмещения вреда. Данный факт подлежит установлению в судебном порядке на основании ст. 50 СК РФ, если мужчина, который признавал себя отцом ребенка, умер и при этом не состоял в браке с матерью. В суде необходимо доказать факт смерти, отсутствие зарегистрированного брака, факт признания отцовства, правовую цель установления факта, а также отсутствие спора о праве. Например, М. обратилась в суд с требованиями об установлении факта признания отцовства, указав, что с 2013 по 2017 г. она проживала в незарегистрированном браке с Л. В этот период у них родился сын. Отчество ребенку было дано по указанию истца из имени биологического отца, однако в связи с тем что они не состояли в зарегистрированном браке, в свидетельстве о рождении ребенка отсутствует запись об отце. М. и Л. проживали совместно и вели общее хозяйство, Л. признавал ребенка своим сыном, заботился о нем, принимал участие в его воспитании и содержании. В 2017 г. он умер, а М. просила установить признание отцовства, что необходимо ей для назначения пенсии по случаю потери кормильца. Суд заявление удовлетворил [1].

При этом следует отметить, что в семейном законодательстве не урегулирован вопрос подачи заявления о том, что супруг не является отцом ребенка. Отсутствие подобной нормы является пробелом в законодательстве и усложняет процедуру установления отцовства по желанию отца [2, с. 57].

Как было отмечено ранее, отцом автоматически признается лицо, которое состоит в браке с матерью ребенка. В ситуации, если супруг не признает ребенка и на самом деле не является его отцом, то оспорить запись об отцовстве необходимо будет в судебном порядке, что потребует дополнительных затрат времени. Например, К. обратилась в суд с заявлением, указав, что родила дочь от нынешнего супруга в тот период, когда не был официально расторгнут брак с предыдущим. В этой связи дочь была записана на бывшего мужа. К. просила суд исключить из графы отца ребенка и записать его на фамилию матери. Исковые требования были удовлетворены [3].

Д. Д. Бабаян и Н. В. Кононенко предлагают обратиться к опыту Республики Беларусь, где отцовство устанавливается путем подачи совместного заявления обоих родителей. Следовательно, презумпции отцовства не предусмотрено. Также супруги могут подать отдельные заявления о том, что нынешний супруг не является отцом. В этой связи авторы указывают, что презумпция отцовства, принятая в российском семейном праве, не всегда оправдана, поскольку муж может не являться биологическим отцом ребенка, однако обязанности отца будут возложены именно на него, что будет нарушать его интересы. Д. Д. Бабаян и Н. В. Кононенко называют такую ситуацию «вынужденным юридическим отцовством» [4, с. 30].

По этому поводу Т. А. Мосиенко и Л. А. Карагезян отмечают, что в ряде случаев мать знает о том, что официальный отец таковым не является, но записывает его в качестве отца в свидетельстве о рождении. Такой человек может длительное время воспитывать и содержать чужого ребенка, узнав позже об этом факте. Авторы считают, что для таких случаев следует предусмотреть возможность требования компенсации морального вреда и воз-

мещения расходов, которые обманутый отец понес на содержание чужого ребенка и его матери [5, с. 28].

Другой крайностью при установлении отцовства является неподтверждение этого факта по результатам генетической экспертизы. При этом мужчина, который был вынужден проходить через эти процедуры, судебные разбирательства, также может испытывать нравственные и моральные страдания, связанные, например, с осуждением родственников, коллег и общества. В этой связи такой человек также мог бы претендовать на компенсацию морального вреда, если будет установлено, что мать ребенка, с которой он не состоит в браке, знала, что мужчина отцом не является, но при этом обратилась в суд с иском об установлении отцовства.

После процедуры установления отцовства, как правило, меняется отчество ребенка, однако встречаются случаи, когда на это не согласен сам ребенок. В этом случае имеет место столкновение интересов ребенка и отца. З. А. Ахмедова и Б. Р. Тарикова считают, что здесь необходимо встать на сторону отца и поменять ребенку отчество, поскольку последний в силу своей физической и социальной незрелости еще не в состоянии оценить ситуацию со всех сторон [6, с. 102].

Установление отцовства влечет различные правовые последствия, причем не только семейно-правовые. Оно влияет на жилищные обязательства, наследственные правоотношения, вопросы социального обеспечения. Некоторые матери хотят установить отцовство лишь с единственной целью – получение алиментов на содержание ребенка. Например, У. обратилась в суд с исковым заявлением об установлении отцовства И. в отношении сына и взыскании алиментов на него в твердой денежной сумме в размере 5 тыс. руб. Так как на момент рождения ребенка брак между истцом и ответчиком не был зарегистрирован, в графе «отец» стоял прочерк. При этом ответчик не признает отцовства, не оказывает никакой материальной помощи на содержание их малолетнего сына. Суд учел, что кроме показаний самой истицы факт отцовства достоверно подтверждается исследованными в судебном заседании письменными и иными доказательствами и удовлетворил иск [7].

Однако следует помнить, что после установления отцовства отец приобретает не только обязанности, но и права по отношению к нему. В частности, он может обратиться в суд с иском о совместном проживании с ребенком; выезд ребенка за рубеж будет возможен только с разрешения отца. Данные моменты могут быть использованы недобросовестным отцом во вред ребенку без веских на то причин. По этому поводу в научной доктрине высказываются предложения о лишении биологического отца родительских прав в случае невыполнения им родительских обязанностей по воспитанию [8, с. 37], что не лишено смысла.

Таким образом, правовое регулирование установления отцовства имеет важное значение в современном мире. При этом необходимо своевременно восполнять правовые пробелы, приводящие к возникновению противоречий, которые сказываются негативно и на родителях, и на интересах ребенка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Решение Химкинского городского суда Московской области № 2-6892/2019 2-814/2020 2-814/2020(2-6892/2019);~М-6487/2019 М-6487/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 2-6892/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UwPPrlq6uDWx/?ysclid=lpb1atxfhz579207683> (дата обращения: 10.11.2023).

2. Кудрявцева Л. В., Приходько Е. Г. Российское коллизионное законодательство в сфере брачно-семейных отношений: актуальные проблемы и пути совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 57–60.
3. Решение Шамильского районного суда Республики Дагестан № 2-300/2021 2-300/2021-М-287/2021 М-287/2021 от 16 ноября 2021 г. по делу № 2-300/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ije1XxerLgIV/> (дата обращения: 10.11.2023).
4. Бабаян Д. Д., Кононенко Н. В. Проблемы установления отцовства (материнства) по семейному законодательству // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-4. С. 30–32.
5. Мосиенко Т. А., Карагезян Л. А. Актуальные проблемы, возникающие при установлении отцовства // Colloquium-Journal. 2019. № 12-10 (36). С. 28–30.
6. Ахмедова З. А., Тарикова Б. Р. Проблемные аспекты установления отцовства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. № 3. С. 102–108.
7. Решение Шамильского районного суда Республики Дагестан № 2-257/2020 2-257/2020-М-228/2020 М-228/2020 от 7 октября 2020 г. по делу № 2-257/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s3GqyXhqNjVu> (дата обращения: 10.11.2023).
8. Левша В. С. Особенности установления происхождения детей лицами, не состоящими в официально зарегистрированном браке // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 4 (8). С. 37–40.

REFERENCES

1. *Reshenie Khimkinskogo gorodskogo suda Moskovskoi oblasti № 2- 6892/2019 2-814/2020 2-814/2020(2-6892/2019;)-M-6487/2019 M-6487/2019 ot 11 fevralya 2020 g. po delu № 2-6892/2019* [Decision of the Khimkinsky City Court of the Moscow Oblast No. 2-6892/2019 2-814/2020 2-814/2020(2-6892/2019;)-M-6487/2019 M-6487/2019 of February 11, 2020 in case No. 2-6892/2019]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/UwPPrlq6uDWx/?ysclid=lpb1atxfh579207683> (accessed November 10, 2023).
2. Kudryavtseva L.V., Prikhod'ko E.G. Russian collisional law in the field of marriage-family relations: topical problems and ways to improve. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2020, no. 1, pp. 57–60. (In Russ.).
3. *Reshenie Shamil'skogo raionnogo suda Respubliki Dagestan № 2-300/2021 2-300/2021-M-287/2021 M-287/2021 ot 16 noyabrya 2021 g. po delu № 2-300/2021* [Decision of the Shamilsky District Court of the RD No. 2-300/2021 2-300/2021- M-287/2021 M-287/2021 of November 16, 2021 in case No. 2-300/2021]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/ije1XxerLgIV/> (accessed November 10, 2023).
4. Babayan D.D., Kononenko N.V. Problems of establishing paternity (motherhood) according to family legislation. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2023, no. 93-4, pp. 30–32. (In Russ.).
5. Mosienko T.A., Karagezyan L.A. Current problems arising in the establishment of paternity. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 12–10 (36), pp. 28–30. (In Russ.).
6. Akhmedova Z.A., Tarikova B.R. Problematic aspects of establishing paternity. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki = Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*, 2019, no. 3, pp. 102–108. (In Russ.).
7. *Reshenie Shamil'skogo raionnogo suda Respubliki Dagestan № 2-257/2020 2-257/2020-M-228/2020 M-228/2020 ot 7 oktyabrya 2020 g. po delu № 2-257/2020* [Decision of the Shamilsky District Court RD No. 2-257/2020 2-257/2020-M-228/2020 M-228/2020 of October 7, 2020 in case No. 2-257/2020]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/s3GqyXhqNjVu> (accessed November 10, 2023).

8. Levsha V.S. Peculiarities of of the origin of children, persons not being officially married. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii = Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2013, no. 4 (8), pp. 37–40. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ОНИЩЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФЕДОРОВА – курсант третьего курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nesti2028@inbox.ru

IRINA S. ONISHCHENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, associate professor at the Department of Civil Law and Civil Procedure of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

ANASTASIYA V. FEDOROVA – 3d year cadet of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, nesti2028@inbox.ru

Статья поступила 20.01.2024

Научная статья

УДК 341

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.021

Международно-правовая и политическая оценка тенденций развития Интерпола

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТАРАНЕЦ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые международно-правовые и политические аспекты развития Интерпола в краткосрочной перспективе. Отмечается, что Интерпол сталкивается с прогрессирующими вызовами современности, для качественного ответа на которые организации необходимо уделять особое внимание развитию своего цифрового присутствия и методов борьбы с киберпреступлениями, не забывая при этом о классических методах борьбы с транснациональной преступностью. Статья содержит некоторые теоретические рекомендации, исполнение которых способно оптимизировать деятельность организации.

Ключевые слова: Интерпол; информационная безопасность; инновации, киберпреступность; транснациональная преступность; международное право.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Мишальченко М. Ю., Таранец В. А. Международно-правовая и политическая оценка тенденций развития Интерпола // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 169–175. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.021.

Original article

International Legal and Political Assessment of the Interpol Development

YURII V. MISHAL'CHENKO

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

MARIYA YU. MISHAL'CHENKO

State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia,
mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

VYACHESLAV A. TARANETS

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Abstract. The article considers some international legal and political aspects of the Interpol development in the short term. Interpol faces progressive challenges of our time, for a qualitative response to which the organization needs to pay special attention to the development of its digital presence and methods of combating cybercrime, while not forgetting classic methods of combating transnational crime. The article contains some theoretical recommendations, the implementation of which can optimize the activities of Interpol.

Keywords: Interpol; information security; innovations, cybercrime; transnational crime; international law.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.5. International law sciences.

For citation: Mishal'chenko Yu.V., Mishal'chenko M.Yu., Taranets V.A. International legal and political assessment of the Interpol development. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 169–175. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.021.

Интерпол, обладая уникальным статусом международной организации с широчайшей географией присутствия, но лишенной (по крайней мере на бумаге) политического веса или инициативы, сталкивается с рядом вызовов, связанных с непрерывным развитием окружающей действительности. Тренд на цифровизацию в совокупности с некоторыми другими новшествами современной системы международных правоотношений подталкивает Интерпол к изменениям, которые могут быть расценены в качестве адекватного ответа организации на наиболее громкие вызовы современности. В статье будут рассмотрены некоторые направления развития международной организации уголовной полиции.

Один из главных вызовов, с которым Интерполу предстоит справиться в ближайшие годы, – острая потребность в повышении степени транспарентности внутренних процессов наряду с обеспечением более полного представления о деятельности организации в глазах общественности. С подобным вызовом сегодня сталкиваются практически все крупные международные институты – степень гражданственности растет, общество ста-

новится все более вовлеченным в политику и международные отношения. Причина этого в широком распространении СМИ нового типа: различных каналов, групп, чатов и рассылок, а также появлении возможности получать прямой доступ к позициям лидеров общественного мнения (корреспондентов, экспертов, исследователей и ученых) из разных сфер. Населению теперь недостаточно лишь официальных позиций и сухих выжимок в классических средствах массовой информации [1]. В случае если Интерпол проигнорирует данную тенденцию, он рискует стать заложником ситуации, в которой понесет существенные имиджевые потери, предоставив право говорить о себе каналам, не относящимся напрямую к организации, но активно анализирующим его актуальную деятельность и преподносящим информацию аудитории в выгодной для себя форме. Для недопущения подобного развития событий Интерполу стоит провести качественную, глубокую работу по повышению транспарентности процессов внутри организации с тем, чтобы перехватить инициативу и самостоятельно формировать имидж в глазах общественности, не передавая инициативу сторонним источникам и аналитическим центрам нового типа. Однако для Интерпола здесь присутствует дополнительное препятствие, а именно большое количество засекреченной либо оперативной информации, несвоевременное освещение которой может существенно осложнить деятельность международной организации уголовной полиции на современном этапе. Более того, Интерполу может быть достаточно сложно провести консолидированную работу по данному направлению ввиду межведомственного характера его деятельности. Возможно, не так просто будет выработать общие правила, которые устроили бы всех участников организации, многие из которых представляют принципиально разные правовые и политические культуры.

Второй вызов для организации практически напрямую связан с предыдущим. Его суть заключается в том, что современные субъекты международных правоотношений чуть ли не открыто подталкивают Интерпол к так называемому выбору стороны в современном многополярном мире. Дело в том, что в современной системе международного права существуют глубокие, порой неразрешимые кризисы, как старые (к примеру, арабо-израильский конфликт), так и новые (попытка отменить русский язык и русскую культуру), но при этом международные акторы, напрямую участвующие в таких международных противоречиях, активно участвуют в деятельности Интерпола на современном этапе. И если подобная тенденция в другой организации (к примеру, в рамках ООН) подразумевает деление на группы интересов и конфликт мнений, то в рамках Интерпола подобное противостояние может носить деструктивный для деятельности организации характер, так как ее работа в первую очередь зависит от кооперации различных национальных полицейских ведомств, так или иначе находящихся под влиянием интересов своего национального правительства. С целью предотвращения внутреннего конфликта внутри организации Интерполу стоит и далее придерживаться своих аполитичных позиций, укрепляя существующие и создавая новые связи между ведомствами и государствами в рамках своей структуры.

Перечисленные выше вызовы с известной степенью уверенности можно отнести к проблемам скорее институционального характера. Однако Интерпол сталкивается и с более практико-ориентированными проблемами, к примеру с потребностью в обновлении своего информационно-технологического компонента. Существующая на данный момент инфраструктура информационных технологий, обеспечивающая надлежащую и бесперебойную деятельность международной организации уголовной полиции, нуждается в оптимизации. Подобная оптимизация тоже может выступать в качестве практического вызова, так как сопряжена с некоторыми рисками, связанными, в первую очередь, с высокой секретностью

внутренних разработок организации и ограниченным доступом к ее базам данных. Для надлежащей оптимизации Интерпол должен создать собственную систему информационных технологий, с тем чтобы не выносить информацию за пределы Интерпола (такая разработка называется *outsourcing*, она подразумевает подписание соглашения о неразглашении и передачу права на разработку сторонней компании), с чем связаны риски утечек. Стоит отметить, что в рамках глобального комплекса инноваций Интерпол частично покрывает потребности в решении данной задачи, что позволяет сделать вывод о том, что организация находится на верном пути и сумеет привести свою внутреннюю информационную систему к наиболее актуальным международным стандартам в области разработки программного обеспечения с использованием искусственного интеллекта.

Наконец, один из наиболее громких практических вызовов, с которым Интерпол сталкивается на сегодняшний день, – острая потребность в расширении методов превентивной и оперативной борьбы с новыми видами преступлений, многие из которых относятся к информационным технологиям, криптовалютам, блокчейну и иным трендам современной IT-индустрии [2]. Если в области борьбы с классическими уголовными преступлениями Интерпол располагает широким спектром наработок ведущих полицейских служб со всего мира, что позволяет ему качественно справляться с обычными нарушениями правопорядка, то в области информационных преступлений лишь предстоит нарабатывать подобный арсенал. Для надлежащего ответа на этот вызов Интерполу предстоит перебороть внутреннее геронтократическое сопротивление восприятию информационных преступлений в качестве столь же опасных, как и преступления классические, раскрытием и предотвращением которых Интерпол занимается практически с момента своего учреждения в начале предыдущего столетия. Невнимание к такому тренду может привести к серьезным имиджевым потерям и утрате организацией своего статуса, что недопустимо при всей значимости Интерпола в борьбе с транснациональной преступностью. Здесь снова хотелось бы вспомнить об инициативе создания глобального комплекса инноваций, расположенного в Сингапуре [3]. Данный комплекс занимается в том числе лоббистской деятельностью по привлечению внимания руководства Интерпола к важности информационных преступлений, подчеркивая при этом взаимосвязь с классическими преступлениями, так как в наши дни практически все нарушения правопорядка так или иначе связаны с информационной средой. К таким нарушениям стоит отнести международный терроризм, транснациональную организованную преступность, кибершпионаж. Например, международный наркотрафик успешно осваивает новые способы распространения наркотических веществ через слабо контролируемый Интернет. Интерпол может справиться с этим вызовом и стать настоящим оплотом знаний о преступлениях, совершаемых в информационной среде, а также своего рода центром для разработки практик превентивной работы по предотвращению подобных преступлений.

Следует выделить некоторые перспективные направления дальнейшего развития Интерпола. Наличие подобных трендов позволит оценить жизнеспособность и потенциал организации в обозримом будущем, что крайне важно для общей оценки деятельности организации и релевантности ее правового статуса на современном этапе.

В качестве первого направления стоит выделить повышение внимания к вопросу кибербезопасности, в рамках которого Интерпол должен продолжить расширять свое участие в вопросе борьбы с преступлениями, совершаемыми в цифровой среде. Помимо сотрудничества со странами в рамках своей структуры Интерпол также должен озаботиться вопро-

сом развития партнерства с ведущими технологическими компаниями в целях повышения уровня собственной экспертизы и авторитета в области противостояния киберугрозам.

Другой тренд, который однозначно будет сопровождать деятельность Интерпола в обозримом будущем, – расширение и укрепление трансграничного сотрудничества с целью повышения эффективности борьбы с криминальной деятельностью повсеместно. Интерполу, возможно, удастся продолжить свою деятельность в аполитичном русле, преследуя в первую очередь преступников, а не политические интересы. Подобная практика позволит существенно укрепить существующие связи и создать новые, а в условиях динамично меняющегося мира со все большим количеством международных конфликтов подобный инструмент сотрудничества может иметь ключевое значение для дальнейшего развития современной системы международных правоотношений в новом формате.

Стоит также отметить, что Интерполу предстоит выработать новую, более четкую и многоступенчатую стратегию дальнейшей деятельности и развития организации. Наличие такого программного документа необходимо для любой межправительственной организации, и поэтому его наличие для Интерпола действительно трудно недооценить. В рамках такого стратегического документа должны быть рассмотрены ключевые вызовы современности, с которыми сталкивается Интерпол. Более того, такая программа должна включать в себя четкую дорожную карту развития организации, которая позволит ей оставаться полезной и актуальной для государств. Ее примерные элементы могут включать в себя такие меры, как:

- углубление сотрудничества с другими странами для разработки новых методов борьбы с киберпреступлениями [4];
- усиление работы в области борьбы с международным терроризмом и другими формами транснациональной преступности;
- дальнейшее развитие международной базы данных с биометрическими данными и иными новейшими разработками криминалистики;
- развитие средств пресечения и расследования международного финансового мошенничества (в том числе с применением блокчейн технологий для обеспечения прозрачности и безопасности транзакций);
- разработка международных стандартов протокола для обмена информацией между правоохранительными органами разных стран;
- усиление кадровой подготовки;
- развитие партнерства с многонациональными корпорациями с целью использования их производственных мощностей и технологий.

Следующее направление в развитии Интерпола в обозримом будущем – развитие собственных уникальных технологий. Интерпол должен продолжать применять и развивать собственные технологии и разработки для более успешной охраны международного правопорядка и обеспечения безопасности граждан. В данный момент организации удалось инкорпорировать в свою деятельность такие наработки, как работа с биометрическими данными; проведение онлайн-консультаций с НЦБ (это стало особенно актуальным во время пандемии); создание коллаборативных платформ в сети, в рамках деятельности которых полицейские ведомства различных стран могут оперативно обмениваться информацией под эгидой Интерпола, но вне полного погружения в его информационную систему; применение искусственного интеллекта для работы с большим объемом данных и выявления закономерностей и взаимосвязей между преступниками и преступлениями, а также качественный и тщательный мониторинг социальных сетей с целью раннего предотвраще-

ния потенциальных правонарушений [5]. Однако практически ежедневно возникают новые вызовы, с которыми Интерполу только предстоит познакомиться.

Интерполу необходимо продолжить международное сотрудничество по совершенствованию своих методик и технологий с тем, чтобы более качественно заниматься охраной международного правопорядка как в оперативном, так и в превентивном направлениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Важенина И. В., Ефимова О.И. Исторические и организационно-правовые аспекты международного сотрудничества в правоохранительной сфере // Академическая мысль. 2022. № 4. С. 82–88.
2. Безручко Е. В., Ходусов А.А. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных средств: философско-правовое конструирование эффективных классификаций // Философия права. 2020 № 3 (94). С. 89–95.
3. Мысина А. И. Международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров, специализирующихся на вопросах противодействия преступлениям в сфере информационных технологий // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 178–180.
4. Бондарь Е. О. Киберпреступность как новая криминальная угроза / Е. О. Бондарь // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 155–158.
5. Волеводз А.Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол: правовые основы организации и деятельности. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=644215&soch=1> (дата обращения: 10.04.2023).

REFERENCES

1. Vazhenina I.V., Efimova O.I. Historical and organizational and legal aspects of international law enforcement cooperation. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2022, no. 4, pp. 82–88. (In Russ.).
2. Bezruchko E.V., Khodusov A.A. Crimes committed using information and telecommunication means: philosophical and legal formation of effective classifications. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2020, no. 3 (94), pp. 89–95. (In Russ.).
3. Mysina A.I. International cooperation in the field of training police personnel specializing in countering crimes in the field of information technology. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogy of Official Activity*, 2020, no. 4, pp. 178–180. (In Russ.).
4. Bondar' E.O. Cybercrime as a new global criminal threat. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 155–158. (In Russ.).
5. Volevodz A.G. *Mezhdunarodnaya organizatsiya ugolovnoĭ politzii – Interpol: pravovye osnovy organizatsii i deyatel'nosti* [International Criminal Police Organization – Interpol: legal foundations of organization and activity]. Available at: <http://viperson.ru/wind.php?ID=644215&soch=1> (accessed April 10, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

YURIY V. MISHAL'CHENKO – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО – ассистент кафедры гражданского и коммерческого права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТАРАНЕЦ – аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

MARIYA YU. MISHAL'CHENKO – Assistant at the Department of Civil and Commercial Law of the State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

VYACHESLAV A. TARANETS – Postgraduate Student at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Статья поступила 26.01.2024

